



Её вина

Анна Джолос

Анна Джолос

Её вина

<https://litres.ru/74485103>

Аннотация

Арина – дочь успешного бизнесмена. Она красива, молода и успешна. Управляет модным столичным рестораном, путешествует по миру и живёт в своё удовольствие.

Максим привык добиваться всего сам. На протяжении долгих лет он упорно идёт к своей цели, рассчитывая лишь на себя.

Их пути не должны были пересечься. Но одна роковая ночь меняет всё...

Содержание

Глава 1 Арина	5
Глава 2 Арина	13
Глава 3 Арина	20
Глава 4 Арина	31
Глава 5 Арина	43
Глава 6 Арина	53
Глава 7 Максим	63
Глава 8 Максим	72
Глава 9 Арина	86
Глава 10 Арина	93
Глава 11 Арина	104
Глава 12 Арина	115
Глава 13 Арина	121
Глава 14 Арина	133
Глава 15 Арина	139
Глава 16 Арина	151
Глава 17 Арина	164
Глава 18 Максим	177
Глава 19 Максим	190
Глава 20 Максим	200
Глава 21 Захар	214
Глава 22 Захар	227
Глава 23 Захар	235

Глава 1 Арина

Пресненская набережная
апартаменты Москва-Сити

Поздний вечер, приглушённый свет, бубнящая со стены плазма. Растянувшись на диване, смотрю «Москва слезам не верит», то и дело закидывая в рот крупную, сочную малину.

Разминаю шею. Болит адски, надо бы посетить мануального терапевта. Либо перестаралась в спортзале, либо всему виной мой дизайнерский диван. Нереально красивый, но, как оказалось, совершенно неудобный.

Листаю в телефоне фотки шикарного отеля, зарезервированного новым турагентом. Скорей бы уже свалить в солнечную Италию. Устала изображать из себя бизнес-леди. Как говорит одна из моих подруг, Рената, «я заигралась в трудовоголика». Так-то она права... Раздавать указания направо и налево, строить морду кирпичом и шпынять персонал – весьма увлекательно, но... поднадоело. Круто быть ресторатором, не спорю, однако вдаваться в подробности, проверять бухгалтерию и терпеть проверки – нудятина полная. Хочу золотистый песок, Средиземное море, ласкающее мои ступни, и бокал холодного Мохито в руке. Чтобы чайки фоном истошно орали, а лёгкий бриз играл с моими волосами. К счастью, всё это воплотится в реальность уже в ближайшем будущем.

Вздыхаю, откладываю телефон и зеваю, прижимаясь ще-

кой к подушке. Очередная рабочая неделя подходит к концу, и в Москве начинается долгожданная пора – лето. Здравствуй: духота, раскалённый асфальт и толпы снующих туда-сюда пешеходов, светящиеся энтузиазмом лица которых, вызывают рвотный рефлекс.

Желающих посетить столицу в любое время года пруд пруди, ведь не только иностранец, но и едва ли не каждый житель нашей России-матушки мечтает оказаться на Красной Площади, сделать селфи на фоне Кремля и увидеть воочию знаменитый памятник русского зодчества – Собор Василия Блаженного. Что там ещё по списку? Кинуть монетку в Москву-реку, посетить ландшафтный парк Зарядье, зайти в ГУМ (чтобы поохать и выказать своё недовольство ценами), «взобраться» на Воробьёвы Горы и подняться на смотровую Москва-Сити.

В общем, цель у российского туриста, приехавшего из региона, довольно проста: набраться впечатлений, сделать кучу фоток, купить незамысловатый сувенир и со всем этим добром отправиться назад восвояси, чтобы ещё долго потом рассказывать о своей замечательной поездке в столицу всем вокруг. Ах да, особо смелые, вдохновившись, обязательно поедут покорять вожделенный мегаполис.

И ведь реально подобные энтузиасты охотно верят в то, что им это удастся. Да только по факту получается несколько иначе – пахнут как кони, и зарплата, о которой мечталось, незаметно так и ненавязчиво расходится: съёмная квартира,

кредиты, продукты, медуслуги и прочее. Нецелесообразно их нахождение здесь. Понимают, но со временем, когда первый восторг проходит. По итогу, процентов семьдесят уматывают на малую родину, так и не заполучив свою прекрасную сказку.

Люди, нельзя быть настолько наивными! В наше время абсолютно всё решают деньги и связи. Единичные исключения (громкие истории о том, как кто-то выбился из «грязи в князи» и построил умопомрачительную карьеру) – не в счёт.

Да простят меня приезжие, но, если говорить откровенно, то я терпеть не могу весь этот круглогодичный движ. Временами я ненавижу свой родной город также сильно, как люблю. Столица реально перенаселена и перегружена транспортом. Чувствуется, что ей тяжело «дышать».

«То ли дело Москва сорокалетней давности!» – непременно сказал бы мой отец.

Он до сих пор вспоминает времена своей молодости с какой-то странной, грустной улыбкой на губах. Ностальгирует, рассказывая о летней олимпиаде восьмидесятого, пустынной улице Горького (теперь уже Тверской) и синем круговом троллейбусе, что ходил когда-то по Садовому.

Дефицит товаров (а в Москве он тоже был), квартирники, подпольные концерты... Дикость, но, наверное, и правда была в «той Москве» какая-то своя, особенная романтика. Меня вот тоже старые фильмы чем-то подкупают. На мой взгляд, нет в них тупости, дешевизны и пошлости.

Назойливая реклама. Нехотя поднимаюсь с дивана. Надо бы переодеться, но вместо этого я иду на балкон, послушать гудящий город. Усаживаюсь в удобное плетёное кресло, закидываю ноги на парапет и кручу на пальце кольцо, ценник которого даже меня приятно порадовал.

Ай-да Ахметов, расстарался! Не скупится на подарки, да только этим меня разве удивишь? К подобному вниманию со стороны парней я давно привыкла. К тому же, не буду кривить душой, я могу позволить себе купить всё, что угодно. На папины деньги.

Отрываю взгляд от сверкающего в свете огней украшения и смотрю на ночную столицу.

Красотища... Люблю район Москва-Сити, он разительно отличается от других по многим параметрам. Снимать здесь апартаменты – удовольствие не из дешёвых, но это определённо того стоит. Развитая инфраструктура, шикарный вид из окна. Надеюсь, количество стеклянных башен со временем увеличится. Мне по душе такая футуристичность, впрочем, и от прогулки по старой Москве, я никогда не откажусь.

Покурить бы, но не хочется срываться, я ведь вроде как распрощалась с вредной привычкой, и далось мне это нелегко. Если выразиться предельно мягко.

Закрываю глаза и пару минут лежу, вдыхая прохладный воздух. Едва не засыпаю под размеренный шум мегаполиса, однако мой релакс безжалостно прерывает трель айфона. Незнакомый номер. Ну и кто бы это мог быть? Терпеть не

могу такие звонки.

– Алло... – недовольно смотрю на часы. Половина двенадцатого.

– Ариииш, слава богам, что ты ответила! – в трубке раздаётся чересчур весёлый голос моей закадычной подруги.

– Ксюха? – уточняю на всякий случай.

– Да я это я! Кис, ты не представляешь, что я сделала! Самойлова подозрительно растягивает слова и хохочет.

Выпила, что ли? Серьёзно?

– В общем я отомстила, Ариш!

Ой не к добру... Этот её нездоровый задор настораживает.

– Я этому козлу тачку испортила! – сообщает она с гордостью. – Хорошим таким гвоздём, ахаха!

О боже... Я тут же в красках представляю пострадавший от её рук красный корвет.

– И что написала? – интересуюсь мрачно.

– «Егор–потаскун» на всю левую сторону, – хихикает эта умалишённая, и мои брови ползут вверх. – Вот такендовыми буквами, Арин. Мне кажется их даже из Космоса видно!

Прямо вижу, как она активно жестикулирует.

– Ты как вообще до такого додумалась? – обалдевши, решаю узнать спустя минуту.

Вообще, это я в нашей компании эдакий «массовик-затейник». О моей склонности к авантюрам и неадекватным поступкам ходят легенды. А вот Самойлова у нас правиль-

ная до мозга костей: трясётся, переживает и пытается настаивать обезбашенных друзей на путь истинный. Но сегодня явно что-то пошло не так. Говорят же, что в тихом омуте черти водятся. Ну вот, полюбуйтесь.

– Сидела дома, смотрела сериал... ик... а там ситуация один в один как у меня. Короче я поехала к этой его новой бабе... ик... и не ошиблась! Там он был, свинья мерзкая.

– Машина-то причём?

Жалко тачку, честное слово. Егор, конечно, тот ещё экземпляр, но всё же...

– Яиц разбила два десятка, пакеты с мусором вывалила на крышу. Везла с собой на такси, – она заливисто хохочет. – Всё как в кино сделала, Ариш! Даже лучше!

– Жесть, Самойлова. Да ты, оказывается, страшный человек! – качаю головой.

– Да вообще! Знаешь, как я собой горжусь! Как никогда, – орёт она в трубку.

Закрываю ладонью лицо и не могу сдержать улыбку. Звездеч просто. И как только Дорохов не прибил её после подобной выходки?

– Лобовик ему разгрохала кирпичом и засунула под дворник визитку венеролога, – невозмутимо заявляет она, чтобы меня добить.

Мои глаза лезут на лоб. Кто эта женщина, а?

– Ксюша, – устало тру висок. – Ну ты даёшь! И... как он среагировал?

Наверняка недожених был в гневе.

– Я подобрала крайне удачный момент! Он в парк свою моль обморочную повёл! Видела их, когда подъезжала, – злится подруга, пытаясь перекрыть музыку.

– И чем всё закончилось?

– Да сигналка разоралась на всю улицу. Соседи повылазили из окон, начали угрожать полицией, пришлось литься оттуда.

Я присвистываю. Ну Самойлова даёт...

– Нет ну ты прикинь, я же чуть не вышла за этого предателя! Извращалась с ужинами, сюрпризы ему устраивала, пылинки с него сдувала! – её голос начинает подозрительно плыть.

Внезапная резкая смена настроения: сиюминутное веселье сменяется драмой. Ксюха скулит как побитая собака, и от этого под рёбрами неприятно ноет. Да... ситуация не позавидуешь. За неделю до свадьбы узнать весьма нелицеприятные вещи о человеке, с которым собиралась типа связать свою жизнь. И не просто узнать, а увидеть всё это своими глазами. В вашей будущей квартире.

Жалко Самойлову, что тут скажешь, но в какой-то степени она сама виновата. Нельзя ставить молодого человека во главу угла, прогибаться и слепо потакать его хотелкам.

– Ксюха, – хмурю брови, потому что на заднем фоне отчётливо слышу мужские голоса. – А ты вообще где?

– Эммм... Люблино. Его мышь живёт в этом районе. Мой

телефон сел, вот взяла у доброго человека, – она снова икает.
– Я в баре.

– И ты пила, – утверждаю, даже не спрашивая.

– Так заметно? – напрягается эта мартышка. – Два коктейля выпила для настроения и как-то меня незаметно развезло... Заберёшь, Арин? Родители с меня три шкуры спустят, если я позвоню им в таком состоянии. У меня же завтра зачёт в институте.

Н-да...

– Кидай адрес, – поднимаюсь с уютного плетёного кресла.
– Сиди там и жди меня.

– Ага... Нет ну какая я умница, да? Отомстила...

– Не пей больше, я выезжаю.

Дурёха. Как решилась на подобное? Да ещё и сама, в одиночку. Вообще на неё не похоже, Захар был бы в шоке.

Расчёсываю волосы и критично осматриваю свой чёрный классический комбинезон. Подправляю помаду, прохожусь расчёской по волосам, ныряю в лабутены и забираю с полки ключи. Наклоняюсь к пышным благоухающим розам, огромный букет из которых еле дотащил до моих апартаментов курьер, и вдыхаю их аромат. Ещё раз смотрю на себя в зеркало.

Ладно, надо ехать, не то приключения новоявленной мстительницы закончатся печально.

Глава 2 Арина

Двери лифта открываются, и стук моих каблучков эхом разносится по парковке. Губы непроизвольно растягиваются в ленивую улыбку, когда мой новенький мерседес CLS 63 от AMG приветствует меня, моргнув фарами. Сама себе завидую, честное слово! А всё спасибо дорогому папочке! Взрослая деваха, а он по-прежнему бессовестно меня балует. Презентовал подарок заранее. Не утерпел, хоть и говорят, что делать так дурная примета. Я в эту чушь не верю, так что обрадовалась неимоверно и тут же поехала тестить новую тачку. Выпала из жизни фактически на сутки, так она мне понравилась!

Забираюсь на водительское сиденье и завожу мотор. О, да! Вот это я понимаю звук! Сладость для моих ушей.

Выезжаю с подземки и, минуя переливающиеся яркими огоньками башни Москва-Сити, притормаживаю у шлагбаума. В нетерпении постукиваю пальцами по рулевому колесу. Наконец, выдвигаюсь. Еду по Пресненской набережной и минуты через три останавливаюсь у обочины. Отключаю стабилизацию, перевожу машину в ручной режим и опускаю тонированное стекло со своей стороны.

А теперь погнали! Рёв мотора, скорость, ветер и звук выхлопа. Вот она дикая радость владельца CLS 63. Длится правда она недолго. На Смоленской водители тупят, несмотр-

ря на поздний час. Бесит невероятно, но что поделать, это Москва...

Ожидая смены сигнала светофора, включаю радио и просматриваю сообщение от Игната. Напоминает про завтрашний ресторан. Интересуется, получила ли я цветы. Пишу короткое ответное смс и выхожу из сети. Ахметов явно недоволен тем, что он уже два дня в Москве, а мы с ним так и не виделись.

Слева раздаётся свист. Так себе способ привлечь внимание. Не реагирую.

– Дэвушка! Эй, красавица!

Медленно поворачиваю голову, не забывая при этом построить своё фирменное выражение лица «все люди как люди, а я суперзвезда».

– Хороший автомобиль у тебя! Быстрый?

Какой-то идиот на белой ауди пытается меня типа провоцировать. Газует. Дразнится. Ну-ну... Ясно же с какой целью интересуется

Парень кавказской наружности, занимающий пассажирское сиденье, приподнимает очки. Видимо, для того, чтобы получше заценить блондинку за рулём, то есть меня. Его собрат, водила, тем временем широко улыбается, пытаясь произвести на меня впечатление «рёвом мотора». А морды-то важные, самодовольные! Сидят все из себя такие гонщики... Клоуны, ей богу.

Отворачиваюсь. Едва загорается зелёный, стартую. Да так

лихо, что тут же адреналин бьёт в голову. Разгоняюсь, оставляя ауди глотать дым. Сдержанно усмехаюсь, глядя в зеркало заднего вида.

Сколько вас таких неуёмных встречается на дороге не считать... Стремитесь показать своё мнимое превосходство. Особенно, когда дело касается женщин. Сексизм чистой воды. Агрессивная езда – считай, что моя визитная карточка. Мы с друзьями частенько гоняем по ночной Москве. Дрифтим или просто ставим на место таких вот выпендрёжников.

Я умею водить с двенадцати лет, дружище.

Потешно наблюдать его потуги. Никак не догонит, бедный. Остаётся только догадываться, как этот джигит уснёт сегодня в своей кровати с той дичайшей мыслью, что на дороге его «уделала» девушка.

Пока еду по тому адресу, который мне скинула Ксюха, размышляю о надвигающемся дне рождения. То ещё дикое тусилово предстоит. Я уже в предвкушении. В кои-то веки удастся собрать всю шумную компанию. Чувствую, это будет не вечеринка, а просто огнище!

Полчаса спустя бросаю быстрый взгляд в сторону навигатора.

Педаль газа в пол. Отлично. Вот так передвигаться ещё терпимо. В Юго-Восточном административном округе Москвы я не была давненько. Вообще не знаю, где находится бар, в котором засела Самойлова. Приближаясь к улице Академика Скрябина, решаю ещё раз набрать номер, с которого

звонила подруга, чтобы сообщить о том, что я, судя по карте, минут через тринадцать – пятнадцать буду в Люблино.

– Я слушаю... – не совсем трезвым голосом отвечает какой-то мужик.

– Вечер добрый, – включаю не присущий мне режим вежливости на полную, – извиняюсь за беспокойство...

– Ааа? Чё? Говори громче! – его язык заплетается. Он пьян, причём в хлам.

Тяжело вздыхаю и считаю про себя до пяти. На фоне музыки слышится смех Самойловой. Несвойственный ей, излишне вызывающий. Она там никакая уже, что ли? Учитывая, что эта девчонка вообще не пьёт – дело точно дрянь.

– Не могли бы вы передать телефон Ксении, – всё ещё пытаюсь казаться дружелюбно настроенной. – Она рядом с вами.

Треск, голоса, басы...

– Алло, вы слышите меня? Я хочу поговорить с подругой. Ксюша звонила мне с вашего номера.

– М? Ксюше хорошо, она развлекается, – заторможенно отвечает он. – Мы сами отвезём её домой, не волнуйся, дорогая!

– Чего?

Этого ещё не хватало. Накачают её чем-нибудь и всё, ищи потом. Я отлично знаю эти схемы.

– Эй, эй, притормози, я уже почти у бара, – ору в трубку, переходя на «ты».

– Веселиться едешь? – громко спрашивает незнакомец.

– Ну да, меня подождите. Я не против потусить, – пытаюсь убедить его я. А сама в этот момент проверяю, лежит ли в бардачке оса. (пистолет для самообороны).

– Да мы уже уходим. Расслабься, твоя подружка в надёжных руках... – успокаивает меня он.

– Слышишь ты! Я говорю, меня дождитесь, – тон моего голоса меняется, потому что играть в дурочку становится всё сложнее.

– Ты чё попутала так базарить? – взрывается в ответ.

– Я СКАЗАЛА, девчонку оставь в покое! Непонятливый?

– Пошла ты!

Скинул. Вот же тварь! И ведь явно он там не один, с друзьями. Я отчётливо слышала мужские голоса и Ксюху.

Разгоняюсь по улице, попутно набирая номер повторно. Сбрасывает. Настырно трезвоню снова. Один раз, второй... На третий мне, наконец, отвечают. Отборным трёхэтажным матом, которым я и сама владею в совершенстве, что и спешу продемонстрировать. Однако на беседу эти товарищи явно не настроены.

Самойлова... Чего дома не сиделось? Овца. Понеслась в Люблино! Захотелось приключений на нижние девяносто. Это же не по её части абсолютно.

Сохраняю номер и захожу в мессенджер, чтобы записать голосовое. Хочу предупредить этого бессмертного о том, что у него будут большие проблемы. Отец Ксюхи, весьма влия-

тельный человек, живьём его закопает, если с головы дочери упадёт хотя бы один волосок.

Обгоняю тойоту, наговаривая гневную речь. Еле плетётся. Второпях нажимаю отправить, но палец как назло соскакивает. Айфон валится из рук. Да какого...

Тянусь за ним.

Клянусь... отвлекаюсь всего на пару секунд, но именно они и становятся роковыми. Слишком поздно заприметив зебру и невесть откуда взявшегося пешехода, резко жму на педаль тормоза и сигналю. Только беда в том, что парень тоже замечает мой мерседес в самый последний момент...

Мгновение.

Руль влево, но это всё равно происходит.

Глухой стук – и его тело от удара о крыло отбрасывает в сторону.

Мерседес останавливается не сразу, проезжая ещё несколько метров по соседней полосе. Невидящим взором смотрю перед собой, на подсвеченное фонарями дорожное полотно. Поднимаю глаза. Рекламный щит, остановка. Кто-то из ожидающих транспорт спешит к месту происшествия.

Гробовая тишина в салоне пугает как никогда. Кровь пульсацией стучит в висках. Пальцы всё ещё сжимают руль, но руки начинают непроизвольно трястись.

На лбу выступает холодный пот. Волосы шевелятся на затылке.

Страх: липкий, колючий, ползёт вдоль позвоночника.

Грудную клетку словно тисками сдавило. Не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Сглатываю тугой ком, вставший поперёк горла и жму на кнопку, опуская стекло с пассажирской стороны... Боязливо цепляю взглядом отражение в боковом зеркале, и в этот тёплый майский вечер по коже ползёт озноб...

Глава 3 Арина

Открываю дверь, негнушимися ногами ступаю на асфальт. Набираю 112 и медленно обхожу мерседес, слушая в ответ короткие гудки.

Около тела толпится молодёжь, чуть в стороне девушка разговаривает по телефону. Громко диктует адрес, судя по всему, для приезда скорой. Убираю смартфон от уха и какое-то время тупо пялюсь на картонный стаканчик из-под кофе, валяющийся прямо у моих ног. Кажется, он был в его руке... А дальше, в нескольких метрах от меня, на тротуаре лежит и спортивная сумка.

Боже...

– Живой? – слышу пропитанный тревогой женский голос.
– По ходу нет, – отзывается парень, присевший на корточки.

– Жесть... просто жесть. Вов, может перевернуть его?

– Ты чё нельзя трогать, вдруг позвоночник сломан.

– Так он кровью истекает...

Парень в ответ лишь матерится.

– Скорую и ментов вызвали? – интересуется мужик, вылезший чуть ли не по пояс из притормозившей неподалёку хонды. При этом он ещё и успевает снимать происходящее на телефон.

– Ему нужно оказать помощь!

– А чё делать-то? Лицом вниз лежит, непонятно ничего. Только поза неестественная.

– Пощупай пульс ещё разок, а Вов, – просит всё та же девушка.

– Чё толку щупать? Посмотри на него, он даже не шевелится. Весь переломанный.

Только не это! Нет, нет, нет...

Обрывки их разговора придавливают меня к земле бетонной плитой. Мне бы подойти туда, но я не могу. Просто не могу и всё! Духу не хватает.

Онемевшие пальцы резко дёргают ручку пассажирской двери. Я забираюсь на сиденье и прижимаю к себе колени. Часто и тяжело дышу, воздуха не хватает. Он вмиг будто стал тягучей и густой консистенцией. Пытаюсь взять себя в руки, но ничего не выходит. Находясь в какой-то прострации, набираю дрожащими пальцами вызов и продолжаю невидящим взглядом пялиться на дорогу. Только один человек может мне помочь. Виктор Барских, мой отец.

– Ариш?

– Пааап... – испытываю невероятное облегчение, когда слышу его голос.

– Что с тобой? – он сразу же чувствует моё волнение, ведь наша с ним связь очень сильна. – погоди, выйду, Кристина уже спит.

– Пааап, я... – шумно выдыхаю и закрываю глаза. Ресницы дрожат, в висках ритмично пульсирует кровь. Так сильно,

что боль отдаёт в район затылка. Язык тем временем будто к нёбу прирос. Не могу ничего из себя выдавить.

– Арин, да что такое? – в нетерпении торопит меня он.

– Я сбила человека, пап... Похоже... насмерть.

Эти страшные слова, произнесённые вслух, чёрной сажей оседают глубоко внутри.

Сбила человека.

Вой сирен приближающейся машины скорой помощи заглушает нецензурную брань отца. Услышать от него подобное – большая редкость, но учитывая обстоятельства...

– Ты где? – спрашивает спустя минуту.

– Где-то по пути к району Люблино. Кузьминки... наверное, – в глазах рябит от мигающего проблескового маячка синего цвета, на который я неотрывно смотрю.

Меня не покидает ощущение того, что всё это происходит не по-настоящему. Не со мной. Смотрю на суету будто со стороны.словно это фильм, жуткие кадры которого, я лице-зрею, сидя в первом ряду.

Да только это никакое не кино. От осознания того, что я натворила, внутренности скручиваются узлом.

Мне страшно. Как никогда...

– Арина, адрес! – требовательно повторяет отец, вырывая меня из плена беспокойных мыслей.

– Улица... мм... Академика Скрябина...

– А поконкретнее?

Глядя на карту навигатора, называю ближайший дом. Во-

обще не соображаю, всё на автомате.

– Какого чёрта там делаешь ночью? – гневается, щёлкая зажигалкой. – Ты в машине?

– Да, – сглатываю, но в горло будто насыпали песок, перемешанный со стеклом.

– Витя, что там случилось? – слышу на заднем фоне обеспокоенный голос Кристины. Моей бывшей подруги, между прочим.

– В комнату зайди.

– Пааап, – часто-часто моргаю.

Это что же, слёзы?

Последний раз я плакала, когда умер Барон, наш пёс. Он прожил на территории семейного коттеджа больше пятнадцати лет.

– Менты приехали? – его интонация остаётся всё такой же спокойной, меня же, наоборот, начинает трясти пуще прежнего.

– Нет, – поворачиваюсь и смотрю на происходящее сквозь тонированное заднее стекло.

Шум, скорая, толпа непонятно откуда взявшихся зевак. Все они обступили то самое место, где лежит бездыханное тело сбитого мною парня.

– Заблокируй все двери и жди Бориса. Поняла меня?

– Да... – шепчу еле слышно, нажимая на кнопку.

Окна тут же поднимаются, а двери со щелчком блокируются.

– Пила?

– Нет, пап, клянусь! – хрипло отзываюсь я.

– «Под колёсами», что ли? – сурово осведомляется он.

– Нет! – рыдаю. – Можешь меня на любую экспертизу отвезти! Я сегодня по всем фронтам чиста!

– Я тебе говорил, что эта твоя дурная езда до хорошего не доведёт! – злится он. – Подарил новую игрушку на свою голову! Опять гоняла по ночи со своими дружками?

– Да нет же, пап! Я одна, ехала за Ксюхой, она позвонила и попросила забрать её! Отвлеклась на телефон, всего на секунду... – почти кричу, пытаюсь доказать свою невиновность. – Не заметила грёбаную зебру, и он выскочил из ниоткуда! Я его даже не видела!

Мои объяснения звучат крайне сумбурно и сбивчиво. Я, в приступе охватившей меня тревоги, начинаю задыхаться.

– Из машины выходила?

– Выходила. Пап, может мне уехать сейчас? А? Просто взять и уехать? Подадим в угон, м?

Резко дёргаюсь влево от настойчивого стука в окно.

– Там камеры, что ты несёшь? Я же сказал, сиди и жди моего адвоката! – сухо чеканит в ответ.

– Я боюсь, пап, боюсь... – голос на нервной почве садится до шёпота.

Паника охватывает меня с каждой секундой всё больше и больше, проникая в каждую клетку, каждый нерв. Она заполняет нутро и разгоняет по телу неконтролируемую

дрожь. Я начинаю впадать в истерику, хотя подобное поведение совершенно мне не присуще.

– Это конец, да? Меня посадят? Посадят? Прости, пап... прости, что подвела тебя.

– Ну-ка успокоилась! – командным тоном басит он. – Нюни твои тебе не помогут! Сопли вытерла и пришла в себя!

Шумно тяну носом воздух и пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Сердце колошматится о рёбра, всё тело в напряжении.

– Мне стучат в машину, – вытираю ладонью мокрые щёки.

– Не выходи и ни с кем до приезда адвоката не разговаривай. Еду, – отец бросает трубку.

Опускаю телефон и с опаской озираюсь по сторонам.

– Открывай! – орёт мне какой-то мужик.

– Ээ... Алё!

В салоне отличная шумоизоляция, но я всё равно слышу их крики, пусть и сквозь некий вакуум.

– Кто там вообще?

– Молодая девчонка.

– Ты человека сбила, слышишь?

Они по очереди дёргают за ручки и продолжают барабанить по стеклу. Костяшками пальцев, ладонями, кулаками.

Я перелезаю на заднее сиденье, прижимаю колени к груди и обхватываю их руками.

– Пусть это будет просто ночной кошмар, хочу проснуться! Проснуться! – повторяю отчаянным шёпотом, раскачи-

ваясь точно душевнобольная. Всё ещё наивно надеясь, что эта ситуация – лишь сон, игра моего воспалённого воображения.

– Номера её блатные видел?

– Так и тачка не один лям стоит. Новенькая.

– Теперь уже не совсем целая.

– Открывай, алё! Мы тебя всё равно оттуда достанем! – угрожает мужик, прикладывая свои огромные медвежьи лапони к окну.

Как же меня это раздражает! Терпеть не могу, когда кто-то прикасается к моему автомобилю своими грязными лапами.

– Понакупают права...

– Пьяная, наверное...

– Эти мажоры вечно в хлам накидаются и начинают устраивать покатушки, – со знанием дела предполагает кто-то.

– Слышь?

В следующую минуту они пытаются раскачать машину, чтобы меня напугать, и помимо воли, волнение обрушивается на меня с новой силой.

– Сбила человека и даже не подошла!

Переговариваются, но тише.

Я вдруг чётко понимаю, что они задумали спустить мне шины. Чтобы я не уехала с места ДТП.

Лезу к бардачку, достаю свою осу и снова забираюсь на заднее. Совсем чуть-чуть опускаю окно. Высовываю дуло.

– Отошёл от тачки, быстро! Прострелю обе ноги, клянусь!
– гневно оповещаю инициатора идеи, присевшего у колеса.

Пауза. Все затыкаются как по команде, а потом до них, наконец, доходит.

– У неё пистолет!

– Именно! – соглашаюсь я громко. – И он заряжен!

– Эээ, ты чё, спятила? – мужик поднимает вверх руки и пятится назад.

– Оставили все мою машину в покое! – кричу раздражённо.

Нервы итак на пределе, а тут ещё они.

– Господи Иисусе!

Тётка, что стоит напротив, крестится и прячется за спину какого-то деда.

– Отойдите, мало ли что у неё на уме! – благоразумно замечает молодой человек в кепке и тянет при этом свою девушку за руку. Намекая, мол пора делать ноги.

– Шаг назад, я сказала! – цежу сквозь зубы.

– Лёнь, от греха подальше, уйди...

Это обращаются к тому самому активисту, возжелавшему проколоть мне шины. Отступить-то он отступил, но на лице такое выражение, будто он задумал какую-то гадость.

– Отойди по-хорошему, Лёня, если не хочешь занять симметричные дыры в своих коленях! – из темноты салона загробным голосом предупреждаю я.

– Ненормальная совсем?

Так или иначе, но небольшое выступление, которое я разыграла, даёт эффект. Свои руки от моей машины они убирают. Да и смещаются подальше, расходятся. Сработал всё-таки инстинкт самосохранения.

— О, нарисовались, гля!

И снова мигалки. На этот раз красно-синие. Вытираю ребром ладони пот, стекающий по лбу.

Мучительно душно. Дурно.

Пару минут сижу и просто смотрю на осу, которую всё ещё сжимаю в трясущейся руке. Затем убираю её в бардачок и зажимаюсь. Массирую виски, но у меня абсолютно не получается успокоиться.

Слышу оживление. С появлением сотрудников ДПС люди начинают галдеть ещё больше, наперебой рассказывая подробности, от которых становится физически плохо.

«Неслась как ненормальная и затормозила в последний момент»

«Видели, как его подкинуло вверх от удара, жуть»

«Погиб?»

«Да может просто без сознания, он же переломанный весь»

«Жалко, молодой»

Я вонзаюсь зубами в нижнюю губу и отчаянно гоню прочь навязчивую картинку: бездыханное тело, лежащее на обочине. Затыкаю уши, не желая слышать ужасающие комментарии и реплики очевидцев.

Это конец всему, я сбила человека. Что теперь будет? Суд? Тюрьма? Сможет ли отец вытащить меня из этой ситуации? А если и сможет, то какими будут последствия? Для меня, для него... Он никогда не простит мне такое жирное пятно на его репутации.

Оглядываюсь назад и только сейчас замечаю, что скорой уже нет. В какой момент она уехала – не знаю.

Как вообще такое могло произойти? Я не понимаю!

Ногтями зарываюсь в волосы, тяну их у корней и скулю от досады.

Почему со мной? Я ведь ехала нормально!

– Девушка, инспектор Брагин Алексей Дмитриевич, – доносятся до меня слова сотрудника дорожно-патрульной службы. – Прошу вас выйти из автомобиля.

– Да она закрылась и сидит там уже минут двадцать! – кричит кто-то.

– Не в адекват девица! Целилась в нас пистолетом!

– Ноги мне грозились прострелить!

– Арестуйте её немедленно!

– Девушка, вы слышите меня? – инспектор наклоняется к окну и настойчиво стучит костяшками пальцев по стеклу.

– Открывай давай! – нетерпеливо вопит кто-то из толпы.

– Граждане, расходитесь. Мы сами во всём разберёмся, – обещает инспектор, пытаясь утихомирить толпу, жаждущую самосуда.

– Разберётесь, как же!

– А парень-то жив или нет? – кряхтит какая-то бабка.

Мелкие, неприятные мурашки бегут по телу, в ушах шумит. Кусая ногти, покрытые свежим маникюром, обессиленно сползаю вниз. Лёжа в позе эмбриона, прижимаюсь щекой к прохладной коже сиденья. Беззвучно вою, проклиная всё на свете.

Ксюху, так не вовремя попавшую в неприятности.

Дурацкий телефон и Whats up.

Пешехода, из-за которого моя жизнь теперь точно полетит к чертям собачьим. Прямо в преддверии грядущего дня рождения...

Глава 4 Арина

Эту ночь определённо можно назвать худшей в моей жизни. Рассказывая детали случившегося нашему семейному адвокату, Пронину Борису Степановичу, я мечтаю лишь об одном – оказаться подальше от места происшествия, где вдоль расставленных конусов с умным видом расхаживают инспектора, заполняющие протоколы. Пока мы с Борисом сидим в патрульной машине, они опрашивают очевидцев, с пеной у рта повествующих о ДТП.

Наконец, уезжаем в лабораторию, чтобы сдать экспертизу-тест на алкоголь и наркотики. А потом нас просят проехать в отделение. Вопросы, беседа моего отца с очередным сотрудником (имеющим звание повыше) и бумажки, которые велит подписать Пронин... Пытаюсь вникнуть и прочитать текст, но буквы, как назло, расплываются перед глазами. Взгляд не фокусируется на строчках совсем. Честно говоря, я, взвинченная и уставшая, вообще плохо соображаю и не слежу за тем, что происходит. Состояние отвратительное. Меня как будто выпотрошили и вывернули наизнанку.

Уже ближе к четырём по просьбе отца приезжает Игнат. Он первым делом крепко меня обнимает, а затем коротко целует в губы. Заглядывает в глаза, всерьёз спрашивая, как я себя чувствую.

– Что за нелепый вопрос? – раздражаюсь всё сильнее. – Я

сбила человека, Игнат! Человека, слышишь?

– Агрессировать не надо, Арин, – недовольно хмурится, запуская двигатель.

Вымученно выдыхаю. Он-то не причём естественно, но сейчас меня правда лучше бы вообще не трогать. Скверный характер в такие моменты я демонстрирую во всей красе.

– Виктор Сергеевич всё разрулит, не пыли. А если понадобится, я и свои связи подключу.

Голос – ровный и спокойный. Будто он на сто процентов уверен в том, что говорит. В принципе я тоже всегда считала, что не существует проблемы, которую не способен решить мой отец. Но нынешняя ситуация...

– Это статья и тюрьма! – озвучиваю то, от чего мороз ползёт по коже.

В своём богатом воображении я уже в красках нарисовала и суд, и камеру.

– Арин, – Игнат поворачивается ко мне и вскидывает бровь. – Ну какая тюрьма?

– Обыкновенная! Я, чёрт возьми, убийца! Понимаешь ты или нет? – хрипло ору на всю машину.

– Да погоди ты! Может этот поломанный ещё оклемается. Молодой организм, все дела, – равнодушно жмёт плечом и смотрит в боковое зеркало перед тем, как обогнать плетущуюся впереди камри.

– Оклемается? – качаю головой. – Он не дышал. Люди сказали, что пульса не было.

– Люди... мало ли, что они болтают! Не нагнетай раньше времени! – цокает языком. – Из больницы ещё не сообщили, что сбитый тобой парень умер.

Отворачиваюсь к окну.

Меня бесит тот факт, что Ахметов ведёт себя так, будто ничего страшного не произошло.

– Как вообще эта нелепость с тобой приключилась? Ты его не заметила, что ли? – расспрашивает о подробностях ДТП таким тоном, словно решил узнать погоду на завтра.

– Не хочу опять по новой рассказывать. Я устала, – отрезаю сухо, давая понять, что на откровенный диалог не настроена.

Не готова разговаривать на эту тему ещё и с ним. Молчу какое-то время, уставившись на свои подрагивающие ладони. По-хозяйски открываю бардачок и забираю оттуда пачку дорогих сигарет.

Игнат без комментариев передаёт мне зажигалку. Сам-то он в своей машине никогда не курит и другим этого делать не позволяет, а я вот, не спрашивая, опускаю стекло и нагло затягиваюсь до сладкой рези в лёгких. Блаженно закрываю глаза. Сейчас меня меньше всего заботят его законы по поводу отсутствия запаха табака в салоне. Эту мою маленькую шалость суровый и непреклонный Ахмет стерпит. Пусть и сквозь зубы, неохотно, но стерпит...

Жених отвозит меня домой, поднимается вместе со мной на лифте и провожает до двери, где я сообщаю ему о том, что

хочу остаться одна. К счастью, Игнат не спорит и не выражает открыто своего недовольства. Может, всё-таки до него доходит, что ситуация, в которую я вляпалась, крайне серьёзная, а может, он просто понимает, что в данный момент лучший вариант — дать мне возможность побыть наедине с собой.

Оказывается, так себе затея. Тишина пустой квартиры давит и угнетает ещё больше. Уж лучше его докучливая забота, чем вот так. Надо было всё же позволить ему войти...

Я направляюсь в ванную, сижу там больше часа и курю одну сигарету за другой. Прихватила пачку с собой. Бросила, называется... Хотя в свете последних событий это не имеет никакого значения.

Отправляюсь в свою комнату, наглухо закрываю плотные шторы и забираюсь в постель. Натягиваю одеяло до самого подбородка, потому что меня начинает знобить, хотя в квартире тепло. Лежу, всматриваясь в чернильную темноту. Она меня топит, нервирует. Заставляет чувствовать себя испуганной и слабой. Верно говорят, нет ничего хуже, чем ожидание. А уж в моём случае, так тем более.

Поворачиваюсь на бок. В ушах всё ещё стоит тот невыносимый глухой стук. Звук удара Его тела о мою машину. И стоит мне лишь на мгновение прикрыть глаза, как этот кошмар оживает в воображении снова и снова. Будто кассету заело на повторе, а меня раз за разом заставляют просматривать один и тот же отрывок.

Я забрала чью-то жизнь.

От этой мысли, внезапно прострелившей сознание, становится невыносимо жутко. Это ведь чей-то сын, внук, брат. Возможно муж или даже отец. Совершенно не помню лица парня, но он точно не намного старше меня.

Как так вышло, Господи? В голове не укладывается. Сколько раз я каталась как ненормальная, при этом обходилось без происшествий, потому что у меня всегда всё под контролем. И вдруг такое!

Положа руку на грудь, не могу назвать себя верующим человеком. Молитв не знаю, пост не соблюдаю, в церковь хожу крайне редко, но сейчас почему-то пальцы сами собой тянутся к нательному кресту.

Странное существо человек, как только прижмёт – так сразу пытается стать ближе к Богу. И я такая же. Ведь только и остаётся, что надеяться на чудо...

Проваливаюсь в беспокойный сон. Без конца ворочаюсь на шёлковых простынях. Несколько раз встаю и брожу по квартире, будто привидение. Забившись в угол, постыдно рыдаю от досады и разъедающего душу отчаяния. Как назло, у меня нет ни единой таблетки снотворного. После того, как бросила курить, завязала и с ним тоже. Так посоветовал мой терапевт.

Стрелки настенных часов ползут удручающе медленно. Они будто издеваются и насмеваются надо мной. Кто подарил их не помню. Вроде Марго, мать отца. Невыносимая ста-

рая перечница. Очень в её духе: уродливая вещица, хоть и дорогой антиквариат. Надо бы выкинуть, бесят невероятно! Да и не к месту они здесь совершенно!

Как же всё-таки это ужасно – томиться в ожидании неизвестного! Словно своей казни ждёшь...

Вечером своими ключами квартиру открывает отец. Осторожно будит меня, свернувшуюся на кресле калачиком, и уходит на кухню. Пошёл воевать с кофемашиной.

Пять минут спустя, кутаясь в халат, я вхожу туда следом за ним. Занимаю место напротив, пару минут гипнотизирую чашку с дымящимся напитком и только потом в нерешительности поднимаю припухшие глаза. Сталкиваюсь с колючим, порицающим взглядом, и по спине неладным строем бегут неприятные мурашки.

Осуждает, разумеется.

– Ты как? – спрашивает, делая глоток ароматного кофе, запах которого стремительно пробирается в ноздри.

– Нормально, – лгу я, придвигая к себе кружку из набора, выполненного в стиле барокко. Ещё один привет от Марго.

Снова смотрю на отца. И хочу узнать последние вести, и нет. Стыдно сказать, но я очень боюсь...

Папа сегодня, похоже, не спал. Несмотря на идеально выглаженный костюм и присущую ему собранность, взгляд выражает бесконечную усталость. Глаза красные, на лбу залегла глубокая морщинка. Хмуро изучает моё бледное лицо и

скидывает на айфоне входящий звонок. Причём трижды.

Виктор Барских так не делает никогда... Это определённо дурной знак.

– Звони Яне, отменяя свой отпуск и возвращая уплаченные деньги. Полететь в Италию ты не сможешь, – наконец, сообщает он.

*Ясное дело. Какая может быть Италия, если единственный отдых, который мне сейчас светит – это отдых на на-
рах.*

– Пап... это конец, да? – до боли закусываю губу, чтобы не разрыдаться.

Не хотелось бы давать при отце слабинку. Не так он меня воспитывал.

Молчит, сводит брови на переносице и качает головой.

– Думаешь, я позволю отправить своего единственного ребёнка за решётку? – встаёт, убирает руки в карманы и уходит к панорамному окну.

– Я же... убийца...

Да, мне хватает смелости признать это, но толку!

– Упаси Господь, Арин!

До меня не сразу доходит смысл сказанных им слов. Сердце начинает стучать быстрее, а внутри загорается надежда на то, что я всё-таки не попаду в места не столь отдалённые.

– Человек, которого я сбила, он... – сглатываю, не решаясь озвучить продолжение.

– В тяжёлом состоянии, но жив на твоё счастье, – произ-

носит так спокойно, будто это ничего не значит. Да это же кардинально всё меняет!

– Фууух, – вздыхаю шумно, зарываясь пальцами в волосы.

Я испытываю колоссальное облегчение, будто гора с плеч, клянусь.

– Пап, а что дальше? – заметно приободрившись, спрашиваю я, хватая свою чашку. На радостях обжигаю губы и недовольно отставляю её в сторону.

– Из Москвы ни ногой, поняла меня?

Да запросто, это меньшее из зол.

Киваю и поднимаюсь со своего стула. Подхожу к отцу и прижимаюсь щекой к его плечу. Довольно скупой на объятия, сейчас он меня не отталкивает. Прижимает к себе и гладит по голове.

– Спасибо, пап.

– Ну не реви, не конец света, – теряется, когда замечает, что у меня снова глаза на мокром месте.

Арина плакса – это, прямо скажем, нонсенс.

– Нам повезло, что парень остался в живых.

Я утыкаюсь носом в его пиджак и судорожно всхлипываю. Слезы в нашей семье – признак слабости, но в данной ситуации я просто не могу их сдержать, ведь ещё утром мне казалось, что моя жизнь рухнула подобно посыпавшемуся карточному домику.

– Я так испугалась, па... Так испугалась!

– Всё, успокаивайся, – мягко хлопает меня по спине. –

Хватит сырость разводить! Знаешь как говорят...

– Слезами горю не поможешь, – предполагаю я и попадаю в точку.

– То-то же.

– Я вообще не понимаю, как так случилось! Ты знаешь, я всегда внимательна и осторожна...

– Это уже произошло, смысл философствовать, – он отодвигает меня и присаживается за стол. – Выводы делай.

– Что говорит Пронин? – опираюсь бедром о столешницу.

– Он уверен в том, что всё удастся разрешить. Очень хорошо, что экспертиза показала отсутствие в твоей крови чего-либо.

– Я же говорила.

– Говорила, – соглашается он.

– Не доверяешь мне? – вытирая мокрые щёки, интересуюсь обиженно.

– Доверяй, но проверяй, – отвечает невозмутимо.

– Как быть с камерами, пап?

– Эпизода с твоим участием там уже нет.

Слава богу!

– А показания очевидцев и пострадавшего, он же может...

– Послушай, – обрывает на полуслове. – Пусть этим занимается Борис, за свою работу он получает деньги. И притом, немаленькие. Свяжется с нужными людьми.

– А родственники... того, кого я сбила... – начинаю нервно тереть пояс халата.

– Всё решаемо, ты же знаешь. Учитывая незавидное положение этой семьи, тем более.

– Пап, а если они... не будут молчать?

– Будут, – уверяет меня он. – Всё, Арин, мне пора. Дела ждут. Ты давай соберись, совсем расклеилась.

– Я в порядке.

Провожая его до двери и целую в щетинистую щёку.

– Ключи от второй машины, – протягивает широкую ладонь.

– Па...

– Быстрее.

– Ну па!

– Я жду, Арина!

Знаю я этот тон. Лучше с ним сейчас не спорить. Виктор Барских в гневе – страшная картина.

– А на работу как ездить прикажешь? – нехотя достаю с полки брелок.

– На метро, – всерьёз заявляет мне он.

– На метро? Спуститься в этот рассадник заразы? – моё лицо, должно быть, аж перекосило от отвращения.

– Водителя пришлю, – забирая с полки барсетку, бросает отец, уже уходя. – Позвоню, если будут новости. Пока сиди тут и не высовывайся. Считай, что ты временно под домашним арестом.

– Ладно.

– Что у тебя с телефоном кстати? Не дозвониться! – ворчит, стоя в холле.

– Выключен.

– На связи будь, в любое время могут вызвать в отделение.

– Хорошо, пап, – провожаю взглядом его спину, закрываю дверь и впервые за сутки вдыхаю кислород полной грудью.

Возвращаюсь на кухню и включаю свой телефон. Пока на экране горит яблоко, открываю холодильник. Даже аппетит появился, настолько меня «отпустило» после визита отца.

Наспех делаю себе бутерброд с сёмгой. Читаю сообщения: от бухгалтера Тани, жены отца и Егора.

«ГДЕ ЭТА ШИБАНУТАЯ?»

«ПЕРЕДАЙ ЕЙ, ЧТО ВОССТАНОВЛЕНИЕ МАШИНЫ Я ПОВЕШУ НА НЕЁ!»

«ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ ДОСТАНУ, ЕСЛИ САМА НЕ ОБЪЯВИТСЯ!!!»

Егор-потаскун, как я и предполагала, в гневе. Проверяю ленту пропущенных. Папа, Захар, Самойлов-старший. Игнат, Егор, Кристина.

Самойлов-старший.

Не знаю почему, но на душе внезапно становится тревожно.

Набираю отца Ксюши, и он отвечает мне уже спустя два гудка.

– Дядя Игорь, добрый вечер.

– Добрый ли... Арин, когда ты последний раз связывалась

с моей дочерью? – взволнованно интересуется он, и я чувствую, как внутри у меня всё холодеет от ужаса.

– Вчера, поздно вечером. Я...

– Арин, – дядя Игорь тяжело вздыхает. – Ксюша пропала...

Глава 5 Арина

Сорок восемь часов. Ровно столько прошло с момента исчезновения Ксюши. Последние сутки я места себе не находила, очень нервничала. Откровенно говоря, я напрочь забыла и про бар, и про приключения подруги. Будучи уверенной в том, что она самостоятельно добралась в ту ночь домой, я была погружена в собственные тревожные мысли. Признаться честно, ДТП с моим участием – это единственное, о чём я могла думать. Всё остальное просто отошло на задний план.

Разумеется я рассказала Ксюшиному отцу о событиях, которые произошли в тот злополучный вечер. Про месть Егору, состояние Самойловой и её звонок с чужого телефона. Подробности диалога с его владельцем я тоже озвучила. Скинула номер дяде Игорю, и он тут же пробил эти цифры по своим каналам. Правда данные, полученные в ходе неофициальной проверки, не помогли нам совершенно. Сим-карта оказалась палёной, да и отследить её не вышло. Именно это и пугало меня до дрожи в коленках.

Камеры видеонаблюдения, установленные в баре, зафиксировали компанию молодых людей и девушку. Насколько я поняла, со слов бармена, Самойлова проводила время с кем-то из них. С этим же незнакомцем она и ушла в неизвестном направлении. Якобы по собственной воле. Очень в этом сомневаюсь. Ксения не из того теста, она бы ни за что не от-

правилась на ночное randevу с малознакомым парнем. Это вообще не в её стиле. Как и посещение подобных заведений, если на то пошло...

К сожалению, о конкретных клиентах этого злачного местечка ничего выяснить не удаётся. На чём они уехали – тоже загадка. Камера, которая находится снаружи, имеет довольно ограниченный обзор. Она записала лишь тот момент, когда Самойлова (а это определённо была она), держась за руку бородатого незнакомца, покинула бар.

Куда они отправились? Зачем? А главное, где и с кем сейчас Ксюша?

Все эти вопросы, ни на один из которых нет ответа, роем пчёл жужжат в моей голове... А ещё в груди свербит чувство вины. Я ведь обещала, что заберу её, но в итоге сделать этого не смогла. Кто же знал, чем обернётся для меня поездка в Юго-Восточный округ Москвы...

В понедельник вечером мне звонит мой друг Захар. Просит срочно приехать по его адресу. Торопит, изъясняется загадками. Говорит, что дело касается Ксюши, но при этом отказывается озвучить детали. Заводит меня своей странной, сбивчивой речью, и я, несмотря на обещание, данное отцу, срываюсь к нему. Слишком уж насторожил его голос. Голос, в котором отчётливо звенели нотки растерянности и страха.

Всю дорогу пока еду, гадаю, почему Захар не стал толком объясняться со мной по телефону. Версий море, одна хуже

другой.

Может, у отца Ксюши есть новости, и он сообщил их Захару? Не по себе становится... Вдруг дядя Игорь, зная моё трепетное отношение к его дочери, что-то от меня скрывает?

За полчаса успеваю накрутить себя капитально. Самые страшные мысли без конца лезут в голову.

Нашлась? Жива ли? Цела?

Таксист тормозит у жилого комплекса «Южный», вежливо прощается и желает хорошего вечера. Только вот предчувствие у меня такое, что это мне точно не светит.

Поднимаясь на лифте, начинаю нервничать ещё больше. Непокойно на душе и всё тут. И не зря оказывается...

Растрёпанный и взмыленный Захар открывает дверь после того, как раздаётся первая трель звонка. И сразу с порога меня пугают звуки, доносящиеся из глубины квартиры. Перехватываю озадаченный взгляд блондина и вскидываю бровь.

– Сама посмотри, – произносит он тихо.

Снимаю туфли и направляюсь в сторону гостиной. Именно оттуда доносится шум. Застываю в арке, изумлённо разглядывая беспорядок, который царит в комнате. Даже для неряшливого Троицкого это слишком. Полки пусты, как будто кто-то разом скинул всё содержимое, повсюду разбросаны вещи, на полу валяются осколки. Прямо у моих ног лежит разбитая лампа.

Что тут вообще произошло?

Косматый питомец Троицкого, Персик, жалобно мяукая, спешит ретироваться прочь, а я – в ужасе смотрю на Ксюшу, сидящую на полу в углу. Такое ощущение, что девчонка нас попросту не замечает. Прижавшись щекой к голым коленкам, смотрит в одну точку, трясётся и часто-часто дышит...

Единственное радует: вот она Ксюша, здесь, с нами. Бальзам на душу.

– Пришла сюда пару часов назад, – начинает рассказывать Захар, когда ловит мой ошарашенный взгляд. – Её привезла какая-то девушка. Говорит, что Ксюха голосовала, пытаюсь поймать машину на МКАДе.

Я обхожу диван, перешагиваю через разбросанные подушки и присаживаюсь рядом с подругой.

– Арин, она будто спятила. Несла какую-то бессвязную чушь, без конца повторяла, что ей больно и плохо, просила помочь. Потом начала агрессивовать и вести себя неадекватно. Еле успокоил, честное слово. Закрывл её здесь, чтобы позвонить тебе. Видишь итог?

– Ксюш, – осторожно касаюсь плеча подруги. – Слышишь, зай?

Сперва не реагирует совсем, но потом дёргается, поднимает на меня расфокусированный взгляд и какое-то время смотрит так, словно не понимает, кто перед ней.

– Ксюха, – мой голос дрожит, а сердце начинает колотиться с удвоенной силой. – Где ты была?

– Не помню, – едва слышно шепчет она. – Мне плохо...

– Что с ней? – обеспокоено интересуется Захар. – Меня пугает её состояние.

– Родителям позвонил? – внимательно осматриваю девочку.

Белая блузка испачкана, на ногах синяки, словно она падала. Несвежий макияж поплыл, а маникюр испорчен.

– Ещё нет. Решил, что сначала дождусь тебя.

– Где все её драгоценности?

На Самойловой ничего нет. Ни колец, ни браслетов, ни цепочки с кулоном, и даже серёжек с брюликами, которые дарил ей отец.

– Сумки и телефона тоже нет, – пожимает плечами Захар.

– Ну ясно, всё забрали значит, – предполагаю я. – Спасибо, что жива осталась.

– Ксюш... Расскажи, где ты была? – пытается разговорить её Троицкий.

– Не помню.

– Жесть, – за спиной раздаётся голос нашей общей подруги Ренаты.

Я даже не услышала, как она вошла.

– Привет, – отзываюсь мрачно, глядя на то, как Ксюшу трясёт.

– Вот вам и пай-девочка, – оценивая масштаб катастрофы, произносит Корецкая.

– Ты можешь хотя бы сейчас не плевать ядом? – злится

блондин.

– А что я такого сказала?

– Захар, звони Игорю Владимировичу, он пол Москвы на поиски дочери поднял, – вмешиваюсь в их диалог я.

Если этого не сделать, жди очередную склоку. Этим двоим только повод дай.

– Видела её зрачки? – склоняется ближе к её лицу Рената.

– Видела...

– Эй, Самойлова, приём! – щёлкает пальцами у неё перед носом.

– Мм, – Ксюша морщится и снова прячет лицо в коленях.

– Мне плохо.

– Ну ты и выкинула фортель, зануда! – качает головой брюнетка. – Сначала изуродовала тачку жениху, а потом и вовсе пропала с каким-то парнем почти на трое суток. Тебя вон уже в лесополосе с овчарками ищут!

– Ренат, – бросаю на неё выразительный взгляд.

Самойлова тем временем сползает по стене вниз, прямо на пол.

– Отойдите, – Захар наклоняется и подхватывает Ксюшу на руки.

Та, явно ничего не соображая, доверчиво тянет к нему руки. Вот чтобы такое в здоровом уме – да никогда!

– Отнесу её пока в спальню.

– Какая удача! – восклицает Рената, недвусмысленно ухмыляясь.

– Дура! – раздражённо выплёвывает он, переступая через бардак, который устроила Ксюша.

– Такой шанс выдался! Троицкий, не упusti! – продолжает стებაься она.

– Эй, ну достаточно, – пытаюсь её притормозить. – Чего завелась?

– Да потому что бесит. Вечно нянчится с ней как с ребёнком, – обиженно отклянчивает нижнюю губу, наблюдая за тем, как парень удаляется в соседнюю комнату.

– Захар просто очень переживает за неё, ты же знаешь.

– Ну разумеется, – Рената закатывает глаза. – Дорохов, кстати, рвёт и мечет. Примчался ко мне ни свет, ни заря. Глаза бешеные, вена на шее вздулась. Как начал орать. Где мол Самойлова?

– Да пошёл он, заслужил, – устало отвечаю я.

– У тебя-то что? – она садится на диван и откидывается на подушки.

– Большие проблемы.

– По телефону ты рассказывать не стала, нашу поездку в Италию отменила... Хоть бы предупредила! Так не делается, Арин! – начинает меня отчитывать, а я этого терпеть не могу.

– Не до Италии. Я человека сбила, – выдаю сразу, без преюдций.

Вернувшийся в гостиную Троицкий присвистывает.

– Живой, надеюсь? – Рената на пару секунд подвисает, замерев с открытым ртом, но потом довольно быстро берёт се-

б в руки и вопросительно вскидывает бровь.

– К счастью, да, но травмы тяжёлые.

– Дышит, остальное автоматом неважно, – отмахивается она.

– Ну я бы так не сказал, – снова вступает с ней в спор Захар. – Есть, Корецкая, такое понятие как качество жизни, и у инвалида это самое качество существенно ниже.

– Ой, не нуди, а? – цокает языком брюнетка.

– Рената, а ты поставь себя на его место, – раздражается в ответ.

– Что ещё за бред?

– Арин, а кто он такой вообще? Сколько лет, чем занимается? – продолжает атаковать меня вопросами Троицкий.

– Без понятия.

– Как это? – не отстаёт Захар.

– Не хочу ничего знать, – отрицательно качаю головой.

– Ты ездила к нему в больницу? – игнорирует мои слова он.

– Что? – в ужасе широко распахиваю глаза. – К этому я не готова точно.

Друг смотрит на меня так, словно крайне удивлён.

– Отец сказал пока не отвечивать. Вдруг журналисты.

– Да ну в смысле, Арин...

– Не могу я сейчас туда поехать. Как ты себе это представляешь? – на секунду теряюсь под его пронизательным взглядом.

– Что значит не могу?

– То и значит. Хватит, Захар, я сама разберусь со своими проблемами.

– Точнее папа разберётся, – ехидно поправляет меня Троцкий.

Стреляю в него убийственным взглядом.

– Арин, ты же не из тех, кто прячет голову в песок, – произносит разочарованно. – Это вообще на тебя не похоже!

– Слушай, я сама решу, что мне делать, ясно? – повышаю на него голос. – В больницу я не поеду.

Повисшая в воздухе тишина угнетает.

– Как-то это неправильно, – всё же выдаёт он.

– Очень даже правильно, пусть не забивает голову ерундой. От того, что она там появится, пользы не будет, скорее даже наоборот, – принимает мою сторону Рената. – Я тоже считаю, что не надо туда соваться. Вдруг его семейка не в адеквате? И вообще, не тебе советы давать, Захар.

Киваю, соглашаясь, и направляюсь в ту комнату, где спит подруга. Потому что меня нервирует эта беседа.

Захожу в спальню. Свет не горит, и я подсвечиваю пространство комнаты телефоном. Забираюсь на кровать, ложусь и обнимаю Ксюшу, укрытую одеялом.

– Как же я за тебя испугалась, – шепчу тихо, утыкаясь носом в её волосы.

Ксюша сопит, пытается что-то ответить, а я закрываю глаза.

Это были отвратительные выходные. Хочется забыть и вычеркнуть...

Глава 6 Арина

Пятое июня. Сегодня в одном из лучших ресторанов Москвы я, Арина Барских, праздную свой юбилей, двадцатипятилетие. Здесь собрались все те, кого я так хотела видеть: близкие люди, друзья, бывшие однокурсники и знакомые.

На столах, сервированных по высшему разряду, красуются изысканные закуски, эксклюзивные блюда от шеф-повара и элитный алкоголь. На мне платье от именитого дизайнера и безумно дорогие туфли, купленные в Париже пару месяцев назад. Волосы уложены топ-стилистом, на лице профессиональный макияж, на губах играет дежурная улыбка.

Принимая очередное поздравление от своих друзей, впросительно вскидываю бровь. Насколько я поняла, они затеяли некое соревнование из разряда «кто кого переплюнет» (что касается подарков). Зал, мастерски украшенный дизайнером и его командой, утопает в цветах: букеты один другого краше. Безусловно превалируют мои любимые розы: белые, бордовые, жёлтые, красные, розовые. От неимоверной красоты разбегаются глаза.

Оставляю очередной презент на столике, расположенном в углу. Там, на гладкой стеклянной поверхности, расставлены пёстрые упаковочные пакеты разной формы и высоты.

Гости расстарались на славу. Роскошные ювелирные укра-

шения: кольца, браслеты, серьги и даже карманное зеркало с драгоценными камнями. Новенький айфон и макинтош. Дизайнерские шмотки, путёвки с открытой датой, подарочные карты, винтажный фарфор, коллекционный винный набор и шуба из шиншиллы, мерить которую я отказалась. Вообще еле воздержалась от едкого комментария на этот счёт.

Из интересного и креативного: биокамин, именной слиток золота от Ренаты, сертификат на покупку офисного массажного кресла, полёт на воздушном шаре, натуральная роза, покрытая серебром, набор для конца света (Захар отличился), билет на квест и скрытая карта путешественника от Ксюши, к моему сожалению, отказавшейся прийти сегодня в ресторан. Есть на то причины, я не в обиде.

Она приехала ко мне вчера вечером. Вспоминаю наш непростой разговор и волосы встают дыбом.

После того как Самойлова испортила машину Егора, она отправилась в бар, мимо которого случайно проходила. Это притом, что подобные места Ксюша посещает крайне редко и очень неохотно.

Говорит, что выпила там пару коктейлей, и в какой-то момент рядом с ней нарисовался парень: обаятельный и общительный. Между ними завязался незатейливый разговор о жизни. Подозреваю, только лишь потому, что она была в расстроенных чувствах. Знакомиться вот так – не её конёк.

Молодой человек представился Рустамом, вроде как он отдыхал в этом заведении с компанией своих друзей. Со слов

Ксюши, парень был обходителен и предельно вежлив. Поддерживал непринуждённую беседу, улыбался во весь рот. В общем, ежу понятно: пытался пустить пыль в глаза и произвести хорошее впечатление. К сожалению, по-детски наивная Ксюша, не привыкшая к подобной лирике, ожидаемо поплыла от его (стопроцентно заранее заученных) комплиментов. Как итог, обаятельный незнакомец угостил Самойлову, безнадёжно развесившую уши, очередным «почти безалкогольным» коктейлем. И, собственно, всё...

О том, что было дальше, подруга почти ничего не помнит. Ей вдруг сделалось невероятно легко, весело и хорошо. В голове появилась дурная эйфория, и вроде как она пошла танцевать.

Полагаю, ей что-то подсыпали. Симптомы и анализы, которые её заставили сдать родители, указывают именно на это. Самойловы в тот вечер забили нешуточную тревогу, сразу же повезли дочь в частную клинику на обследование. Правда избежать скандала и истерики не удалось. Спасибо, что помог Захар, которому пришлось выслушать много чего неприятного от Самойловой, наотрез отказавшейся ехать к врачам.

О том, что конкретно произошло с Ксюшей, я узнала лишь накануне своего дня рождения. Она сама поделилась со мной.

Сказала, что в ту ночь вышла из бара на улицу вместе со своим новым знакомым лишь потому, что её уверили: за ней

приехала подруга и ждёт. Я так понимаю, этот Рустам и вызвался её проводить, ну а после – уже дело техники. Посадили ничего не соображающую девушку в машину и увезли.

Дальше воспоминания отрывками: Глаза её были завязаны, а тело, будто налившись расплавленным свинцом, отяжелело, обмякло и совершенно перестало слушаться. Другая машина, чей-то дом или дача, мужские голоса, смех. И те эпизоды, озвучить которые она не решилась.

Ксюша плакала так горько, что моё сердце сжималось от боли. Мне и слова не нужны были, всё итак стало понятно...

Глупая, зачем она вообще пошла в этот чёртов бар! А если бы они её убили?

Я пришла в настоящий ужас, когда узнала, что сутками позже подруга очнулась посреди ночи в Подмосковном лесу.

Одна, без сумки и телефона.

Доверчивая, порядочная, домашняя девочка.

Ну почему она?

Поиздевались, обобрали до нитки и выбросили как ненужную вещь.

Как представляю Ксюшу, пробирающуюся через тёмный лес к дороге, аж дурно становится.

Побывала бы этих мразей. Надеюсь, её отец найдёт их и отомстит. Чего бы это не стоило...

Несколько часов спустя в ресторане становится шумно. Веселье стремительно набирает обороты, градус праздника

повышается. На улице гремит фейерверк в мою честь и вот мы видим его: пятиярусный торт, невероятной красоты, от именитого кондитера. Зал на сотню гостей развлекают: ведущий, резиденты Comedy и приглашённые звёзды: Макс Барских, Светлана Лобода. Всё проходит так, как я и задумывала. Народ тоже доволен: танцует, активно пьёт за моё здоровье и не скупится на пожелания.

Чуть позже в ресторане появляется Игнат. Коротко целует меня в губы и вручает шикарный букет, держать который в руках дольше пары минут, я не могу физически. Очень тяжёлый.

Официант забирает цветы и ставит передо мной круглую ажурную клетку, внутри которой порхают многочисленные тропические бабочки. Большие, разноцветные. Яркие и завораживающие. Грустно осознавать, что вся эта красота вскоре погибнет, ведь у бабочек, как известно, очень короткая жизнь...

Прекрасные создания разлетаются в разные стороны, пока я пытаюсь добраться до резной шкатулки, спрятанной внутри. И да, это то, о чём я думаю. Поняла по напряжённому взгляду Ахметова.

Кольцо. Очередное, но особенное. То самое, которое рано или поздно жаждут занять на своём пальчике все девушки без исключения.

Вот так сюрприз, не ожидала, если честно.

– Что же это происходит? – переключает на нас внима-

ние ведущий, секундой ранее увлечённый проведением дурацкого конкурса. – Предложение руки и сердца, друзья!

– Дай-ка это сюда, – отбирая микрофон, недовольно хмурится Игнат.

Глядя в его суровое лицо, ощущаю приятное предвкушение. Характерное для подобных ситуаций.

– Арина, – Игнат серьёзен и сосредоточен как никогда.

Ноль эмоций, как всегда. Достает из бархатной коробочки массивное кольцо, украшенное бриллиантом внушительного размера. – Выходи за меня. Пора, как считаешь?

Не могу сказать, что согласна с ним. Замуж, в отличие от подруг, я никогда не торопилась, и до настоящего момента меня всё устраивало.

На самом деле грех жаловаться. Игнат Ахметов – один из самых завидных женихов Москвы. Ему тридцать четыре, у него свой автобизнес и акции нефтедобывающей компании. Он относительно молод, весьма привлекателен и богат. Настоящая находка для охотницы за большими деньгами. Вот только есть одна «проблемка» – ко всему прочему, Игнат умен и чрезвычайно хитёр. Меркантильный интерес расчётливых девиц этот мужчина видит сразу. Потому, наверное, он до сих пор и не женился.

С Ахметовым мы познакомились случайно. Я разнесла в пух и прах его тюнинг ателье, поскольку недобросовестный менеджер на пару с охамевшим программистом-электриком решили тупо развести меня на деньги. У меня тогда на бэхе

сломался экран NBT EVO. Потух, не подавая никаких признаков жизни. Эти «спецы» вроде как заменили его на новый, вот только полчаса спустя он погас снова, а в другом сервисном центре мне и вовсе сообщили о том, что никакой замены произведено не было. Экран мол родной девушка.

Стиснув от злости зубы, так сильно, что они едва не начали крошиться, вернулась в тюнинг-ателье. Такой скандал там устроила, что все их клиенты мигом разбежались. Угрожала судом и звонила при них Борису, нашему адвокату. В итоге, со страху они вернули мне все деньги, но я всё равно потребовала встречу с директором. Причём срочную. Девушка-администратор, потупив глаза, трижды заявила, что дозвониться до хозяина автосервиса не может.

И всё-таки в тот день удача определённо была на моей стороне, ибо этот самый хозяин неожиданно появился на пороге техцентра. В самый разгар моих разборок с персоналом.

Окинув меня заинтересованным взглядом, спросил, что произошло, и я на радостях описала ему сложившуюся ситуацию. Детально и во всей красе. Он слушал внимательно, не перебивая. И лицо его мрачнело с каждой секундой всё больше. Потому сотрудники, чувствуя приближение апокалипсиса, начали изображать бурную деятельность, быстренько разбредаясь по зданию.

Менеджер, кстати, всё это время прятался от меня в подсобном помещении. Оттуда его вытащил взбешённый Игнат. Евгений, сгорая от стыда, виновато кривил пострадав-

шую морду. Прижимая к разбитому носу рукав белоснежной рубашки, бесконечно много извинялся и пытался оправдываться, что было на тот момент бессмысленно, ведь Ахметов самостоятельно убедился в том, что его сотрудники работают недобросовестно.

Менеджера и программиста с позором уволили. И пока другие рабочие производили замену несчастного экрана, Ахметов отвёз меня в ресторан. В мой ресторан, вот так неожиданность. Какого же было его удивление, когда ко мне подошёл наш управляющий и извиняющимся тоном обратился ко мне по имени-отчеству. Хотел решить пару вопросов.

В общем, так мы и начали общаться. Игнат умело и красиво за мной ухаживал. Долго и терпеливо. Не скрою, его внимание мне очень льстило. Спустя полгода я оттаяла окончательно, бросила своего парня и, как-то быстро всё у нас закрутилось...

Надо признать, Игнат очень отличался от тех парней, с которыми я встречалась до него. Взрослый, суровый, опасный и до невозможного амбициозный мужчина не шёл ни в какое сравнение с мальчиками-мажорами, прожигающими свою бессмысленную жизнь. Потому я наверное и почувствовала некий ответный интерес.

Вот уже как полтора года мы состоим в отношениях. Видимся не часто, в промежутках между его рабочими буднями. Как оказалось, Игнат – не только жёсткий руководитель, но и крайне занятой человек. Иногда это очень бесит. И да,

разница в возрасте, пусть и небольшая, но даёт о себе знать. Музыка, кино, книги. Наши вкусы и желания вообще не совпадают.

Друзья кричат, начинают свистеть и хлопать, в то время, как Игнат берёт меня за руку и под общий шум толпы одевает мне на палец кольцо.

– Виктор Сергеевич, прошу руки вашей дочери, – обращаясь к моему отцу, заявляет Игнат.

– Я только за, дорогой, ты знаешь, – сверкнув идеальными зубами, кивает головой папа.

— Арина, – намёк в голосе ведущего очевиден. Все присутствующие в зале ждут от меня ответа.

Есть ли причины, чтобы отказать Игнату? Нет, но хотелось бы произнести фразу «я подумаю». Только лишь из вредности.

– Я согласна, – после затянувшейся паузы говорю я, и тут же раздаются оглушительные аплодисменты и одобрительный свист.

Обнимая своего жениха, разглядываю баснословно дорогое кольцо.

Поднимаю взгляд, и мы с отцом встречаемся глазами. Сдержанно улыбаюсь и думаю о том, что у меня есть всё, о чём может мечтать девушка: внешность, деньги, недвижимость, машины, собственный ресторан. В дополнение ко всему, совсем скоро я выйду замуж за серьёзного, состоятель-

ного мужчину.

Всё сложилось просто идеально. Вот только не пойму, почему испытываю странную палитру эмоций, и зачем в этот удивительный вечер вдруг вспоминаю Его. Человека, пострадавшего по моей вине...

Это ведь просто случайность. Так бывает. Надеюсь, с ним всё более или менее в порядке.

Как бы то ни было, жизнь продолжается, верно?

Отец подмигивает мне, поднимает вверх бокал и, глядя на нас с Игнатом, пьёт. Я улыбаюсь шире и закрываю глаза.

Да, так и есть, какие бы эпизоды не омрачали наше существование, нужно уметь абстрагироваться от проблем.

Переступи и иди дальше...

Пожалуй, так и сделаю. Тем более, что ситуация, на мой взгляд, не критична.

Глава 7 Максим

В палате становится светло, и мне приходится открыть глаза. Медленно, неохотно. Тут же прищуриваюсь от слепяще ярких солнечных лучей и недовольно морщусь. Всматриваюсь в женский силуэт, застывший у окна. Изображение плывёт, но я итак знаю, что это мать.

– Максим, доброе утро, – заметив, что я проснулся, она спешит ко мне.

Ласково касается руки и присаживается рядом.

Доброе утро. Это вряд ли...

– Как ты себя чувствуешь, дорогой? – сжимает пальцы правой ладони и заботливо поправляет одеяло.

Мне даже сказать ей нечего. Тихо отвечаю нейтральное «нормально» и снова закрываю глаза. Чувствую нестерпимую боль во всём теле. Вот так сразу и не скажешь, что приносит больший дискомфорт: мигрень, поломанные кости или пострадавшие внутренние органы. По ощущениям меня будто в мясорубке перекрутило.

– Следователь приходил и журналисты, врачи их к тебе не пустили. Человек недавно вышел из комы, а они лезут со своими вопросами! – ворчит, дотрагиваясь до моего лба. – Оленька вечером придёт, завал на работе.

Облизываю языком пересохшие губы, и мать тут же вскакивает со стула.

– Пить хочешь? Сейчас-сейчас, милый.

Пока она суетится, я осматриваю своё туловище. Левая нога и бедро зафиксированы. На груди и плече красуется давящая повязка. Кисть в гипсе. Пытаюсь приподняться на кровати, но ничего не выходит. Сил нет. Вообще. Это пугает ни на шутку.

– Лежи, сынок, я сама.

Она прислоняет к моим губам стакан, чуть наклоняет его, и я, повернув голову набок, делаю пару глотков желанной жидкости. Тороплюсь и тут же начинаю кашлять. Это простое естественное действие напоминает настоящую пытку, потому что грудину тут же пронзает резкая боль. Не вдохнуть толком, не выдохнуть.

Обессиленно откинув голову на подушку, жду, когда она ослабнет. Часто и хрипло дышу, но кислорода всё равно не хватает.

– Милый...

Мать прижимает ладонь ко рту и с тревогой в глазах смотрит на то, как я, стиснув зубы, пытаюсь привстать. Не получается. Сжимаю сильнее челюсти, чтобы позорно не заскулить.

Твою-то налево...

– Так... доброе утречко, не надо пока так активничать, – слышу бодрый женский голос. – Сейчас измерим давление, вколю обезболивающее и поставлю капельницу. Потерпите.

Честно говоря, мне плевать на те манипуляции, которые

производит медсестра. Я думаю лишь о том, что вот таким немощным как сейчас, я не был никогда.

Дожился, даже воды выпить не могу без посторонней помощи.

– Ох, Иван Петрович, – мать здороваётся с вошедшим в палату врачом.

– Галина Юрьевна, вы снова в больнице ни свет, ни заря! – недовольно отвечает ей он. – Я же вам сказал, отдохните. О вашем сыне есть кому позаботиться.

– Ну что вы, как я могу, – отзывается она взволнованно. – Максимка тут, а я дома... нет-нет.

Её голос дрожит, и она, похоже, снова начинает плакать.

– Мам, – сглатываю, и во рту снова становится сухо. – Перестань...

Врач тяжело вздыхает и начинает шелестеть бумажками прямо над моим ухом. Поворачиваю голову и натыкаюсь на его внимательный взгляд.

– Максим, – кивает и садится на стул. – Как самочувствие? Клянусь, этот вопрос скоро начнёт меня бесить.

Доконать хотят? Дерьмовое самочувствие. Если коротко и без прикрас.

– Боли? – понимающе хмурится он.

– Терпимо, – сипло выдавливаю из себя я.

Вчера вечером после того, как я пришёл в себя и ответил на несколько странных вопросов врачей, только и думал о том, с какими последствиями ДТП мне придётся столк-

нуться. Мозг соображал вяло, а мысли ускользали словно дым. Сейчас страх того, что меня парализовало, отступил и убрал от моего горла свои мерзкие щупальца. Ведь сегодня, по крайней мере, я хоть как-то чувствую свои руки и ноги. Боль в моём случае меня даже радует.

– Насколько... всё плохо... в целом?

Каждое слово даётся с трудом. Наверное, ещё и потому, что я боюсь услышать то, что подтвердит мои опасения и размажет окончательно.

– Ну... так что? – выжидающе смотрю на врача, несмотря на то, что веки опять слипаются.

Подозреваю, что дело в тех уколах, которые поставила медсестра.

– Что ж, молодой человек, – врач производит очередной осмотр и что-то калякает в своём журнале, – как вы помните, вас сбил автомобиль. Итог таков: мы имеем дело с повреждениями нижних конечностей. Особенно пострадала левая нога.

– Ясно...

– Вследствие отклонения транспортного средства в сторону, имеющийся крутящий момент привёл к тому, что вас подбросило на значительное расстояние. В результате удара о дорожное покрытие вы получили политравмы: черепно-мозговую, перелом левой кисти и нескольких рёбер, ушибы внутренних органов, в том числе лёгкого, пострадавшего от одного из деформированных рёбер. Как-то так, если в об-

щих чертах. Про гематомы и ссадины молчу.

В общих чертах. Зашибись букет...

Чувствую себя эдаким франкенштейном, не меньше.

– Что с ногой? – обеспокоено смотрю вниз.

– Диафизарный осколочный перелом обеих костей левой голени.

Снова откидываюсь на подушку и гипнотизирую взглядом белый потолок. Тут и врачом быть не надо, чтобы понять: полный фарш.

– Общее состояние до сих пор вызывает у меня опасения, вы потеряли много крови.

Смещаю голову вправо и молча повторно рассматриваю своё тело. Переломанное, искалеченное, слабое. Будто и не моё вовсе.

Именно в эту секунду в голове вспыхивает неутешительная мысль.

– Об олимпиаде можно забыть.

Кажется, я произношу это вслух...

– Ну что вы, речь шла о том, чтобы мы вас не потеряли, а вы про олимпиаду... – качает головой доктор.

Много ты понимаешь! Я шёл к этому много лет...

Злость и досада обрушиваются на меня внезапно. Бубнёж врача слушаю в пол уха. Крах моей спортивной карьеры – единственное, о чём я думаю. Осознавать тот факт, что на данный момент ты, один из сильнейших пловцов страны, превратился в аморфного инвалида – невероятно тяжело.

– Организм молодой, сильный и выносливый. Рассчитываю на то, что ваше состояние в ближайшее время стабилизируется и мы сможем провести операцию.

– Операцию? – неосознанно повторяю вслед за ним, выныривая из пучины мрачных дум.

– Остеосинтез.

Видит немой вопрос в моих глазах. Знакомый термин, но что означает – не помню.

– Метод сращивания кости при тяжелых оскольчатых переломах, – поясняет Иван Петрович.

– Ясно, – отзываюсь апатично.

– Это хирургическая репозиция, осуществляемая при помощи различных фиксирующих конструкций.

– Штифты-винты-пластины? – озвучиваю свою догадку.

– Совершенно верно. Цель остеосинтеза — обеспечение стабильной фиксации отломков в правильном положении с сохранением функциональной оси сегмента и стабилизация зоны перелома до полного сращения.

Киваю. Всё это понятно конечно, но стоит только представить длительность периода восстановления и в прямом смысле слова становится дурно...

Мать тяжело вздыхает и достаёт платок. Её и правда пора отправить домой. Итак тошно, а от этих жалостливых взглядов хреново вдвойне.

– Существует два вида остеосинтеза — погружной (внутрикостный, на костный) и наружный чрескостный. В вашем

случае рекомендован погружной. Но лишь тогда, когда состояние стабилизируется, – травматолог снимает очки с толстенными стёклами и протирает их тканевой салфеткой. – Наиболее перспективным для лечения большинства диафизарных переломов костей голени является закрытый интрамедуллярный остеосинтез с блокированием. К его основным достоинствам относится значительная прочность, малая инвазивность, быстрое восстановление функции опоры и движения конечности.

Быстрое восстановление. Сколько? Два месяца, полгода, год? Большие?

– Виктор Сергеевич готов всё оплатить, – слышу я сквозь поток беспокойных мыслей, нещадно атакующих ушибленную голову.

– Кто? – переспрашиваю озадаченно.

– Отец той девушки, – переглядываясь с травматологом, поясняет мать.

– Какой девушки? – нетерпеливо уточняю я, не обращая внимания на действия медсестры, вновь колдующей над капельницей.

Видимо, до сих пор туго соображаю. Прямо как последний тормоз.

– Полагаю, той, что была за рулём, – отвечает мне врач и поднимается со стула.

До настоящего момента я не знал о виновнике ДТП ровным счётом ничего. В моих воспоминаниях есть только ночь,

свет уличных фонарей, зебра и чёрная тонированная машина (мерседес вроде). Удар – это последнее, что я помню.

– Галина Юрьевна, вы ведь общались с Виктором Сергеевичем, верно? Насколько я понял, он готов покрыть любые расходы и сделать всё, что потребуется для восстановления вашего сына.

– Да ну? – криво усмехаюсь я.

Готов покрыть любые расходы. Смешно.

– Он сказал, что хочет нам помочь, – растерянно оправдывается мать, натываясь на мой суровый, осуждающий взгляд.

– Вернуть меня прежнего... он тоже может? – интересуюсь глумливо и снова пытаюсь привстать, кряхтя при этом как семидесятилетний старикан.

– Максим, – она виновато опускает опухшие от слёз глаза.

– Обойдётся... без его... подачек.

Наряду со вспыхнувшей злобой, в висках ритмично пульсирует кровь. В груди ноет, и дышится с трудом. Ко всему прочему, нога разболелась адски. Честное слово, всё, чего я хочу, это тупо закрыть глаза и провалиться в сон.

– Максим, дело, конечно, личное, но на вашем месте я бы воспользовался этим предложением, – лезет со своими дельными советами доктор. – Люди обеспеченные, не стоит отказываться от помощи ведь...

– Это я уж сам как-нибудь решу, – резко обрываю его монолог. – Оставьте меня одного.

– Максим...

– Мать, иди домой, пожалуйста.

Закрываю глаза, и пару минут спустя, наконец, остаюсь наедине с собой. Вот только вожденная тишина давит и угнетает ещё больше.

Чёртово ДТП. Оно разделило мою жизнь на «до» и «после». И как теперь принять это – непонятно...

Глава 8 Максим

Часто ли мы задумываемся о том, что в один момент можем лишиться того, что имеем? Давайте откровенно: никогда. Мы попросту не размышляем на эту тему. Зато с большой охотой рисуем себе будущее, в котором сбываются все наши заветные мечты. Это ведь куда интереснее...

Так уж устроен человек: ежедневно ставит перед собой цели: большие и маленькие, вполне себе реальные и не очень. Представляет наперёд, а что будет, если удастся их достигнуть. «Вождеденное завтра» дарит надежду, и для ко-го-то, как для меня, погоня за мечтой становится смыслом жизни. Однако порой случается так, что тебя вышибает из этой гонки. Неожиданно. Нелепо. Тупо одним моментом. И то, к чему ты стремился, отступает на задний план или вообще теряет всякий смысл (опять же как в моём случае). Потому что первоочередной целью уже видится нечто попроче. То, что не ценил прежде. То, о чём не задумывался.

Я, например, всегда воспринимал своё физическое здоровье как должное. Ходил, бегал, активно занимался спортом и наслаждался жизнью. И вот оно как бывает: теперь я сутками лежу на кровати и даже элементарных действий самостоятельно выполнить не могу...

От досады хоть волком вой, всё равно не поможет. Конкретно мне помочь может только операция и время. Дли-

тельный период восстановления, как говорят люди в белых халатах. И да, увы, нет никаких гарантий. Как будет проходить реабилитация, одному богу известно. Да и вообще, до неё ещё добраться надо. Судя по нахмуренным бровям Патрушева (моего лечащего врача) дела обстоят не очень. Не нравится ему моё общее состояние. Оно и неудивительно, об асфальт я приложился неслабо. Пролетел дай боже. Отскочил от тачки как долбаный попрыгунчик. Жаль только, что я действительно не резиновый...

– Максим, – слышу голос вышеупомянутого Патрушева, – к вам посетитель.

Поворачиваю голову и замечаю у двери лысоватого мужика с усами, длине которых мог бы позавидовать небезызвестный Эркюль Пуаро.

– Только недолго, молодого человека беспокоят сильные боли, – предупреждающе кошмарит дядьку Иван Петрович.

Так-то, если не геройствовать, боли действительно напрягают не по-детски. И это притом, что мне постоянно ставят уколы с обезболивающими препаратами.

– Здравствуйте, Максим Александрович, – здоровается со мной усатый.

– Добрый день, – без особого настроения на беседу отзываюсь я.

– Позвольте представиться, Пронин Борис Степанович, – он отодвигает от стены стул и присаживается.

Без интереса разглядываю незнакомого мне мужика, при-

шедшего явно не о моём здоровье справиться. Дорогой костюмчик, начищенные до блеска туфли и кожаный риди-кюль. Сразу же обращаю внимание на его цепкий, хитрый взгляд и маленькие бегающие глазки. Не знаю почему, но этот колобок мне уже заранее неприятен. Есть в нём нечто скользкое и отталкивающее.

– Как себя чувствуете?

Да как же осточертело...

– Прекрасно, – не могу не съязвить в ответ. – Как раз собирался прогуляться, а тут вы нарисовались со своим визитом...

– Ну-с, как минимум, чувство юмора вы не утратили, что уже весьма неплохо, – хмыкает толстяк, доставая из портфеля какие-то бумажки.

– Зато утратил возможность передвигаться на своих двоих, – ядовито отмечаю я.

– Да-с... это печально, мой друг.

Мой друг. Терпеть не могу, когда незнакомые люди пытаются втереться в доверие, используя подобные фразы.

– Мы с вами раньше не встречались. Вы кто? Если журналист, то на интервью я не настроен, – решив забить на вежливость, сообщаю я.

– Ну что вы, я не журналист.

Это несказанно радует.

– Понимаю, внимание прессы для спортсмена... потерявшего шанс на...

– А нельзя ли обойтись без лишней лирики? – чувствую, что начинаю злиться. – Об упущенных возможностях я и наедине с собой могу поразмышлять.

– Что ж, хорошо, – кивает он, деловито поправляя на носу очки в дорогой оправе. – Я адвокат семьи Барских.

А вот это уже интересно.

– Так... – мои губы растягиваются в улыбке, – то есть вы защищаете безмозглую курицу, сбившую меня на пешеходном переходе. Я правильно понимаю?

Брови адвокатишки ползут вверх. Не ожидал он от меня подобной наглости.

– Максим Александрович... кхм... семья Барских искренне вам сочувствует.

– Да что вы, – откровенно усмехаюсь.

К чему все эти разглагольствования? Сочувствуют... Серьёзно, что ли?

– Нам жаль, что вы получили многочисленные травмы в связи с произошедшим ДТП.

– Говорите напрямую зачем пришли.

– Я хотел бы...

– И да, я в курсе, что дело обставили так, как вам удобно, – сразу предупреждаю я, чтобы избавить нас обоих от ненужного театра.

– Максим Александрович...

– Вчера утром ко мне в палату наведалься следователь. Глуповатый и недалёкий тип. Задавал вопросы, пытаясь прощу-

пать как много деталей ДТП я помню, – прищуриваюсь, наблюдая за реакцией адвоката. – Зафиксировал мои показания и начал нести какой-то бред про слепую зону, в которой я находился. В общем, ненавязчиво выгораживал водителя злополучного мерседеса. Завуалированно намекая на то, что тот не виноват.

Послушать следователя, так я чуть ли не сам кинулся под машину. Чушь несусветная. Я переходил дорогу в положенном месте и ничего не нарушал. Чего нельзя сказать о барышне, которую все так активно покрывают.

Пронин вытирает платком лоснящуюся от пота лысину.

– Понимаю, сейчас вы говорите на эмоциях, но порой есть необходимость в том, чтобы посмотреть на ситуацию с другого угла. Девушка тоже оказалась жертвой обстоятельств.

Прекрасно... То есть она ещё и жертва. Надо же как умело выкрутили.

– Вы доктор? – закатываю глаза.

– Я... кто? – лупится на меня своими поросычьими глазами. – Нет.

– Ну так и не надо меня «лечить». По-вашему, я похож на идиота? – спрашиваю в лоб. – Ясно всё как белый день.

– Максим Александрович, – адвокат, прокашлявшись, нервно подёргивает шеей.

Напряжённый выходит у нас диалог. Вон мой оппонент аж вспотел весь бедный.

Да-да, мне тоже не по душе этот разговор. Но делать из

себя дурачка-простофилю я не позволю.

– Теперь когда мы всё прояснили, может, озвучите цель вашего... визита, – морщусь, привставая на локте. В груди болезненно заныло.

Чёртовы рёбра...

Пронин, приосанившись, изучает меня долгим, внимательным взглядом.

– Ваш лечащий врач сообщил о том, что в связи со сложным переломом, необходима срочная операция. Мы бы хотели оказать вам посильную материальную помощь. Виктор Сергеевич готов покрыть расходы.

– Так а зачем, если его дочь ни в чём не виновата? – иронично вскидываю бровь. – Сами себе противоречите, ей богу.

– Максим, давайте откровенно, – теряет терпение он. – Произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого вы пострадали. Опустим пока обстоятельства и подробности случившегося, – в защитном жесте выставляет вперёд руки. – Мы не отрицаем тот факт, что вам нанесён физический ущерб. На сегодняшний день вам требуется лечение, и, смею заметить, стоит оно недёшево. Повторюсь, что Виктор Сергеевич готов его оплатить.

– Невиданная щедрость. Взамен на что? – намекаю я на продолжение.

– Хотелось бы решить всё миром, – на его лице появляется гаденькая, фальшивая улыбка. – Полюбовно, без суда.

– Ну разумеется. Молчание моё купить хотите?

– Ну что вы, мой клиент искренне беспокоится о вашем здоровье, – уверяет он.

Лжёт напрадую. Вон эта горе-автоледи за столько времени не появилась тут даже. Не то, чтобы я ждал её в гости, но всё же... Ставлю себя на место водителя. Человека, пострадавшего по моей вине, я, как минимум, навестил бы. Хотя бы для того, чтобы убедиться: жив, дышит.

– Да уж конечно, насмешили. Спасибо за заботу, но я, пожалуй, откажусь, – укладываюсь на подушку.

Белый потолок изрядно подбешивает, но это всё же лучше, чем смотреть на мерзкую физиономию продажного адвоката.

– Вижу, на данный момент вы настроены весьма агрессив-но, что вполне логично, – бубнит он себе под нос.

– Нет, я абсолютно спокоен, – возражаю, не поворачивая головы в его сторону.

– Максим, и всё же... Я бы посоветовал вам прислушаться к голосу разума. Вы ведь не в том положении, чтобы отказываться, верно?

Ох, ну конечно, уже и положение моё успел изучить.

– Я осведомлён о вашей ситуации, – говорит, словно читая мои мысли.

– Проваливайте.

Да, может и грубо, но, в конце концов, кто он такой вообще?

Адвокат выпускает тяжёлый вздох и встаёт со стула.

– Оставлю вам свою визитку. На случай, если передумаете.

– Я не передумую, – заявляю решительно.

– Кто знает, – продолжает дожимать меня он. – Оплачивать долги вы сейчас не в состоянии. Подумайте о матери и сестре. Имейте ввиду, Виктор Сергеевич мог бы решить и эту проблему тоже.

Вот же сволочь!

Хочется бросить в ответ что-нибудь колкое, но как назло в голову тут же лезут беспокойные мысли.

– До встречи, и ещё раз настоятельно рекомендую здраво оценить наше предложение, – произносит он напоследок.

– Прощайте.

В раскалывающейся от боли голове всё ещё стучат его слова.

«Оплачивать долги вы сейчас не в состоянии. Подумайте о матери и сестре. Имейте ввиду, Виктор Сергеевич мог бы решить и эту проблему тоже»

Прямо Второй после Бога!

Как бы то ни было, стоит признать, Пронину удалось-таки наступить на больную мозоль...

– Ой, Максим, я не помешала? – провожая взглядом моего визитёра, шёпотом спрашивает вошедшая в палату Оля.

– Нет. Привет, – ловлю её за руку, вынуждая подойти ближе.

– Максим, подожди, у меня же пакет! – мило ворчит она.
– Я тебе супчик куриный принесла, запеканку, а ещё фрукты и компот.

– Спасибо. Иди-ка лучше сама сюда, – тяну девчонку к себе.

– Колючий, – коротко целует в щетинистую щёку, присаживается на край постели и обеспокоенно меня рассматривает. – Ну как ты тут?

– Хоть ты не спрашивай, – сжимаю её тонкие пальчики в своей ладони.

Опять этот сочувствующий взгляд. Лезвием по сердцу. Ненавижу, когда меня жалеют. Крайне неприятное чувство.

– Выглядишь жутко...

– Ну спасибо тебе за честность, – хмыкаю я.

– Галина Юрьевна сказала, что ты плохо питаешься, – смотрит на меня с укором.

Включила режим няньки.

– Нет аппетита, – отзываюсь апатично.

– Ты что! Так нельзя! – тут же принимается отчитывать меня словно провинившегося мальчишку. – Громов, тебе нужны силы для того, чтобы восстанавливаться!

– Оль, не начинай...

– Не могу же я тебя с ложки кормить в самом деле! – возмущается она, вставая. – Ну-ка давай супчик поешь.

– Позже.

– Максим, тебе необходим полноценный рацион! – при-

нимается доставать из пакета гостинцы.

– О-ЛЯ, ты слышишь меня? – непроизвольно повышаю голос. – Я не хочу!

– Что значит не хочу? – обескураженно разводит руками, выставляя на прикроватную тумбочку контейнеры и банку с компотом. – Я запеканку специально для тебя пекла. После рабочей смены, между прочим!

– Ну какая к чёрту запеканка! – бросаю раздражённо.

– А чего ты на мне срываешься, м?! – обиженно дует губы и отходит к окну.

Да, она и впрямь ни при чём. Просто нервы на пределе.

– Оль, прости... – всё же извиняюсь, с минуту рассматривая её утончённый профиль. – Все мои планы рухнули в одночасье, и я... растерян, понимаешь?

– Конечно понимаю, но это не повод мне грубить, – отвечает она, насупившись точно ребёнок.

– Ты права, – киваю, соглашаясь.

– Когда операция? – поворачивается ко мне и снова хмурит брови, озадаченно меня разглядывая.

– В ближайшее время. Патрушев опять чем-то недоволен. Анализы ему не нравятся, – мне не удаётся скрыть досаду.

– Дорого будет стоять?

– Пока не знаю. Надеюсь, что моих сбережений хватит, – отвечаю я, наблюдая за тем, как она подходит к тумбочке и берёт в руки контейнер.

Открывает крышку с невозмутимым выражением лица.

Разворачивает полотенце и достаёт ложку.

Сказал ведь, что не хочу. Иногда эта её навязчивая забота вообще ни к месту...

– Поешь, пожалуйста, я ведь для тебя старалась, – двигает стул вплотную к постели и присаживается. Держит в руках контейнер и столовый прибор.

– Реально будешь кормить меня с ложки, Оль?

Кажется, это перебор. С одной стороны, приятно конечно, но с другой... это в очередной раз напомнит мне о том, что я немогущий.

– Представь себе да! – раздражённо цокает языком.

Нет, всё-таки это реально слишком... хоть и пахнет вкусно.

– Честно... не лезет, Оль, – игнорирую взбунтовавшийся желудок. – Позже обязательно поем.

– Хорошо, – с глухим стуком ставит контейнер на место. – Продолжай голодать, Громов, если тебе так хочется!

– Давай только без обид, – прошу устало.

– Проехали. Заставлять не собираюсь, не маленький. Ты лучше мне скажи, это адвокат Барских приходил, да? – неожиданно переводит она тему.

– Подслушивала? – вопросительно вскидываю бровь.

На Олю это как-то не очень похоже.

– Вот ещё! – фыркает, забирая из пакета спелое яблоко. – Собиралась войти и нечаянно услышала ваш разговор.

– Понятно.

– Максим, я правильно поняла, ты отказался от денег? – интересуется она, прищуриваясь.

– Естественно отказался, – подтверждаю я, снова пытаюсь принять удобное положение. Это сложно. Тело ноет и противится.

– Очень напрасно.

– В смысле напрасно? – вскидываю на неё удивлённый взгляд.

– Надо было соглашаться, Максим...

– Оль, да ты о чём вообще?

«Надо было соглашаться». С дубу рухнула, что ли?

– А что? Моё мнение такое: пусть раскошеливаются! – выдаёт она невозмутимо.

– Мне не нужны подачки от её папаши! Ясно же к чему всё это делается. Думаешь, адвокат просто так явился? Они своими бумажками хотят заткнуть мне рот! Понимают ведь, что могу рассказать всё журналистам.

Хотя делать этого я не собирался, как и в принципе, встречаться с докучливыми представителями СМИ.

– Ой, я тебя умоляю... Так и так заткнут, – тихо комментирует мой пылкий монолог она. – Виктор Барских – весьма влиятельный человек. Крупный бизнесмен, инвестор. Связи, деньги... Да он только по официальным данным имеет такое состояние, что мама дорогая, я уже молчу про офшоры.

– Да плевать мне на его состояние, – начинаю заводитьсь. – Отстегнёт он мне с барского плеча... Обойдусь уж как-ни-

будь.

– Ну к чему это упрямство? – громко восклицает девчонка. – Надо выжать с этой семейки по полной. Пусть всё-всё оплачивают! Эти богачи и не заметят даже! Для них это так, сушная ерунда!

– Оль, – качаю головой.

– Максим, серьёзно, ты будешь последним дураком, если откажешься, – всерьёз говорит она.

– Вообще-то я рассчитывал на то, что ты будешь на моей стороне, – замечаю сухо.

– Я в данном случае на стороне здравого смысла, – вещает нравоучительным тоном. – Сам подумай, не в нашем положении разбрасываться подобными предложениями.

– У меня есть свои деньги. Справимся самостоятельно.

– Ну правильно, давай из-за твоих нелепых принципов отдадим всё то, что откладывали на свадьбу и путешествие. Итак теперь дату переносить! – едва сдерживая слёзы, возмущается Оля.

– Нелепых принципов, – повторяю я следом. — Могла бы и поддержать меня...

– Поддержать? Ты знаешь, я всегда за тебя, но конкретно сейчас ты совершаешь ошибку, Максим. Идти против этих людей нет смысла, а значит, нужно поступить по-умному. Договориться. И решить всё мирно, как сказал адвокат.

Решить всё мирно. Ага, то есть всё-таки подслушивала...

– Ты ещё не понял? Этот Виктор на всё пойдёт ради до-

чери. Назови только сумму.

Сумму, в которую можно оценить собственную гордость? Так, что ли, получается?

– Всё сказала? – вслух озвучиваю только это.

Стреляем друг в друга взглядами-стрелами.

– Это твоё упрямство, Громов, нам ещё аукнется...

– Иди, Оль, на свою йогу, – закрываю глаза, демонстрируя нежелание продолжать этот разговор. – Опоздаешь.

Глава 9 Арина

С момента ДТП прошёл один месяц

Время тянется неимоверно медленно. Теплоход рассекает гладь Москвы-реки, а я думаю лишь о том, как сильно хочу оказаться в своей постели.

Мои надежды на то, что удастся отвлечься от мрачных мыслей, рушатся, как только каблук ступает на эту палубу. И вот вроде всё как надо: приятные люди, вкусный ужин, живая музыка... Но весь вечер я только и делаю, что вяло ковыряю изысканные блюда вилкой, да фальшиво улыбаюсь Игнату и нашим общим знакомым, пытаюсь хотя бы изредка поддерживать не вызывающую интереса беседу.

Пару часов спустя замечаю, что отвечаю невпопад, и вот, сославшись на головную боль, уползаю в уголок на корму. Просто чтобы побыть вдали от шума, так сильно меня сейчас раздражающего.

– Плохо себя чувствуешь, Арин? – Игнат в своей медвежьей манере приобнимает меня за талию.

Погружённая в глубокие раздумья, я и не заметила, как он подошёл.

– Да, – кладу свою ладонь поверх его руки. – Устала.

– Какие-то неприятности? – убирает волосы и касается губами кожи шеи.

– Да как-то всё не клеится в последнее время.

– Проблемы на работе? Давай я отправлю туда Дениса, он всё разрулит.

– Нет, – качаю головой. – Сама разберусь, я итак порядком подзабила на ресторан.

– У тебя есть управляющий, пусть и занимается всеми насущными вопросами, – продолжает обнимать меня одной рукой, а второй достаёт из кармана пачку дорогих сигарет.

– На него жалуется персонал. Мне начинает казаться, что он не справляется со своими должностными обязанностями, – задумчиво закусываю губу.

– Так увольь его и найди того, кто будет справляться, – щёлкает зажигалкой.

– Да вроде как-то жалко Диму. У него ипотека и маленький ребёнок...

– И что? – медленно выдыхает дым. – Это его трудности. Не твои.

– Я согласна с тобой. Мне в принципе всегда было плевать на мышиную возню сотрудников, просто вчера он пришёл ко мне в кабинет и начал рыдать. Мол не лишайте меня работы, кредиты нечем платить. Я сначала опешила, а потом даже как-то растерялась. Одно дело уволить зазевавшуюся дур-официантку, и совсем другое – человека, который вроде как не раз меня выручал.

– Да не парься ты на эту тему, – беззаботно отмахивается он. – Увольняй, не жалея, если не работает как надо. Зачем держать в своей команде тех, кто не приносит пользы.

Ну не знаю. Попрощаться с Беляевым я всегда успею. Окончательное решение на его счёт я ещё не приняла.

– Ну так что, «минус Дима?»

– Я пока не придумала кем его заменить. Понаблюдаю за ним ещё недельку.

– Смотри сама.

Какое-то время мы молчим. Игнат раскуривает сигарету, а я любуюсь огнями вечерней Москвы.

– Арин, меня беспокоит твоё настроение в последнее время. Ты точно ничего не хочешь мне сказать?

Смотрит внимательно, выжидаяще. Ждёт ответа, но я точно не готова обсуждать своё внутреннее состояние с ним. Что-то подсказывает мне: не поймёт.

– Да всё нормально, – аккуратно освобождаюсь от его объятий и делаю пару шагов в сторону перил.

– Может, махнём в Эмираты на недельку? – предлагает он, вставая рядом.

Идея, конечно, заманчивая, но вряд ли эта поездка поможет справиться с тем беспорядком, что творится в моей голове.

– Мне пока нельзя уезжать...

– Да всё там решилось уже, забей, – уверяет меня он. – Летим?

– У тебя работы полно, ты сам говорил, – неопределённо жму плечом.

– Подождёт работа, – подходит ко мне, дотрагивается до

моих волос, а затем проводит костяшками пальцев вдоль скулы. Но, к слову, на ласку это мало похоже. – Мне не нравится, когда моя девочка грустит.

Точнее ему не нравится, что это замечает его окружение.

– Ну извини, я итак чуть щёки не порвала, улыбаясь весь вечер словно чёртов джокер, – бросаю язвительно в ответ.

– То-то и оно, Арин... Что с тобой происходит? – отодвигается, хмурит широкие брови и глубоко затягивается сигаретой.

Испытывает меня внимательным взглядом. Давит.

– Всё в порядке, Игнат. Просто нет настроения, – непроизвольно обхватываю себя руками.

– Замёрзла? – снимает с себя пиджак и накидывает его мне на плечи.

Джентльмен.

– На следующей неделе поедем к моим. Ты как, не против?

– Поедем конечно...

Я так-то против. Как бы помягче выразиться, семья Ахметова от выбора сына не в восторге, особенно его мать. Но наша скрытая неприязнь к друг другу вполне взаимна. Не нравится мне эта женщина.

– Ты давай кончай хандрить, Арин, – сжимает меня в своих ручищах. – Возьми Ренату, устрой себе шопинг, ну или чем вы там бабы себя бодрите. А хочешь... с подружками в клубе повеселись. В пределах разумного, – добавляет мрач-

но.

Вот уж спасибо за разрешение.

Учитывая его нелюбовь к подобному моему времяпровождению, прямо нонсенс. Хотя я итак пошла бы, если бы захотела. И он прекрасно это знает. Все наши скандалы так или иначе были связаны именно с тем, что я игнорировала его просьбы. Корецкая вообще диву даётся, как он столько времени терпит мои выходки.

– Может, ты и прав, надо бы развеяться, – поправляю ворот его белоснежной рубашки. – Я кстати хотела сказать, что выходные проведу на даче.

– Опять устраиваете сборище? – недовольно интересуется он.

– Да ладно тебе, Игнат, это же мои друзья, – как всегда вступаю в глухую оборону.

– Этот твой белобрысый сёрфер тоже там будет?

Раздражённо вздыхаю. Опять начинает...

Ахметов не переносит Троицкого. Как-то не задалось их общение с самого начала. Игнату крайне не нравится тот факт, что мы с Захаром очень близки. Ревнует страшно, хоть и не подаёт вида. И это притом, что я не раз пыталась ему объяснить: с Троицким нас связывает лишь крепкая дружба. Не понимает, что в голове у сёрфера только Самойлова. Бесполезно что-либо доказывать.

Впрочем, и с остальными ребятами у Игната складываются не особо тёплые отношения. Не по нраву ему мои друзья:

молодые, шумные, взбалмошные. Он называет их «беспечные прожигатели жизни» и без конца повторяет о том, что к подобным персонажам у него доверия нет.

Скажем так: круг знакомых моего жениха несколько иной – серьёзные, влиятельные мужики за тридцать. И подозреваю, некоторые из них так или иначе связаны с какой-то преступной деятельностью. Вот и сейчас один из них отвлёк Игната от нашего разговора.

– Рахим, дорогой, ну что там у вас? – отвечает на входящий и по привычке отходит в сторону.

Порой мне кажется, что своё состояние Игнат сколотил не только на тюнинг-ателье. Там явно есть что-то ещё. Однако эти мысли я держу при себе и в его дела не лезу.

– В смысле? – тон разговора меняется. – Что значит не получилось?

С минуту он внимательно слушает собеседника и молча раскуривает очередную сигарету.

– Кто он такой вообще?

Запрокидываю голову назад и разглядываю небо тёмно-графитового цвета. Ни одной звезды не видно, к сожалению. Сплошные тучи, да и ветер как-то неожиданно поднялся. Всё указывает на то, что погода меняется.

– Ну так пробей, – доносится до меня недовольный голос Игната. – Откуда взялся? И что за погоняло такое дебильное – Паровоз.

Вопросительно стреляю глазами в его сторону. Он подми-

гивает мне, хотя по выражению лица я понимаю, что сейчас Ахметов явно не в духе.

– Да какая мне разница? – всегда спокойный Игнат начинает терять терпение и выходить из себя. – Значит надо перетереть с Дымовым. Ты моего благословения ждёшь, что ли?

Подзывает меня жестом к себе.

– Короче, Рахим, меня не волнует. Или сам выясни, или Ильдара туда отправь, но чтобы завтра я имел представление о том, кто перешёл мне дорогу. Понял? Всё давай, добро.

Отключается. Брови нахмурены, суровый взгляд.

– Проблемы? – интересуюсь осторожно.

– Ерунда, – отмахивается он. – Поехали ко мне. Хочу чтобы сегодня ты осталась со мной.

Это в мои планы точно не входило. Уже собираюсь открыть рот, чтобы возразить, но не успеваю.

– Ко мне едем, Арин, – повторяет уже громче. – Не так уж часто я тебя о чём-то прошу.

Глава 10 Арина

В пятницу утром я еду в салон красоты. Мрачно изучаю отражение в зеркале, пока мой мастер разговаривает с одним из клиентов по телефону.

Выгляжу я неважно. Лицо бледное, осунувшееся, под глазами залегли тёмные круги. Оно и понятно: сплю я до сих пор плохо, аппетит отсутствует, настроение постоянно на нуле. Причина в злосчастном ДТП. Мысли о той ночи не отпускают по сей день. Вон даже пришлось записаться на приём к психологу, потому что моё состояние назвать нормальным никак нельзя.

– Ариш, я вся твоя, – щебечет над ухом Катя. – Делаем всё как обычно?

– Нет, хочу чёрный, – заявляю я уверенно.

Катя перестаёт возиться с инструментами и вскидывает на меня взгляд, полный удивления.

– Ну и шуточки у тебя, Барских. Я аж проснулась моментально, полчаса ходила клевала носом.

– Я не пошутила, Кать. Перекрась меня в тёмный, надое-ло. Хочу перемен.

– Хм, – Катя пожимает плечами и, что мне всегда в ней нравилось, не пытается отговорить. Скорее наоборот. – Будет бомба!

– Ну и славно...

Пару часов спустя я оцениваю результат. Мне и впрямь очень идёт. Давно надо было решиться. Улыбаюсь и пропускаю глянцевою прядь сквозь пальцы.

– Роковая красотка, – восхищённо выдаёт Катя, любуясь своей работой. – Но по шкале стервозности ты ушла в плюс.

– Да и плевать, смысл строить из себя то, чем не являешься, – встаю с кресла и достаю кошелек из сумки.

Еду на работу (ну как еду, отец всё ещё не вернул мне мои машины, и передвигаться приходится с водителем). Судя по взволнованному голосу Димы, дела в ресторане обстоят не очень. Вкратце прошу обрисовать ситуацию, и он взахлёб начинает рассказывать историю о том, что вчера под видом посетителя в зале засел какой-то критик. Заявил, что стейк был мороженный и затеял скандал. А потом и того интереснее... Уже сегодня утром к нам нагрянула проверка.

Оценить накалённую обстановку, царящую в ресторане, можно моментально. Кажется, что даже воздух пропитан неким нервяком. Все так активно изображают деятельность... Официанты носятся по залу с перепуганными лицами. Рабочий заменяет перегоревшую лампу у входа, а бармен Толик протирает верхние полки дизайнерского стеллажа. На моей памяти он забрался туда впервые.

Минуя зал, прохожу в коридор. Иду мимо кабинета бухгалтерии. Дверь открыта нараспашку. Администратор Лиза на пару с бухгалтером Светой что-то ищут, разложив папки

на столе. На меня налетает официант Боря. Глаза по пять рублей, ни слова из себя выдавить не может. И только я, глядя на весь этот переполох, сохраняю спокойствие.

«Невозмутимый покер-фэйс – наше всё», – как говорит один мой знакомый.

Заглядываю на кухню. Повара, признав во мне начальство, вразнобой здороваются и тут же понуро опускают головы. Толстый мужик неприятной наружности принимается громко отчитывать моего управляющего, по цвету напоминающего переспелый помидор.

– Что за шум? – перебиваю его я.

Мужик, оборачивается, поправляет халат, облепивший его точно вторая кожа, и окидывает меня скептическим взглядом.

– Это ещё кто? – прищуривается, поправляя на голове целлофановую шапочку.

– Барских Арина Викторовна, хозяйка данного заведения, – сообщаю я, забирая свой кофе у официантки.

– Ах, хозяйка! – прищёлкивает языком. – Это многое объясняет.

Вопросительно вскидываю бровь.

— Очень вовремя вы явились, Арина Викторовна! – брызжет ядовитой слюной он. – Ваш рабочий день, согласно графику, не в десять ли начинается? На часах одиннадцать пятнадцать, между прочим.

– Мой рабочий день вас волновать не должен, – отзыва-

юсь, повышая голос. – Что за претензии к нашему ресторану?

– Я закрываю вашу забегаловку! – орёт он.

– С чего вдруг? – смотрю на него в недоумении. – Вы не представились, кстати.

– Потому как в представлении не нуждаюсь, милочка!

Вот это я понимаю самомнение! Раздутое до невероятных масштабов.

– Давайте по существу, кем бы вы там ни были...

– По существу... Да тут у вас нарушений тьма! – он возмущённо всплёскивает руками. – Одно неправильное хранение продуктов чего стоит! Я уже молчу про технологию приготовления!

– И что не так с хранением?

– Да всё не так, дорогуша! Сроки годности отсутствуют, например. А такое понятие как «товарное соседство», судя по всему, вообще не знакомо ни вам, ни вашим подчинённым! – поучительным тоном продолжает отчитывать меня он.

– Мы непременно обратим внимание на ваши замечания, – обещаю я.

– О, полюбуйтесь, пожалуйста! – трясёт прямо перед моим лицом пакетом с гребешками. – Разве можно хранить это тут?

Откуда мне знать можно или нельзя.

Строго смотрю на шеф-повара Костю, но тот старательно

отводит глаза.

Ну ясно.

– А вытяжка? Загляните-ка сами, уважаемая Арина, Викторовна! У Вас её вообще не чистят, что ли? Это ж полная антисанитария!

От его мерзкого, звенящего на высоких нотах голоса ко мне на радостях возвращается её Величество мигрень.

– Почему повар без колпака? – вопит на Самвела, дёрнувшегося в сторону от неожиданности. – Возмутительно!

– Убавьте децибелы, в зале посетители, – обращаюсь к нему я.

– Вы хотели сказать ваши ПОСЛЕДНИЕ посетители! – давит мерзкую ухмылочку.

Жабу. Точно, он напоминает мне большую, гадкую жабу.

– Что-то ещё?

– Нет, ну это просто наглость и невежество! – поражённо качает головой. – У вас будут большие неприятности, обещаю!

Закатываю глаза и поворачиваюсь к Диме.

– Таак, я к себе, как только эта новоявленная Елена Летучая тут закончит, сообщи мне.

Беляев растерянно кивает и торопится догнать товарища инспектора, отправившегося исследовать соседнее помещение – подсобку.

Пользуясь случаем, спешу убраться из кухни. Иду по коридору и уже поворачиваю направо в сторону зала, когда

слышу обрывок разговора администратора и бухгалтера.

– Нашла?

– Не-а... Понятия не имею, где этот сертификат.

– Ну всё, нам крышка. Чтобы ты понимала, это и есть тот небезывестный Корнелюк из Роспотребнадзора.

– Ой, да расслабься!

– Расслабься? Поговаривают, что этот дядька – лютый зверь. Вон наши соседи из «Террасы» волком взвыли, когда он к ним пришёл с проверкой.

– Стерлядь-то нашу видела?

Притормаживаю.

Стерлядь? Как мило... я так понимаю речь обо мне?

Зачем-то решаю дослушать их диалог. Любопытства ради, наверное.

– Сегодня её ещё не было. Спит небось. Не барское это дело – вставать раньше обеда, – хихикает бухгалтерша. – Явится ближе к вечеру.

– Да пусть бы вообще не приходила. Заметила, что она мрачнее тучи последнее время? Всех собак на меня позавчера спустила, – жалуется Лиза.

Да, припоминаю, не так давно я отчитала её за пыльные люстры.

– Арина режим директора включила, что ли? – презрительно фыркает в ответ Света, ещё вчера рассыпающаяся в комплиментах и мило улыбающаяся мне при встрече. – Ни черта ж ведь не делает. Мне бы такую работу. Пришла в мод-

ном костюме от Версаче, недовольной мордой поторговала, поела на халяву тигровые креветки и ушла.

– Это тебе не за сорок тысяч с утра до ночи впихивать как ломовая лошадь, – соглашается с ней администраторша.

– Вот и сейчас. Всех тут имеют вдоль и поперёк, а ей параллельно.

– Корнелюк грозит закрыть ресторан, – взволнованно поддакивает Лиза.

– Я тебя умоляю! Папочка, как всегда, всё решит.

– Будем надеяться. Не хотелось бы потерять сейчас работу.

– А вообще я поражаюсь, Лиз! Нет, ну на всём готовом! И то, ума ресторану дать не может! – возмущается бухгалтерша. – Да она ж не шарит в этом бизнесе совсем.

– Быстрее бы уже наигралась в руководителя и свалила.

– Да может и к лучшему, что она тупая как пробка, – смеётся Света. – При Марго вообще тюрьма была.

– Зато ты вспомни, как её тут уважали.

– Это да, и ресторан процветал. А сейчас что? Днище одним словом. Похерила внучка бизнес бабули по полной.

Так, ну всё, с меня достаточно.

Стиснув зубы, направляюсь к себе. Громко хлопаю дверью, оповещая о том, что Стерлядь на рабочем месте. Присаживаюсь в кресло, достаю из сумки таблетку от головной боли и наливаю в стакан воду из графина.

Аж руки трясутся, ей богу.

Внутри всё клокочет от гнева. Я конечно подозревала, что за спиной меня явно не добрым словом вспоминают, но чтоб настолько ненавидеть...

По-хорошему, уволить бы их обоих прямо в эту секунду, да просто не хочется выглядеть маленькой, обиженной девочкой. Стоит, пожалуй, забить на гордость и проанализировать услышанное.

– Арина Викторовна, – в кабинет без стука врывается Дима. – Ну это полный кошмар. Корнелюк взялся за нас по полной. Угрожает штрафами, а там такие суммы, что ого-го!

– Вот и замечательно, разделим всё поровну на коллектив, – мрачно отзываюсь я.

– Так мы что, мы...

– Выйди Дима вон. Мне поговорить надо, – набирая отца, рявкаю я недовольно.

Беляев, в кратчайшие сроки оценив мой агрессивный настрой, тут же исчезает за дверью, а я неожиданно для себя самой сбрасываю вызов, вспоминая слова бухгалтерши Светы:

«Папочка, как всегда, всё решит».

Задело.

Сама попробую разобраться со своими проблемами. Одного понять не могу: откуда такое пристальное внимание к моему ресторану. Сперва появилась куча негативных отзывов в интернете, потом ни с того, ни с сего появился критик и вот, пожалуйста, Роспотребнадзор.

Странно, как мне кажется. Будем честны, на звезду Мишлен моё заведение не претендует. Да, в центре Москвы. Да, красивый, дорогой и пафосный ресторан. Но не могу сказать, что он входит в ТОП. Цены недешёвые, а вот качество блюд не всегда соответствующее. Это я и без критиков знаю. Обманываться не стоит, не было у меня интереса и желания заниматься рестораном.

Айфон начинает вибрировать и уползает к краю стола.

– Привет, Захар.

– Как дела? – беззаботный голос друга раздражает как никогда.

– Полная задница. Жаба из Роспотребнадзора прискакала.

– Какая-нибудь мерзкая бабища с немойтой головой?

– Нет, это особь мужского пола. Редкостная тварь, судя по всему.

– Сочувствую, – вполне искренне сопереживает Захар. – Но есть ведь и плюсы. Воспользуйся тем, что ты женщина. Кстати, брюнеткой ты мне нравишься больше. Огонь.

Похоже, уже успел заценить мою фотку в инстаграме.

– Горячая такая. Замутить с тобой, что ли? – льёт мне в уши сладкие речи, которые сейчас ну вообще ни к месту.

– Троицкий, ты, как всегда, в своём репертуаре. Я теперь невеста, не забыл?

– Ох, мать вашу, простите, госпожа Ахметова, – сарказм из него так и прёт. – Увезут тебя скоро в горы, наденут хи-

джаб и заставят торговать козьим сыром.

Я хохочу на весь кабинет, тотчас во всех красках представив себе эту картину. Умеет ведь внести нотку позитива, засранец.

– Планы на вечер в силе, дурила? – наконец, успокаиваюсь я.

– Ага.

– Отлично. Хочу напиться до беспамятства.

– Придётся однозначно.

Как-то меня настораживает эта его реплика.

– А что есть повод?

– Ещё какой.

– Захааар... – тяну выжидающе.

– При встрече, ладно, Ариш? – тут же начинает сворачивать разговор он.

– Ты хоть намекни, с чем это связано. Знаешь ведь, что я терпеть не могу сюрпризы.

– Не с чем, а с кем. Связано с тем парнем, которого ты сбила.

Перестаю покачиваться на стуле, и сердце в неприятном предчувствии пропускает удар.

– Я заеду за тобой в восемь, детка.

Он сбрасывает, не прощаясь, а я ещё с минуту слушаю короткие гудки.

Что-то подсказывает мне – ничего хорошего от этой нашей встречи не жди...

– Арина Викторовна, – на пороге кабинета снова появляется взмыленный Дима. – Там это, Корнелюк вас просит явиться.

– Сюда его приведи, пожалуйста, – устало потираю висок.
– И потом сделай так, чтобы нам никто не помешал.

Беляев кивает и спешит удалиться, а я, постукивая ногтями по лакированной поверхности дубового стола, напрягаю извилины.

Жабу из Роспотребнадзора надо как-то задобрить. Есть у меня мысли на этот счёт. Надеюсь, получится...

Глава 11 Арина

Ближе к вечеру персонал ресторана передвигается уже на полусогнутых, а мимо кабинета директора так и вовсе – тихо и не дыша. Потому что Стерлядь в моём лице, мягко говоря, не в духе. Разговор с инспектором Роспотребнадзора выходит не из приятных. Приходится по новой заслушать нескончаемый список претензий и замечаний, о которых жаба разглагольствует битый час. И чем дольше этот хрыч говорит, тем яснее я понимаю: отделаться конвертом не получится. Не возьмёт... И тех, кто натравил его на мой ресторан – не сдаст.

С откупом так и получается. Когда я устаю всячески намекать и задаю вопрос о необходимой сумме в лоб, Корнелюк лишь петушится ещё больше. А потом вообще начинает угрожать статьёй. Мол взятку ему предлагаю.

Конечно предлагаю, разве не так решаются подобные проблемы?

Поостывши, товарищ инспектор принимается снова промывать мне мозги. Сперва я просто слушаю, потом начинаю спорить, а после и вовсе решаю-таки выставить его за дверь, но внезапно передумываю. Причина – серия фотографий, обнаруженная мною на странице Корнелюка, изучать которую я стала от скуки.

В голове тут же зреет план. Глупый и странный, но я, сме-

нив гнев на милость, практически умоляю Генриха Виссарионовича дать нам возможность исправить все косяки и реабилитироваться в кратчайшие сроки.

Однако Жаба-Роспотребнадзор остаётся верен себе, по телефону бесстрастно отдаёт кому-то команду на выписку штрафов и торопится покинуть ресторан. Дескать итак исчерпал лимит отведённого на нас времени.

Бросает напоследок фразу о том, что явится утром, и практически умершая надежда воскресает внутри меня птицею Феникс.

В семь решаю приостановить приём заказов, проводить клиентов, коих итак было немного, и закрыть ресторан. Собираю летучку, на которой должны присутствовать все без исключения.

– Сегодня никто не уходит домой до тех пор, пока не будут отработаны замечания Корнелюка, – сообщаю я сотрудникам, собравшимся в зале.

На их лицах весьма красноречиво отражается всё, что они думают по этому поводу. Энтузиазмом там и не пахнет, но мне как-то плевать.

– Каждый из присутствующих получает зарплату за то, что исполняет свои должностные обязанности. И, как показала сегодняшняя проверка, с ними мы справляемся неважно. Или, может, со мной кто-то не согласен? – окидываю персонал недовольным взглядом.

– Арина Викторовна, ну может не стоит вот так всех под одну гребёнку, – набравшись смелости, заявляет Света.

Ты смотри-ка... На себя, видимо, намекает.

– Вы правы, Светлана Алексеевна, – киваю, соглашаясь. – У меня нет претензий только к одному работнику, – делаю паузу, – Татьяне.

Света, сперва воспринявшая похвалу на свой счёт, глядя на официантку, демонстративно кривит рот. Та робко произносит в ответ короткое «спасибо» и опускает голову.

– Татьяна, я прошу вас взять шевство над новенькими. Им не помешало бы у вас поучиться, – смотрю на двух девочек-официанток и понимаю, что даже не знаю их имён.

– У меня? – она растерянно хлопает своими глазищами. Будто я сказала нечто невероятное.

– Светлана Алексеевна, вы нашли те документы, которые просил Корнелюк? – обращаюсь я к бухгалтеру, стараясь заглушить в себе неприязнь.

Потому что в голове всё ещё звучит их с Лизой диалог.

– Не все...

– Очень плохо, что не все. Сегодня Роспотребнадзор, а завтра финансовая проверка может нагрянуть... Боюсь, даже суммарной зарплаты коллектива не хватит на то, чтобы покрыть все расходы.

– Да найду я эти документы, – цедит она сквозь зубы.

– Конечно найдёте, в противном случае, вы будете уволены, – информирую я ледяным тоном.

– Я в этом ресторане работала, ещё когда вы в школу ходили, – обиженно поджимает губы и вздёргивает вверх подбородок.

– Меня волнует не выслуга лет, а качество, – отвечаю я ей.

– Ну уж свою работу я выполняю, – продолжает спорить она.

– Согласна, выполняете. Вопрос в том, насколько хорошо, – мой голос по-прежнему остаётся ровным и безэмоциональным. – Отправляемся искать документы, Светлана Алексеевна, – даю понять, что наш с ней разговор окончен.

Одинцова резко поднимается со своего стула и, одёрнув узкую юбку-карандаш, ураганом уносится в сторону бухгалтерии.

– На кухне – полный бардак, Костя, – отчитываю я шеф-повара. – Неужели так сложно проставлять везде сроки годности и хранить чёртовы гребешки правильно?

– Арина Викторовна, да мы временно их со свиной положили, просто места не было, – беззаботно отмахивается он.

– Подселять продукты надо с умом, – язвит повар Лёша.

– Грэбэшок свиньэ нэ товарищ, – глубокомысленно заключает Самвэлл.

Костя хохочет. Другие повара тоже смеются, оценив шутку коллеги. Самвэлл довольно улыбается, но, перехватив мой отнюдь не весёлый взгляд, тут же сникает.

– Не устраивайте клоунаду. Идите лучше изучайте тонко-

сти товарного соседства, – смотрю на него строго. – И что с вытяжкой? Там реально уже чернь непроглядная, хоть трубочиста вызывай! – вспоминая недопустимую грязь, спрашиваю я.

– Почистим, – обещает горе-шеф.

Почистят они...

– Дальше... То, что происходит здесь в зале, как я поняла, не контролируется никем. И спрашивается, за что я плачу деньги администратору?

Лиза усердно разглядывает свой маникюр, делая вид, что речь сейчас не о ней.

– Официанты еле ползают, заказы принимают медленно, меню не знают. Да, Борь?

– Выучу, – бормочет он себе под нос.

– Ты полгода здесь работаешь. Давно пора! А в баре у нас угощают исключительно льдом, да? – поворачиваюсь к бармену, беспечно покручивающему пальцами стакан.

– Так мы это... всегда так делаем... – пожимает плечами он. – В целях экономии разбавляем с вашего одобрения.

Мои брови от удивления медленно ползут вверх. Повар Костя покашливает в кулак, а бармен под красноречивым взглядом Лизы стремительно заливается краской.

– А вы не знали, да? – виновато мямлит он. Понял, наконец, дурак недалёкий, что сморозил глупость.

И тем не менее, этот самый дурак, на пару с администратором, довольно успешно тебя разводит, Арин.

– Я так понимаю, рыба гниёт с головы, – замечаю сухо, отмечая про себя точность данного высказывания.

И не только я, пожалуй. Подозреваю, что моё рыбье прозвище хорошо знакомо всем сотрудникам нашего заведения. Во всяком случае, они многозначительно переглядываются, а кое-кто и вовсе посмеивается, едва прикрывая рот ладонью.

– Дим, извини, но...

– Арина Викторовна, не увольняйте, пожалуйста, прошу, – перебивает меня он, даже не давая закончить предложение.

– С завтрашнего дня у тебя испытательный срок. Не приведёшь в чувство коллектив, буду вынуждена с тобой попрощаться. Ещё раз повторюсь: сегодня никто не уходит из ресторана до тех пор, пока не будут устранены все замечания, – напоминаю я, сбрасывая входящий от Захара.

Приехал, похоже.

– Всё исправим, – с готовностью отвечает Дима.

– Не надо обещаний, принимайтесь за дело.

Беляев кивает и начинает разгонять работников.

– Оставляю сейчас ресторан под твою ответственность. Корнелюк явится утром, и я очень не хочу, чтобы сегодняшняя ситуация повторилась.

– Арин, – окликает меня, когда я уже собираюсь уходить. Переминается с ноги на ногу, нервничает. – Спасибо... за доверие.

Молча направляюсь к выходу. Кислые мины и скептические улыбочки подчинённых до сих пор стоят перед глазами.

Странно, что прежде я не обращала внимания на откровенное отсутствие уважения с их стороны.

Сама виновата. Распустила коллектив донельзя. Что хотят, то и делают. Ведь, признаться, делами ресторана весь этот год я занималась, что называется, спустя рукава. По факту только сейчас понимаю: посетителей реально стало меньше, да и выручка значительно снизилась. Явно всё идёт не так, как надо.

Думаю о Марго, матери моего отца. Вспоминаю с каким лицом она уступала мне свой кабинет. Госпожа Барских была уязвлена и оскорблена. Но ведь ни слова тогда не сказала. Прищурившись, прошлась по мне оценивающим взглядом, ухмыльнулась и гордо покинула ресторан, долгие годы именуемый её детищем. Даже ни с кем не попрощалась...

Если честно, тогда я вздохнула с облегчением. Терпела язвительные комментарии почти два месяца, работая под её руководством, и, как бы ни старалась, похвалы от неё не услышала ни разу. Более того, Марго, не стесняясь в выражениях, называла меня бездарщиной и всё время твердила о том, что в ресторанном бизнесе мне не место.

Тупой я себя никогда не считала, не даром ведь окончила МГУ с красным дипломом. (И это, кстати была исключительно моя заслуга. Я действительно училась, никто мне его не покупал). В общем, с каждым днём я злилась всё больше, и как-то так незаметно подвела отца к чистой воды авантюре. Упросила пересадить бабулю в другой ресторан. И он, бу-

дучи в прекрасном расположении духа, неожиданно согласился.

В шоке была не только сама Марго, но и весь персонал. Потому что как же так: молодую и неопытную да в кресло директора.

Мне же на тот момент было фиолетово. Казалось, что нет в управлении рестораном ничего сложного.

Да что там, мне до сегодняшнего думалось, что я неплохо справляюсь. А оно вон как оказывается... Ресторан медленно, но верно идёт ко дну, а коллектив ни в грош не ставит.

– Ну и настроение, Барских, – тянет Захар, глядя на меня с усмешкой.

– Да пошло оно всё! – в сердцах бросаю я, выключая телефон.

– Понятно, – хмыкает он.

– Сегодня без шлема, что ли, можно? – не веряще спрашиваю я.

– Жарко, – щурится от лучей вечернего солнца, наблюдая за тем, как я перекидываю сумку через плечо. – Но для тебя шлем есть.

– Давай без него, а?

– Ладно, ехать в принципе недалеко.

Ну прямо удивительно. Обычно разговор на эту тему короткий: «пассажир всегда в шлеме». А тут...

– Духота такая... К дождю, наверное, – рассуждаю я вслух.

– Что и даже тошнить сегодня не будешь на тему моего неугодного автотранспорта? – поворачивается ко мне и вопросительно вскидывает бровь.

– Мне сейчас вот вообще всё равно, – признаюсь я честно.

– Так может тогда за руль, м? – соблазняет меня он. – Давно ведь не ездила.

– Не сегодня, – сомневаюсь всего секунду, разглядывая блестящую Ямаху. – Поехали.

Усаживаюсь поудобнее и обнимаю его за пояс.

– Ну помчали...

Мотор ревёт, и мы несёмся навстречу ветру. Не уверена, но кажется, за поворотом взгляд цепляет знакомый автомобиль. Автомобиль Игната.

Не припоминаю, чтобы мы договаривались о встрече. Может, конечно, просто мимо проезжал...

Кстати в тот вечер после прогулки на теплоходе мы всё же отправились к нему. И в целом, даже хорошо провели время. Только вот наутро Игнат завёл странный разговор. Сперва предложил остаться в его квартире на выходные (притом, что я предупреждала его о своих планах, с ним никак не связанных), а потом и вовсе озвучил мысль о моём переезде к нему.

В общем, утро добрым не осталось. Мы поскандалили, и я, естественно, уехала к себе.

– Я так понимаю, пить со мной ты не будешь? – спраши-

ваю, когда мы занимаем излюбленный столик в клубе «Баркарди».

– А я тебе на что? – слышу за спиной голос Корецкой.

Пришла всё-таки. Оно и не удивительно. Где Захар, там и Рената. Он, кстати, судя по выражению лица, не особо обрадовался её появлению.

– Привет, дорогая, – целует меня в щёку. – Шикарно выглядишь.

– Спасибо.

– Ну? Уже начал? – кивает в сторону нахмурившего брови Троицкого. – Ой да расслабься, малыш, я не буду в это лезть.

– Лезть во что? – ни черта не понимаю я.

– Щас начнёт ковырять твою совесть, – подмигивает мне она.

Я выжидающе смотрю на Захара.

– Умеешь ты ненавязчиво подвести к теме разговора, – цедит он, осуждающе глядя на Ренату.

– Ну а что тянуть, да и я – не ты, прелюдий мастер, – улыбается она, искусно поигрывая бровями.

– Дура...

– Так о чём речь? – спешу вмешаться.

Весь вечер слушать их препирательства нет никакого желания.

Официантка приносит шоты, которые я заказала несколькими минутами ранее.

– Я хотел поговорить насчёт Громова, – поворачивается

ко мне Захар.

Ставит локти на стол и внимательно отслеживает мою реакцию.

– Статья вышла в одной газетёнке, – нетерпеливо выдаёт Корецкая, и мне одним моментом становится нехорошо...

Глава 12 Арина

Сердце падает куда-то вниз, я в смятении смотрю на друзей.

– Да не дрейфь, Ариш, твоя фамилия там не фигурирует, – заметив тень испуга и ужаса, застывшую на моём лице, сообщает Рената.

Я шумно выдыхаю. Как и прежде, меньше всего на свете, я хочу, чтобы детали того ДТП были преданы огласке. Не из-за собственной шкуры, нет. Я переживаю за репутацию отца.

– Я случайно на неё наткнулся, – Захар кладёт на стол глянцевою газету и пододвигает её ко мне.

Нехотя подсвечиваю экраном статью.

«Громов. Попал не на олимпиаду, а в ДТП»

«Не так давно на улице Академика Скрябина снова сбили пешехода. Им оказался пловец сборной России, двукратный призёр чемпионата мира, двадцатилетний Максим Громов.

Как нам стало известно, ДТП произошло ночью, около месяца тому назад. О случившемся сообщил тренер Громова. Рассказать правду о спортсмене пришлось после того, как выяснилось: Громов не сможет поехать на олимпиаду по состоянию здоровья. Как пояснил в кратком интервью Никита Сергеевич Краськов, Максим получил серьёзные травмы и чудом остался в живых.

На сегодняшний день о состоянии спортсмена мало что известно. Громова выписали из больницы, но он отказывается встречаться с журналистами и не даёт интервью.

В ленте одной из социальных сетей удалось найти ветку о том ДТП. Однако и там большинство сообщений удалены. По какой причине – остаётся лишь догадываться. Как уверяют очевидцы, Громова сбил чёрный седан марки Мерседес, за рулём которого была девушка, находящаяся в состоянии алкогольного опьянения...

Читаю текст, но информацию улавливаю лишь отрывками.

– Я не пила тогда... – оправдываюсь тихо.

– Арин, забей, это ж паршивая жёлтая газетёнка! – успокаивает меня Рената.

— Оказывается, тот парень – профессиональный пловец, – задумчиво произносит Захар. – Ты знала? Борис или отец упоминали об этом?

– Я не спрашивала, говорила ведь уже, – отвечаю раздражённо.

– Да не факт, что это он вообще! – снова вклинивается Рената.

– Да ну конечно! Слишком до хрена совпадений. Дата, улица, марка авто и его фамилия.

Я молча смотрю на фотографию.

Он. Точно он. Только без бороды.

Я всё никак не могла вспомнить тот роковой момент... и

его лицо. Но сейчас... каким-то шестым чувством ощущаю, что это и есть тот самый парень. Парень, которого я сбила.

— А он очень даже хорош собой... — замечает Рената, разглядывая изображение пловца.

— Кто о чём, — устало вздыхает Троицкий.

На снимке Громов демонстрирует медаль и улыбается.

— Арин... — осторожно зовёт меня Захар. — Как думаешь, это всё-таки он?

— Он, — киваю и подношу к губам стакан.

— Ну и к чему ей эти подробности? Вот ты не мог смолчать про эту газетёнку, да? — начинает нападать на Троицкого подруга.

— Я посчитал нужным сказать ей, ясно? — тут же в ответ вспыхивает он. — Она же сама мучается, не видишь?

— О, ты несомненно помог ей сейчас! В очередной раз напомнил о том, что из-за неё чуть не откинулся пешеход!

— Корецкая, да ты себя послушай... — морщится словно ему неприятно с ней разговаривать.

— Она бы уже забыла обо всём, если б не ты! — ругает Захара Рената. — Пилишь и пилишь её методично, день ото дня!

— Я хочу, чтобы она снова стала собой, понятно? Ты дальше своих утиных губ ничего не замечаешь, не? — орёт на неё он.

Так, ладно, с меня достаточно.

Опрокидываю в себя ещё один шот и встаю.

— Ты куда? — хмурится Захар.

– Домой, голова болит весь вечер, – бросаю на стол купюры и забираю сумку.

– Арин, давай я отвезу тебя, – поднимается следом, но я останавливаю его, касаясь рукой плеча.

– Не надо, Захар, спасибо. Я хочу прогуляться. Одна.

Он хочет сказать что-то ещё, но я прощаюсь с ними и уверенно направляюсь к выходу.

Хочется поскорее уйти из этого клуба, хотя именно здесь я и собиралась снять напряжение.

Хочется сбежать от своих друзей. Потому что я не готова выворачивать душу наизнанку. Даже в благодарность за то, что они беспокоятся обо мне.

Хочется спрятаться. Снова. Так и живу весь июнь. Сама себя жалею. Утешаю. Оправдываю. Уговариваю. И пытаюсь... Пытаюсь вычеркнуть тот страшный день из памяти. Ведь парень жив, и это главное. Наверное...

Вспышка молнии разрезает почерневшее небо. Раскаты грома вынуждают прибавить шаг. Каблуки спешно стучат по новенькой плитке, которой касаются первые крупные капли дождя. Ветер подхватывает мои волосы, и вскоре начинается самый настоящий ливень. Хлещет по лицу, пробирается за шиворот, и дрожь вполне теперь можно списать на холод.

Такси удаётся поймать не сразу. В салон потрёпанного жизнью Рено я запрыгиваю уже мокрая до нитки. Называю адрес и снова отдаюсь мрачным мыслям на растерзание. И все они конечно связаны со статьёй, текст которой намертво

отпечатался в моей памяти.

Квартира встречает меня оглушительной тишиной. Скидываю насквозь мокрые туфли и, не зажигая ламп, плетусь на кухню. Достаяю с полки бутылку дорогого виски и стакан.

Так и спиться недолго... В который раз пытаюсь утопить совесть в алкоголе. Да вот только помогает едва ли.

Иду на балкон, по пути захватив из ванной комнаты большое махровое полотенце. Накидываю его себе на плечи, достаю из пачки сигарету и щёлкаю зажигалкой.

Может, поможет психотерапевт, к которому я записана на завтра? В конце концов, пусть выпишет мне какие-то препараты! Я хочу нормально спать, есть. Жить нормально хочу! Как раньше!

Включаю телефон. Яблоко горит целую вечность. Затыкаюсь и устало потираю глаза. Уведомления начинают сыпаться одно за другим. Игнорируя пропущенные вызовы и сообщения, захожу в браузер. Сама не знаю зачем, забиваю в строке поиска «Громов Максим пловец 26 лет».

Листаю фотографии, читаю краткие заметки. Публичной жизнь обычного российского спортсмена не назовёшь. Занимается плаванием с семи лет. Отучился на факультете экономики. Не женат, детей нет.

Смотрю интервью двухлетней давности, которое Громов давал для спортивного канала.

Не многословен. Говорить о своих достижениях не любит. Скромный, но явно знает себе цену, хоть и не вполне доволен

результатами.

Взгляд – прямой, решительный, волевой. И когда он обсуждает с журналистом своё потенциальное участие в олимпиаде, в нём так и читается стремление к абсолютной победе, ведь глаза загораются каким-то совсем диким, лихорадочным блеском.

И это меня окончательно добивает.

Ведь похоже, искренне того не желая, я превратила чужие мечты в пыль...

Глава 13 Арина

Сижу и второй час кряду тупо пялюсь в отчёт. Стол завален бумагами, но я, как человек совершенно не математического склада ума, мало что во всём этом понимаю. Понимаю только одно: суммы не сходятся там, где должны.

Стук в дверь отвлекает меня от надоевших таблиц.

– Войдите.

– Арина Викторовна, – в кабинет заглядывает взволнованная Лиза. – Там это...

Глаза у неё, надо сказать, по пять рублей.

– Ну что такое? – уже начинаю на автомате переживать и я.

– Выдру привезли! – пищит она громко.

– Ах это... – отмахиваюсь я. – Напугала меня своим видом. Пусть несут сюда, – командую, откладывая в сторону бумаги.

– Ага, хорошо, – кивает она, явно не понимая, что происходит.

Чёрт, совсем забыла про эту выдру!

Да я вообще сегодня какая-то в край рассеянная. Наверное, потому что опять глаз не сомкнула. Не шёл сон и всё... Смотреть в потолок ночь напролёт уже стало нездоровой традицией.

Разозлившись, поехала ранним утром в ресторан. Прове-

ритель, как подчинённые устранили замечания Роспотребнадзора. Прошарила всё от и до, и тут же позвонила техничке и поварам для того, чтобы вызвать их на работу. Потому что вытяжку мужики так и не почистили. Не успели, видите ли.

Костя начал выкручиваться и сочинять на ходу, якобы утром они итак собирались это сделать. Ну-ну... Так и поверила.

В остальном ребята и Дима вроде не подвели. Такого порядка ресторан, признаться, не видел уже давно.

– Здравствуйте, Арина! – здоровается со мной мужеподобная тётка, одетая в безразмерный чёрный балахон. – Я – Светлана, заводчик, мы с вами общались по телефону.

– Доброе утро, – отвечаю я, поднимаясь. – Так и поняла. Проходите.

– Уж не здесь ли вы собираетесь держать моего Мотю? – в ужасе спрашивает она.

– Мотю? – мои брови медленно ползут вверх. – У него уже и имя есть?

– Придумаете своё, если пожелаете, – недовольно отвечает она. – Вот оно ваше чудо.

Женщина с гордостью демонстрирует мне зверька. Я смотрю на маленького представителя семейства куньих и озадаченно закусываю губу.

Корнелюк точно вальтанутый на всю голову.

– Я так понимаю, познаний о выдрах у вас ноль, – делает очень правильные выводы эта мадам. Наверное, на мо-

ём лице застыло то ещё выражение. – Вы вообще в курсе, что этим удивительным созданиям необходимы определённые условия? Это вам не игрушка какая-нибудь!

– Да всё есть, – спешу остановить её пламенную речь. – Бассейн, жилая зона и прочие примочки. Человек, которому я хочу сделать подарок, разбирается в тонкостях содержания этих... питомцев.

– Он как, адекватный? – недоверчиво прищуривается она.

– Вполне себе да.

Но с этим я бы поспорила.

– У него как раз самец погиб недавно. Осталась девочка, – поясняю я, вспоминая пост Корнелюка под фотографией. – Тоскует теперь.

– Да, они друг к другу привязываются. Что ж, тогда торжественно вручаю, – деловито передаёт мне странное, гладкое нечто. – А сейчас я бы хотела получить свои деньги и уйти. Тороплюсь. Дела, знаете ли...

– Конечно, вон там на столе вся сумма, – сообщаю я, с опаской скосив глаза на не в меру любопытную выдру.

– Прекрасно. Удачи и всех благ! Надеюсь, Мотя попадёт в надёжные руки, – качает головой она, глядя на то, как я пытаюсь справиться с вертлявым зверьком.

– Спасибо. До свидания.

Она скрывается за дверью, а я боязливо наблюдаю за тем, как это усатое чудовище пытается отгрызть мне пальцы. Хочется трусливо пискнуть: «Светлана, пожалуйста, верни-

тесь!», но я вовремя себя останавливаю.

*Что я с выдрой не справлюсь, что ли? Тем более, Корне-
люк должен уже скоро явиться.*

Животина задирает голову, и с интересом разглядывает меня своими маленькими, кругленькими глазками. Мы изучаем друг друга несколько секунд. Я в шоке от выдры, выдра в шоке от меня.

– Есть хочешь, что ли? – предполагаю я. – Сейчас Костю попросим организовать тебе завтрак.

Выдра издаёт какой-то странный звук и снова принимает-
ся играть с моими пальцами.

Жесть. И кого только люди дома не держат!

Частная клиника в центре Москвы оказывается весьма любопытным местечком. Посетители – те ещё персонажи. Выражение «с пулей в голове» как нельзя лучше характеризует присутствующих.

Чего только стоит худощавый мужик в очках, с лицом ма-
ленька складывающий носовой платок таким образом, чтобы
все его края идеально совпадали. Я наблюдаю за его третьей
попыткой, подозревая, что четвёртой всё же не миновать...

Из кабинета Левашова выходит пожилая дама. Эдакая
модная старушенция в красном платье и широкополой шля-
пе. Сперва, прощаясь с врачом, она улыбается и хихикает
как девчонка, а после, уже когда идёт по коридору, вдруг на-
чинает разговаривать сама с собой. При этом, настроение её

меняется так резко, что становится жутковато.

Проходя мимо, она произносит фразу «мерзкое отродье». Её слова явно предназначаются не мне, и от этого не по себе ещё больше. Клянусь, вспомнила фильм про изгнание дьявола. Уж слишком напугал меня её злой голос и бесноватый взгляд.

– Привет, – заговорщицки подмигивает мне блондинка, сидящая напротив.

Она разглядывает меня с нескрываемым интересом уже минут десять, не меньше. Вопросительно вскидываю бровь.

И почему я вообще до сих пор в коридоре? Что это за приём по записи такой, когда ты вынужден сидеть в очереди и томиться в ожидании. Тоже мне супер клиника!

Девушка встаёт, и я замечаю ещё одну деталь: она, что называется, «глубоко беременна». Присаживается справа от меня и улыбается, обнажая нехилые такие зубы. Идеальные, почти как у меня. Да, стоматолог с ней поработал как надо, не поспоришь.

– Скажи, что мы выглядим вполне себе здоровыми на фоне этих, – почти шёпотом произносит она, легонько толкая меня плечом и кивая в сторону дёрганой женщины.

Та как-то неестественно заламывает руки, шмыгает носом и постоянно озирается по сторонам. Словно ждёт какой-то опасности.

Ну в принципе да.

– Ты очень красивая, – заявляет беременяшка. – Уверена,

мой муж непременно обратил бы на тебя внимание.

Смотрю на неё в недоумении.

Что за бред она несёт...

– Ева, – протягивает мне руку, и как на это реагировать не совсем понятно.

– Я не особо настроена на беседу, – отвечаю, игнорируя её жест.

Прямолинейность – одна из основных черт моего характера. Мне всегда проще сказать в лоб то, что я думаю, и такой расклад не всем по нраву, конечно.

– Да ясное дело... – кивает, опуская ладонь.

Неловко получилось, но мне всё равно.

– Я просто смотрела на тебя и никак не могла понять, что с тобой не так. Ну, в смысле, почему ты здесь. Стало любопытно.

Можно подумать, что расстройства психики всегда видны невооружённым глазом. Наивная такая... Если бы так было, люди не попадались бы на уловки маньяков.

Бросаю взгляд на часы и продолжаю молчать. Меня напрягает желание этой будущей мамашки завязать со мной непринуждённый разговор.

– Я вот подозреваю мужа в том, что он ходит налево, – тихо признаётся она. – Потому и пришла сюда.

Вскидываю на неё удивлённый взгляд. Слышать подобное от беременной женщины как-то... неожиданно.

– Конечно, жена ведь теперь похожа на бегемота! – недо-

вольно произносит она, потирая пузо. – Ни красоты, ни грации. Семьдесят килограмм жира, целлюлита и растяжек.

– Да брось, что за глупости...

Девушка, кстати, очень даже симпатичная на вид. Явно не из тех будущих мамаш, которые подзабывают на то, как они выглядят. Стройная, ухоженная, всё при ней: макияж, укладка, стильный сарафан от именитого бренда.

– Ну а что. Голый факт. А всё мать моя виновата! Капала на мозги ежедневно! Ева, пора рожать, ты перешла рубеж, тебе уже тридцать два, – по-детски кривляется она. – Точила меня на тему того, что молодого мужа надо как можно быстрее привязать к себе.

– Тридцать два? Я бы не дала тебе больше двадцати пяти, – абсолютно честно говорю я.

– Спасибо, приятно это слышать, но ощущаю я себя сейчас на все шестьдесят. Спина стала болеть просто адски. Настроение меняется со скоростью света: то смех, то слёзы. И вот знаешь, по итогу я одно поняла: беременность приносит радость паре лишь тогда, когда не становится неожиданно для мужика.

В принципе, я с ней согласна. Ошибочно думать, что можно удержать мужчину детьми. Если захочет уйти, всё равно уйдёт.

– А до того, как я забеременела знаешь, как Игорь относился ко мне? Любил страшно! Да практически боготворил! – её глаза светятся какой-то щемящей тоской.

– И что вдруг изменилось? Куда любовь-то делась?

Мне всегда смешно слушать про «большую любовь».

– Думаю, что я перестала быть для него привлекательной,

– уныло пожимает плечом.

– Чушь собачья.

– Вот и мать его мне тоже самое говорит. Мол у меня гормоны играют, и я выдумываю небылицы. Только я ж не дура... Аромат женских духов на мужской рубашке и пароль на телефоне просто так не появляются, верно?

– Верно, – вынуждена согласиться я.

– Так ведь муж ещё и врёт мне! Например вчера у него был выходной, но вдруг резко нарисовался повод уехать в офис. На весь день!

– Дай-ка угадаю, ты конечно же решила устроить проверку, – предполагаю я.

– Естественно. И на работе, как понимаешь, моего Игорька не оказалось, – грустно усмехается она.

– И когда он вернулся домой, ты закатила ему скандал...

– Ага, стандартный такой сценарий, – качает она головой.

– Я накинулась на него с порога и в открытую заявила, что ездила на работу. Все свои догадки про любовницу озвучила, а он только рассмеялся мне в лицо. Дура сказал, заняться тебе нечем.

– Ожидаемо.

– А мне и правда заняться нечем! Раньше я с головой была погружена в работу. Знаешь, это прозвучит странно, но

расчёты и цифры – моя слабость. Сутками напролёт могла с ними «развлекаться». А как забеременела так всё. Отец меня сразу со счетов списал. Принудительно отправил в декретный отпуск и велел думать только о своём здоровье и ребёнке. А меня ж тошнит уже от правильной пищи, всех этих врачей, обследований, умных книжек и телепередач для будущих матерей. Чувствую, что лёжа на диване не только увеличиваюсь в размерах и превращаюсь в колобка, но и необратимо отупеваю, веришь?

– Ты бы развеялась как-то... Подруги, шопинг, какие-нибудь курсы, – советую я.

– Подруги... Я и не заметила, как все они куда-то делись. Игорю они не нравились, понимаешь?

Надо же, какая знакомая ситуация...

– Шопинг – фыркает она. – Да ты посмотри на меня, кашалотину! Я обувь с трудом могу нацепить, ступни разнесло так, словно меня стая пчёл покусала! Как в таком состоянии скакать по примерочным?

– Может, стоит сменить картинку? Поехать куда-нибудь.

– Путешественник из меня так себе, – рассуждает вслух она. – В данный момент я познаю все прелести позднего токсикоза. То ещё удовольствие!

Бедняга.

– Курсы, – хихикает она. – Записалась я тут недавно на мастер-класс «Рай для мужчины». Когда поняла, куда попала, от стыда захотелось спрятаться под стол. Ну, думаю, ладно,

зря пришла что ль, послушаю. Долго не выдержала. Смотрела на то, с какими сосредоточенными, дебильными лицами собравшиеся там бабы отработывали свои умения на «тренажёрах» и без устали хохотала. Остановиться не могла, клянусь, думала прямо там и рожу! Выгнали меня оттуда короце.

Потешная она.

– Ты знаешь, а может Игорь устал от моих закидонов, м? В прошлую субботу опять уговорила его поехать в гипермаркет «Окей». Знаешь, зачем? Постоянно стою около отдела новеньких колёс и делаю вид, что выбираю. Тащусь от запаха покрышек. Игорь когда в очередной раз там нашёл меня, покрутил пальцем у виска.

– Всегда думала, что причуды беременных – это лишь больная фантазия беременных.

– Нет! Недавно поздним вечером мне страсть как захотелось персиков. Ныла, ныла, он в итоге пошёл в магазин. Принёс. Я попросила их побрить.

– Чего? – смеюсь уже и я. – Персики побрить?

– Ну да, а то они щекотные такие, – серьёзно заявляет она.

Щекотные! Мама дорогая!

Дверь открывается и оттуда выходит тот самый мужик с платочками.

– Барских, – информирует сотрудница клиники, показавшаяся в коридоре.

– Мне нужно идти, – поднимаюсь с мягкого диванчика.

– Конечно. Спасибо, что выслушала моё нытьё, – виновато улыбается она. – Накипело...

Я понимающе киваю и уже направляюсь к двери, когда в голове рождается идиотская мысль.

– Послушай, Ева, – возвращаюсь к девушке, поглаживающей внушительный живот. – А как насчёт того, чтобы поразвлечься с цифрами, раз уж тебе без них так скучно живётся?

– То есть? – в её глазах вспыхивает неподдельный интерес.

– У меня ресторан. Хочу проверить своего бухгалтера, но ни черта в этом не понимаю, – откровенно признаюсь я. – Справишься?

– Пфф, – отмахивается она. – Разумеется! Газпром мно-
гому меня научил.

– Ну и отлично. По графику и срокам я тебя вообще не ограничиваю, – достаю визитку и протягиваю её девчонке.

Та вполне искренне радуется и широко улыбается.

– Буду счастлива помочь... Арина, – читает моё имя на пластиковой карточке.

– Вот и славно, позвони, когда будешь готова приехать в «Версаль».

– Да хоть завтра!

Её нездоровый энтузиазм немного пугает. Всё-таки да, беременные немного с прибабахом.

– Лучше в понедельник, на выходных меня не будет в городе.

– Договорились, – прячет визитку в сумочку и улыбается

так, будто получила от меня билет до Майами.

Глава 14 Арина

После сеанса с Левашовым я чувствую себя ещё хуже. Ничем не помог мне этот чудесный доктор. Я-то думала, что посещение психотерапевта решит мои проблемы, а оказалось всё с точностью да наоборот.

Левашов без особого энтузиазма задавал донельзя банальные вопросы и сверлил меня тяжёлым взглядом. Честно говоря, к задушевной беседе атмосфера не располагала совсем, и открываться ему у меня не было никакого желания. Может, поэтому всё как-то не задалось с самого начала. Не получилось у меня довериться постороннему человеку, пусть и врачу...

Уже пятнадцать минут спустя я устала от этой бесполезной беседы и заявила напрямую: обсуждать ДТП я не могу. Попросила его выписать мне какие-нибудь таблетки, потому что не могу спать и совсем потеряла аппетит.

Левашов в ответ лишь покачал головой и усмехнулся. Сказал, что мне стоит прийти к нему ещё раз. Когда буду готова к откровенному разговору. Таблетки он мне не выписал. Зато порекомендовал принимать травяные сборы.

Сборы!

Когда я возмутилась и начала обвинять его в том, что не получила никакой помощи, он снова начал улыбаться. Смотрел на меня так, как смотрят на глупых, несмышлёных детей.

«Ариночка, мне очень жаль, но, судя по всему, помочь себе на данном этапе можете только вы сами».

Супер. Ну уж нет. Второй раз сюда я точно не пойду. Пустая трата времени!

Ближе к вечеру я забираю Захара у его дома.

– Как дела, Ариш? – осторожно интересуется он. После нашего разговора в клубе, мы не пересекались.

– Нормально.

– А жаба из Роспотребнадзора не душит?

– Нет. Страйк, – довольно улыбаюсь я. – Подаренная мною выдра умилила его до глубины души. Ты не представляешь, что с ним творилось. Этот старикан разрыдался в моём кабинете как ребёнок.

– Сработало.

– Да, но чего мне это стоило! Я чуть не рихнулась, когда осталась с этим придурковатым зверем наедине. Еле вытерпела его за те полчаса, в течение которых дожидалась Корнелюка. До чего ушлая скотина! Такого мне там наделал в кабинете, ни на секунду оставить нельзя!

– Так это ж дикое животное, конечно. Ещё и хищник. Я вообще против их содержания в качестве домашних питомцев. Бред.

– Я испсиховалась вся! Провода пожрал, вазу разбил, диван подрал, нагадил!

Захар хохочет.

– Вот поэтому я даже собаку заводить не хочу. Гемор один.

– Ну, в этом мы похожи, – улыбаюсь я и делаю музыку погромче.

Как и планировали, направляемся на дачу, но перед этим решаем заехать на кладбище.

Сперва заходим к моей матери. Оставляем цветы, стоим пару минут, глядя на безмолвный, чёрный памятник с изображением красивой, молодой женщины, и отправляемся на могилу Троицкого-старшего.

– Привет, па, — по обыкновению здоровается с отцом Захар.

Как по мне, говорить с теми, чьё тело под землёй – сущая глупость. Но Троицкий убеждён в том, что умершие нас слышат. На тему души и потустороннего мира он может рассуждать часами. И не дай бог это слышит Корецкая. Как зацепятся языками, не разнять... Недавно Рената заявила, что, если верить его теории относительно существования иного измерения, то тогда она, с вероятностью до ста процентов, достанет Троицкого в аду, в который все мы непременно попадём.

– Оградку надо покрасить, – озвучивает он свои мысли.

– Найми кого-нибудь. А хочешь, нашего рабочего Руслана сюда отправим?

– Нет, не хочу, я сам, – ожидаемо отказывается. – Хоть после его смерти сделаю что-нибудь полезное.

Поднимается ветер, и я, кутаясь в джинсовую куртку, наблюдаю за парнем, присевшим у могилы.

Виталий Троицкий умер от онкологии год назад. Для Захара, не общавшегося на тот момент с отцом, эта новость оказалась настоящим ударом.

– Видишь, Ариш, как бывает... И хотел бы что-то изменить, а не могу.

Касаюсь его плеча в знак поддержки. Встаёт, отступает на шаг и тяжело вздыхает.

– Знаешь, как тяжело на сердце... – опять начинает терзать себя он. – Как подумаю, что сам лишил себя последнего разговора с ним...

Стискивает зубы и дёргает головой.

– Ты же не знал...

– Я мог услышать его. Мог сказать ему что-то важное. Мы ведь так и не помирились, а я хотел... Готов был наплевать на свою глупую гордость!

– Захар, не надо, – обнимаю его и ласково утыкаюсь в шею.

– Я вёл себя с ним как последнее дерьмо.

– Он ведь тоже часто был не прав, – спорю с ним я.

– Да неважно, что бы он ни делал в прошлом, надо было ехать к нему, когда он заболел, – глухо отзывается Захар.

– Не накручивай себя.

– Я не был с ним рядом. Ни до операции, ни после. Все заботы переложил на мать. Которая, к слову, хоть и была в раз-

воде с Троицким, но всё же, в отличии от меня, нашла в себе силы на то, чтобы помочь ему. А я? Сидел как последняя мразь в Австралии. Думал, манипулирует как всегда. Даже не подозревал, что не выкарабкается...

В его голосе столько боли, что мне невольно становится не по себе. Я обнимаю его крепче и целую в щёку, слегка покрытую щетиной.

– Ты хотя бы знал его. Слабое утешение, но всё же. Свою мать я даже никогда не видела. Не имела возможности прикоснуться к ней, поговорить, узнать, какая она...

– Я теперь всю жизнь буду мучиться, Арин, – вдруг признаётся он. – И легче, знаешь, не становится. Ужасно понимать, что ты мог поступить иначе и не поступил... Проще ведь было спрятаться. Переложить ответственность. Сделать вид, что ситуация просто меня не касается.

– Захар...

Проще ведь было спрятаться. Переложить ответственность. Сделать вид, что ситуация просто меня не касается.

Отчего-то, совершенно неожиданно, его слова глубоко цепляют меня. Царапают острыми краями, забираются под кожу. Вынуждают провести параллель и задуматься о собственном малодушии.

Прокручиваю в голове последний месяц своей жизни и внезапно становится мучительно стыдно и невыносимо гадко... Никогда ещё не чувствовала подобного отвращения к

себе.

Стоя там, я и решила.

Решила, что обязательно разыщу Громова.

И найду в себе силы на то, чтобы извиниться.

Может, тогда меня наконец отпустит...

Глава 15 Арина

Не люблю я эти традиционные ежемесячные вечера. Одно дело проводить время вдвоём с отцом, и совсем другое – терпеть присутствие Кристины.

Их союз по сей день для меня словно чёртова кость в горле. До сих пор не понимаю, как это случилось. Просто в голове не укладывается. Кто бы мог подумать, что отец заинтересуется моей университетской подругой. Станет с ней встречаться, спать. Я не была готова к такому повороту. И уж точно не была готова к тому, что он на ней женится.

Самое отвратительное, что этой «чудесной» новостью меня ошарашили в тот же день, когда я узнала про их связь. А узнала я про их роман совершенно случайно. Увидела лучшую подругу и любимого папочку в ресторане. Мне хватило и секунды, чтобы всё понять.

На отца тошно было смотреть! Обнимал Кристину, прижимая к себе, широко улыбался, и то и дело нацеловывал её плечи и руки. Подруга, шестым чувством ощутив мой тяжёлый взгляд, повернула голову. Да так и опешила. А когда я направилась к их столу, начала лихорадочно отцеплять руки моего папаши от своего туловища.

Отцу это явно не понравилось. Однако выражение его лица изменилось, стоило ему увидеть меня. Он несколько растерялся, правда достаточно быстро взял себя в руки. Отодви-

нулся от своей спутницы, поднялся с кожаного дивана, расправил пиджак и, нахмурившись, стал ждать звездеца. Понял, что собираюсь высказать им всё то, что я о них думаю. Не откладывая. Без цензуры.

Скандал тогда я закатила знатный. Кристину схватила за патлы, цвета воронова крыла, и у всех на виду поволокла на улицу. Там же залепила ей звонкую пощёчину. Не могла поверить в то, что эти двое снюхались за моей спиной. А тот факт, что они надумали скрывать от меня свои отношения и вообще оскорбил до глубины души. На тот момент расценить это можно было лишь как двойное предательство.

Как сейчас помню... Отец закрыл собой уязвлённую Кристину, прижимающую ладонь к горящей щеке, и начал говорить такие вещи, от которых становилось дурно. А когда он заявил о серьёзности своих намерений, я вообще выпала в осадок. Тогда и поняла, что потеряла не только подругу, но и отца, судя по всему, в конец ополоумевшего к старости.

Позднее, конечно, пришлось наступить на жабры своей гордости. С ним я помирилась, а вот Кристину до сих пор не могу видеть в нашем загородном доме, несмотря на то, что со дня их свадьбы прошло уже два года.

– Дочка, рад тебя видеть, – крепко обнимает меня отец.

– Ну пап, – недовольно морщусь я. – Раздавишь.

Он целует меня в лоб и нехотя отпускает.

– Худючая стала. Опять на диете? – неодобрительно качает головой он.

– Нет.

– Проходи. Кристиночка как раз ужин приготовила.

Его слащаво приторное «Кристиночка», как обычно, режет слух.

– Сама, что ли? – фыркаю удивлённо.

Всегда считала, что Кристина и кухня –дохлый номер.

– Арин...

Этот его взгляд выражает немую просьбу. Снимаю туфли и тяжело вздыхаю.

– Вы завели кота? – растерянно смотрю на мяукающее животное, появившееся из ниоткуда.

– У матери Кристины началась аллергия, вот и забрали временно к себе.

– Больше некуда было пристроить? – интересуюсь я недовольно. – У тебя же у самого аллергия!

– Я пью препараты.

– Ты же терпеть котов не можешь! – продолжаю нападать на него я.

– Потерплю, – пожимает он плечом.

Потерплю...

Как же меня раздражает эта не присущая ему гибкость. Да, Виктор Барских на работе и Виктор Барских дома – это два разных человека, но не до такой же степени! Порой я просто его не узнаю.

– Как дела на работе? – приобнимает меня за плечи, когда мы идём в зал.

– Нормально.

О проблемах в ресторане я решаю ему не говорить. Удалось ведь всё решить своими силами.

– Точно всё в порядке?

– Я же сказала, да, – повторяю натянуто.

Странно, что он спросил ещё раз. Неужели кто-то из персонала ему постукивает?

– Хорошо, если так. Ты же знаешь, что я всегда готов помочь тебе.

– Сама справлюсь, спасибо.

– Это похвально, – кивает он, и губы едва заметно дёргаются в улыбке.

Заходим в зал. Тамошняя обстановка начинает нервировать моментально.

– Привет, Арин, – чересчур мило здоровается со мной Кристина, изображая при этом бурную деятельность.

Фартук нацепила. Строит из себя хозяйку. Как же бесит...

– Здравствуйте, Арина Викторовна, – улыбается мне Соня.

– Добрый вечер, Сонечка.

А вот нашу повариху я очень даже рада видеть. Этой женщине надо памятник при жизни поставить. Она стойко терпела мои капризы на протяжении пятнадцати лет. Баловала меня кулинарными изысками и всегда была добра по отношению ко мне. И да, только она умеет готовить

удивительно воздушную запеканку. Такой нигде не найти.

– Не устала? – отец обнимает Кристину и утыкается носом ей в шею. Та показушно зажмуривается от удовольствия.

– Отчего бы ей устать... – комментирую я громко, стреляя глазами в их сторону.

– Что ты, совсем нет, – качает головой она и проводит рукой по его волосам.

– Можно при мне не лобызаться? – не выдерживаю, когда дело доходит до поцелуя.

Вот прямо до рвотного рефлекса, клянусь.

Нехотя отлипают друг от друга.

– Всё готово, приглашаю к столу, – объявляет Кристина с тупой улыбкой на лице. – Сёмгу по-новому рецепту запекла. И Цезарь с креветками вроде удался.

– Ключевое слово вроде, – сажусь на своё излюбленное местечко.

– Арин, прекрати, – строго смотрит на меня отец.

Закатываю глаза.

Последующие полчаса проходят по традиции напряжённо. Кристина изо всех сил пытается выдержать мои колкие фразочки, но её улыбка неотвратимо гаснет всё больше.

Позвали – терпите.

Вяло ковыряю вилкой салат Цезарь и с трудом сдерживаю в себе очередной порыв съязвить. Потому что отец то и дело нахваливает кулинарные таланты его жёнушки.

– Ну всё, мне пора, – встаю из-за стола. – Мерси за госте-

приимство. Сонечка...

– Я уже завернула вам с собой запеканку.

– Ты чудо! – смотрю на неё с благодарностью.

– Ариш, ты ведь только приехала, – расстроено произносит отец, замечая, что еда в моей тарелке осталась практически нетронутой.

– Желудок заболел от ваших шедевров, хочу домой.

Кристина поджигает губы и вскакивает со стула. Успеваю заметить, что в её глазах стоят слёзы.

Манипуляторша. Вечно поет...

– Ну-ка давай выйдем на веранду, – зло цедит отец.

Пожимаю плечом и направляюсь к выходу. Уже готовая к тому, что он начнёт нудить, пытаюсь провести воспитательную работу.

Открываю сумку и достаю сигареты.

– Ты же бросила, – порицает отец, вставая рядом.

– Мне не пятнадцать, папа. Курить или нет – моё личное дело, – заявляю, щёлкая зажигалкой.

– Девушку эта пагубная привычка совсем не красит, – не может уговориться он.

– А не надо было дурной пример подавать, – отвечаю язвительно, демонстративно выдыхая дым.

– Это да, виноват... – признаёт он всё же. – Мне, кстати, нравится твой новый цвет волос. Почему вдруг решила сменить имидж?

– Захотелось перемен, – наигранно равнодушно жму пле-

чОМ.

На самом деле свой порыв я списываю на внутреннюю агонию. В тот момент, когда я, разбитая и измученная, посмотрела на себя в зеркало, всё, чего я захотела – это стать другим человеком. Забыть ту ночь. Начать с чистого листа. Но не помогло...

Самообман. Можно делать с собой что угодно, меняясь снаружи, но это никогда не изменит того, что у тебя внутри.

– Тебе идёт, ты и в детстве была такая же тёмненькая. В мать...

Да, помню. Мы вообще с ней внешне очень похожи. Марго в пылу гнева не раз называла меня Её именем...

Молча разглядываю мрачное, графитовое небо. Оно снова затянуто грузными тучами, за которыми спряталось предзакатное солнце.

Закрываю глаза и глубоко вдыхаю прохладный, вечерний воздух. Люблю этот запах, предвестник дождя. В сочетании с ароматом свежескошенной травы – вообще сказка.

– Долго ещё планируешь издеваться над Кристиной?

Ага, понеслось...

– Скажи спасибо, что я вообще научилась её терпеть, – парирую ядовито.

– Ты ведёшь себя отвратительно, Арина, – как и предполагала, родитель принимается меня отчитывать.

– Вот поэтому в следующий раз предлагаю встретиться на

нейтральной территории и провести время вдвоём.

– Так нельзя. Она – моя жена, – возражает упрямо.

– Надолго ли? – издевательски спрашиваю я.

– Вот так значит ты желаешь своему отцу счастья... – раскуривая свою трубку, продолжает испепелять меня взглядом.

– Желаю, но не с ней. Я всё жду, когда ты начнёшь думать головой, а не...

– Ты с отцом разговариваешь! – рявкает он, перебивая на полуслове.

От негодования аж брови сошлись на переносице.

– Двадцать шесть лет разницы – это перебор. Даже для тебя. Не кажется? – снова начинаю возмущаться, поднимая острую для обоих тему. – Ты, безусловно, мужчина видный, но, прости, в большую и чистую любовь с Её стороны я по-прежнему не верю.

– Хватит! – раздражается в ответ. – Довольно уже!

Ну всё как всегда...

– Верно говорят, седина в бороду, бес в ребро, – тихо напеваю себе под нос.

– Прекращай паясничать! Давно пора смириться с тем, что Кристиночка – часть нашей семьи.

Качаю головой и устало вздыхаю.

Не достучаться. Слепой идиот...

– Дурак ты, па! Оставит тебя «с носом» твоя Кристиночка. Ещё вспомнишь наш разговор.

– Всё сказала? – цедит сквозь зубы.

– Нет конечно, но ты же ведь всё равно слушать не станешь.

– Не лезь в наши отношения. Угомонись уже!

Я обиженно поджимаю губы и закрываю рот. Какое-то время мы молчим, слушая распаниковавшихся ни на шутку сверчков.

– Как там дела у того парня, которого... я сбила? – всё же решаюсь поинтересоваться я.

Тело тут же напрягается, а сердце в ожидании его ответа замедляет ход. Страшно услышать что-то плохое...

– Нормально всё. Домой выписали недели две назад. Почему ты вдруг спросила? – прищуривается, заподозрив что-то неладное.

– Да как-то беспокойно моей мерзкой душонке, – откровенно признаюсь, глядя на то, как дождь начинает барабанить по асфальту.

– Неприятный эпизод, конечно, но, к счастью, обошлось малой кровью. Оклемается. А ты – делай выводы и живи дальше.

– А если не получается, пап? – поворачиваю голову, и мы какое-то время смотрим друг другу в глаза.

– Получится, – уверяет он, дотрагиваясь ладонью до моей щеки. – И не такое со временем забывается... Тебе пора отвлечься от этой ситуации, а то, я смотрю, налицо самобичевание во всей красе.

– Я ведь виновата...

– Виновата конечно, – охотно соглашается он. – И похвально, что ты это осознаёшь.

Отворачиваюсь, едва сдерживая так не вовремя подступившие слёзы. Стряхиваю пепел, подношу к губам зажатую меж дрожащих пальцев сигарету и снова глубоко затягиваюсь.

– Переключись, дочка. У тебя свадьба осенью, займись приготовлениями, — советует, доставая оживший в кармане мобильник.

– Для этого есть свадебное агенство.

Потушив окурок, оставляю его в пепельнице.

– Жених твой приехал кстати. Ты бы телефон включила, что ли...

Смотрю на него удивлённо. И *что Ахметов тут делает?*

– Игнат позвонил мне в обед, – отвечает отец на мой немой вопрос. – Спрашивал, не собираешься ли ты сюда. Что у вас стряслось? Опять поругались?

Разлад в наших отношениях всегда вызывает у отца неподдельное беспокойство. Он обожает своего будущего зятя и считает, что лучшей партии мне не найти.

– Игнат не доволен тем, что я отказалась переехать к нему до свадьбы, – нарочно выдаю своего жениха с потрохами.

– Как по мне, очень правильное решение, – поддерживает меня отец. – Но ты же понимаешь, с чем связано это его желание поскорее привязать тебя к себе...

– Что это ещё за намёки? – мрачно отзываюсь я.

– Пора бы пересмотреть образ жизни и почистить круг своих знакомых.

– Почистить круг своих знакомых??? Да с чего бы! – искренне недоумеваю я.

– Вот взять хотя бы вчерашний день, Арин. Клуб, сомнительная компания, выключенный телефон.

Всё-то он про меня знает!

– И что? Я просто провела время со своими друзьями.

Но да, воскресенье вышло бурным. Ренате вон до сих пор нехорошо. Корецкая такое вчера учудила, будучи не совсем в адекватном состоянии. Полезла целовать Троицкого у всех на виду. Надо было видеть его вытянувшееся от удивления лицо...

– Я уже молчу про то, что ты домой так и не явилась, – продолжает по-стариковски ворчать отец.

– Взрослая девочка, могу себе позволить.

– Игнат сперва на дачу поехал, потом к тебе.

– После клуба я осталась у Троицкого. Не вижу в этом ничего криминального, – честно рассказываю ему я.

Да я сотню раз так делала.

Отец задумчиво почёсывает бровь и кивает.

– Телефон зачем выключать? Мы ведь волнуемся за тебя!

– Могу я хотя бы изредка исчезать из твоего поля зрения, пап? Ну в самом деле, мне двадцать пять!

С минуты он молчит. Будто раздумывает сказать мне что-

то или нет. И всё-таки в итоге выбирает первый вариант.

– Арин, ты знаешь, я тепло отношусь к вашей дружбе с Захаром, но всё-таки ты должна понимать, что Игнат – серьёзный, взрослый мужчина. Терпеть подобные выходки он не станет.

– Так пусть не терпит! – взрываюсь я.

Ненавижу, когда мне пытаются наступить на глотку, чтобы перекрыть кислород.

– Ты теперь в статусе невесты, так что, будь добра, расставь приоритеты, – настойчиво давит он.

Меня всё больше раздражает этот нелепый разговор.

– Я не собираюсь подстраиваться под его хотелки! – отрезаю ледяным тоном.

– А придётся, Арин, – слышу за спиной обманчиво спокойный голос Ахметова...

Глава 16 Арина

С лёгкостью достать адрес Громовых я могла бы через Бориса, нашего адвоката. Но обращаться к нему нет никакого желания. Он ведь тут же передаст всё отцу, и тогда, боюсь, мой боевой настрой сойдёт на нет. Потому что идея отправиться в гости к пострадавшему ему понравится вряд ли.

Поразмыслив, прошу помощи у одного своего знакомого. И вот уже утром следующего дня на телефон приходит заветное сообщение. Которое застаёт меня врасплох. Не думала, что нужная мне информация появится так быстро...

– У тебя всё в порядке? – слышу фоном обеспокоенный голос Евы, изъявившей желание выйти поработать с документами.

– Да.

Она кивает и возвращается к бумагам, а я ещё раз читаю смс.

– Здрасьте, а что, собственно, происходит в моём кабинете? – отвлекает меня от телефона ошарашенная Света, застывшая на пороге.

– Финансовая проверка, – невозмутимо объявляет Ева, пока я туплю. – И да, вы не дома, ничего ВАШЕГО в этом заведении нет.

Вот это да... Света от такого заявления аж покраснела вся.

– А предупредить о проверке вы разве не должны были?
– насупившись, недовольно интересуется бухгалтерша.

– Не должны были. Вы давайте, стульчик сюда несите. Включайтесь в работу. У меня есть вопросы, – командным тоном вещает блондинка.

Я в шоке смотрю на свою новую знакомую. Не подозревала, что эта странная, вечно хохочущая девчонка умеет вот так разговаривать. Неожиданно.

– Почему опаздываем? – решаю эмоционально добить и без того начавшую нервничать Свету.

– Я предупреждала на прошлой неделе, что задержусь, – выплёвывает она, исподлобья разглядывая Еву, с комфортом расположившуюся в её кресле.

– Что-то я такого не припомню.

– Неудивительно, у вас ведь столько дел! – язвит Света в ответ.

– Нет, у меня Вы не отпрашивались точно, – уверенно качаю головой. – Вычту эти два часа из вашей зарплаты, Светлана Алексеевна, – уже на выходе сообщаю я, и прямо спиной чувствую её гневно-ненавидящий взгляд.

Весь день я дёргаюсь. Персонал, ощущая мою нервозность, старается по возможности не попадаться мне на глаза. Все тихонечко и слаженно работают, что не может не радовать.

А вот я работать спокойно не могу. За что бы не бралась,

отвлечься не получается. Мысли всё время возвращаются к предстоящей встрече. Кружат точно стая ворон, мешая сосредоточиться.

И вот последние минут сорок я сижу амёбой в своём дорожном массажном кресле и думаю о том, когда именно стоит нанести визит Громовым.

Завтра? Послезавтра? Через неделю?

Тут и психолог не нужен, чтобы понять: я тупо отодвигаю этот день. Как нечто страшное и неизвестное.

Страшное? Всё самое страшное уже произошло, разве нет? Ты его сбила. И не захотела брать на себя ответственность за случившееся. Твою проблему решили, парень тоже идёт на поправку. Всё сложилось как нельзя лучше. Нужно просто навестить его и, наконец, успокоиться.

Повторяю последнюю фразу как мантру и около четырёх звоню Корецкой, решая не откладывать неизбежное на потом. Однако меня ждёт разочарование. Одолжить свой автомобиль Рената не может, ибо накануне ночью, опять же пребывая в приподнятом, хмельном настроении, она решила отправиться к Троицкому. Видите ли ей захотелось обнять его.

Обняла. Только не Захара, а столб на парковке. И пятидесяти метров не проехала. Спасибо, хоть сама не пострадала. Отделалась здоровенной шишкой, красующейся теперь у неё на лбу. О руль приложились неслабо.

Единорог блин.

Ехать с водителем я не хочу. Почти уверена, что Григорий

всё передаёт отцу. Поэтому остаётся только один вариант: такси. Заказываю машину к шести. К этому моменту успеваю успокоиться и получить доставку из соседнего гипермаркета. В большом экологически чистом бумажном пакете всё необходимое: соки, фрукты и другие полезности. Не идти ведь с пустыми руками, хоть я и с трудом представляю, как буду вручать этот пакет. Где гарантия, что содержимое не окажется у меня на голове...

Ненавижу ехать в машине на месте пассажира. Тем более сзади. Но садиться вперёд в такси нет никакого желания.

Диктую адрес и только когда водитель начинает строить маршрут до района Текстильщики, в полной мере осознаю, куда еду.

Удачное ли время я выбрала? Что говорить и как себя вести? Пустят ли меня на порог? И стоит ли вообще туда соваться? Ведь реакция пострадавшего и его семьи может быть какой угодно...

Вопросы безжалостно атакуют воспалённый мозг. Таксист пытается завязать непринуждённую беседу, а я вроде и слышу его, но не слушаю совершенно. Проигрываю в голове варианты событий и с каждой секундой, неминуемо приближающей меня к встрече с Громовым, нервничаю всё сильнее. Ладони предательски потеют, пульс учащается.

Как назло снова перед глазами проносятся детали той роковой ночи. Дорога, свет фонарей, телефон... Педаль тормоза в пол. Растерянный взгляд пешехода и момент удара. До

сих пор мороз по коже. Смотрела в боковое зеркало и думала лишь о том, что убила его...

Как Он отнесётся к моему визиту? Выставит вон? Или даст высказаться? А что, собственно, можно сказать в такой ситуации?

Пока стоим в пробке, я всерьёз раздумываю на тему того, чтобы бросить эту кажущуюся глупой затею и трусливо сменить маршрут. Но что-то меня останавливает. Наверное, я просто устала бороться с собой и собственной совестью. Заключить с ней пари так и не удалось, увы...

– Приехали, девушка, – слышу голос таксиста. – Вас ждать?

– Нет, – смотрю по сторонам.

Я и не заметила, как мы оказались в одном из дворов ЮВАО.

– Могу подождать, а то знаете ли, тут район не совсем благополучный. Особенно эта местность.

– Спасибо, но ждать не нужно, – открывая дверь, сухо повторяю я.

Сказала же «нет».

О жизни в Текстилях я наслышана. Бывшая одnogруппница Наташа Пенькова регулярно рассказывала нам истории про этот злачный, заурядный район. Район, известный бывшим заводом АЗЛК и заведениями из 90х. Помню её жалобы на коллапсы в метро и местный контингент, с которым не хочется иметь ничего общего.

А ещё Пенькова говорила, что Волгоградский проспект делит Текстильщики на две части: «светлую» и «тёмную». С её слов, «светлая» – это та сторона, где работал тот самый знаменитый автомобильный завод АЗЛК и жили приличные люди. А «тёмная» – простирается на противоположной стороне Волгоградки. Вроде как раньше там располагались заводские общежития и квартиры рабочего класса.

Сейчас, конечно, промзону пытаются облагородить. Новостройки, инфраструктура, но в целом, насколько знаю, недвижимость спросом здесь не пользуется. Есть на то причины.

Где конкретно нахожусь я – не совсем понимаю. Осматриваю местность. Унылые пятиэтажки. Серо, тускло, убого. Только так могу охарактеризовать то, что вижу.

Спрашиваю у гопоты, оккупировавшей детскую площадку, где находится нужный мне корпус дома. Судя по всему, таксист меня немного не довёз.

– Корпус «В» это там, налево. В арку иди, – машет рукой конопатый мальчишка лет шестнадцати.

Местная шпона разглядывает меня с плохо скрываемым интересом. Скажем прямо, я, как ворона, по привычке обвешанная золотом, в своём красном костюме от Версаче и лабутенах, смотрюсь здесь как-то... нелепо, что ли.

– А кто нужен-то? Мы тут всех знаем, – подаёт голос другой парень.

Лицо у него страшное, просто ужас! Прямо череп, обтя-

нутый кожей. Настолько пугающе он худой.

– Друга пришла навестить, – бросаю в ответ и направляюсь к вышеупомянутой арке.

– Так это, мож проводить? – басит конопатый мне вслед.

Иду молча, жалея, что не прихватила кого-то из охраны.

– Да ты у нас джентльмен, Конопатый, – издевательски пищит какая-то девица, и компания заливается противным, гаркающим смехом.

Я, сосредоточенная на ушлёпках, оставшихся позади, резко шарахаюсь в сторону, когда мне навстречу выруливает ещё один представитель здешней фауны. Какой-то чумазный и нетрезвый пропойца, едва стоящий на ногах.

– Оба-на, – заприметив меня, меняет траекторию движения. – Ты смори какая ца-ца! Ты откуда такая красивая тут взялась?

Ничего хорошего от подобных ему персонажей не жди. Поэтому я тут же лезу в сумку и на всякий случай нащупываю свою осу. Мало ли, что взбредёт в его захмелевшую голову.

– Как настроение, мадам? А может...

– Степаныч, ты опять вусмерть пьян? – доносится до меня недовольный голос какой-то старушенции.

Откуда она появилась не знаю, но, честно говоря, я искренне рада встретить здесь адекватного человека. Из-за угла показывается пара с коляской, и я разжимаю пальцы, вздыхая с облегчением.

Это всё Пенькова виновата! Вечно пугала нас душераздирающими, криминальными историями о своём районе!

– Подскажите, с этого конца первый подъезд? – оказавшись во внутреннем дворе, интересуюсь я, обращаясь к женщине, выгуливающей шпица.

– Нет, с той, – без особого энтузиазма отзывается она, даже не взглянув на меня.

Пропускаю выезжающую развалюху, водитель которой чуть не свернул шею, меня разглядывая, и иду в сторону нужного мне подъезда. На моё счастье дверь открыта нараспашку. Кто-то заботливо подложил снизу большой камень.

Стою, не решаясь зайти. Оттягиваю момент, ясное дело. Но верно говорят: перед смертью не надышишься.

– Чего встала как на показе монделей? – та самая бабуленция отодвигает меня в сторону своей морщинистой рукой.

Честное слово, будто обойти не могла! Терпеть не могу, когда ко мне прикасаются незнакомые люди.

– Ну, чего, заплутала, чё ль? – спрашивает, тяжело дыша. Ковыляет по ступенькам. Встаёт у входа, руки в боки.

– Нет, – недовольно поправляю пиджак.

– Ты из этих чё ль? – прищуривается и внимательно сканирует меня взглядом.

– Из кого из этих? – хмурю брови, вспоминая номер квартиры.

– Дормоедов телевизионных. Журналюг треклятых, – зло поясняет она.

– С чего вы взяли? – удивлённо моргаю ресницами.

– Повадились сюда всякие, нтв, хрен тв. Сенсацию им подавай! Нет бы у нас, пенсионеров интервью взять. Ух, я бы поведала им о своей сладкой жизни!

В этот же момент где-то совсем рядом об асфальт разбивается бутылка. Прилетела сверху. Очевидно кому-то тяжело дойти до мусорки.

Звездец, товарищи... Спасибо, что не по хребту.

– Колька! – орёт сиреной карга, напугав меня до смерти.
– Руки оторву скотине! Иди собирай стекло сейчас же!

– Пошла ты, Петровна, это не я! – слышится насмешливое в ответ.

– Ух, паразит! Весь двор загадил! Ой, а штаны-то подшить тебе надобно, девочка! Всю грязьцу ими собрала, – качает головой. – По асфальту шаровары твои мотыляются, это ж не дело! Я как бывшая швея тебе говорю.

– Так и должно быть, – закатываю глаза. – Дайте пройти.

Не могу уже держать тяжёлый пакет на весу. Пальцы затекли до боли.

Старуха, прихрамывая, отползает в сторону и молча сверлит меня взглядом. Захожу в обшарпанный подъезд и тут же морщу нос. Запах оставляет желать лучшего. Да и внешний вид дома изнутри ничем не краше того, что снаружи. Обшарпанная краска, надписи, окурки. Стараясь не придавать значения тому, что вижу и чувствую, поднимаюсь на второй этаж. Здесь-то и находится заветная табличка с циф-

рой 7.Моя любимая цифра, кстати.

Рука тянется к звонку, но в последний момент я её отдёргиваю.

Замираю. Сердце начинает стучать как бешеное, и волнение вдруг накатывает с такой силой, что я не могу ровно дышать. Жадно глотаю ртом затхлый воздух подъезда, но в горле ком, а грудь будто тисками сдавило.

Отхожу к перилам и пытаюсь взять себя в руки.

Не сбежать ведь в последний момент? Это так по-детски трусливо...

Просто позвони в эту дверь, Арин. И будь, что будет.

Мои мытарства прерывает всё та же докучливая пенсионерка.

– К Громовым, что ли? – интересуется она громко.

– Да.

– Ну точномышь телевизионная! – кивает головой она, будто соглашаясь со своими словами. – Вам лишь бы поехидствовать, а у парня горе вон!

– Говорю же нет! Не журналист я! – повышаю голос. – Навестить его пришла.

– Навестить... – она опять прищуривается. – А там че?

– Соки, фрукты, – отвечаю на автомате, и та, представьте себе, бесцеремонно заглядывает в пакет.

Как бы смешно не звучало, но эта старушенция немного приводит меня в чувство.

– Да что вы себе позволяете! – дёргаю бумажный пакет в

сторону, зло щёлкая зубами от негодования.

– Ладно... щас.

Она хромым шагом ползёт до двери Громовых и начинает со всей дури по ней тарабанить.

– Галка, открывай, это я Петровна, – орёт на весь дом как полоумная. – Гааааль!

Ненормальная...

Когда слышу, как проворачивается замок, судорожно сглатываю.

– Ну чего вы, Антонина Петровна, так кричите, Максим спит, – спешит утихомирить шумную соседку выглянувшая из-за двери женщина.

– Тут пришла к вам барышня, – кивает в мою сторону. – Стоит мнётся. Уверяет, что не журналюга.

Женщина открывает дверь чуть пошире и выходит на лестничную клетку.

– Вы кто? – глядит на меня устало, расправляя простой хлопковый халат.

Этот вопрос заставляет меня оцепенеть. Смотрю в лицо женщине, судя по всему, приходящейся Максиму матерью, и не знаю, что ответить. Будто язык к нёбу прирос.

– Девушка в шоке от местного контингента. Видала, Галь, глазища какие испуганные!

– Меня зовут Арина, – наконец, снова обретаю голос. – Хотела просто поговорить... Максима. Учились вместе в институте.

Как там? Ложь во благо? В моём случае просто способ попасть в эту квартиру.

– Мы тут собрали кое-что с одноклассниками, – приподнимаю вверх пухлый пакет. – Можно увидаться с ним?

Седовласая женщина растерянно топчется на месте.

– Даже не знаю, – произносит с сомнением. – Максим в последнее время не очень настроен на общение.

– Оно и надо думать, – вставляет свои пять копеек Антолина Петровна, качая головой.

– Да и спит он сейчас... Может, в другой раз придёте? – робко предлагает она.

Нет. Второй раз сюда я не приеду. Понимаю это совершенно точно.

– Я приехала с другого конца Москвы. Подожду здесь, пока он проснётся, – жму плечом, театрально при этом вздыхая. – Если вы не против.

Присесть бы ещё на ступеньки, чтобы надавить на жалость, но не хочется пачкать костюм. Краем глаза отслеживаю реакцию. Вижу, что женщине неудобно. Что-то подсказывает мне: она – человек простой, добродушный.

– Гал, ну че ты, в самом деле,пусти девчонку, пока её черти из двенадцатой не заприметили.

Прямо и не ожидала занять в лице этой ворчливой карги группу поддержки.

– Нет, здесь и правда не стоит вам сидеть. Идёмте на кухню, – говорит мать Максима, восторженно.

Я через силу улыбаюсь и на негнущихся ногах направляюсь в сторону квартиры. А когда дверь за моей спиной закрывается, понимаю – всё, обратного хода нет...

Глава 17 Арина

Я стою на пороге чужой квартиры и пытаюсь сообразить, как вести себя дальше. Попасть-то я сюда попала, но это же ведь пол беды. Самое страшное – однозначно впереди.

– Сейчас дам Вам тапочки, – мать Громова начинает суе-
титься.

Наклоняется и открывает тумбочку, на которой покоится красный стационарный телефон, коих я не видела, наверное, с детства.

– Спасибо, – благодарю я женщину, нехотя снимая лабу-
тены.

Мои брови ползут вверх. Соломенные топтуны с изображением подсолнухов изрядно меня веселят.

*Ну хоть новые. В сочетании с моим красным классиче-
ским костюмом – колхоз полный, конечно. Однако, сейчас со-
вершенно точно есть вещи поважнее, чем мой внешний вид.*

– Проходите на кухню, Арин, – тихо приглашает меня она.
Пока иду следом, не без интереса разглядываю квартиру. Маленькую, тесную. Это сразу бросается в глаза. Узкий ко-
ридор ведёт нас в такую же крошечную кухню, располагаю-
щуюся прямо напротив.

Да здесь ведь реально не развернуться!

Большую часть помещения занимает кухонный уголок и стол. Мебель вроде относительно новая, но явно дешёвень-

кая. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, подобрана со вкусом.

Рассматриваю нехитрый стандартный набор: холодильник, мойка, плита, кое-что из техники. На вешалке – махровые полотенца нежно-голубого цвета, кухонный инвентарь висит «ложечка к ложечке». Простая кипельно белая тюль колыхается от дуновения лёгкого ветерка, а на подоконнике всюю пышно цветёт «женское счастье».

Куда не глянь, повсюду царит идеальный порядок. Вон даже люстра сверкает так, словно её начистили прямо перед моим приходом.

В целом, на мой взгляд, здесь довольно светло и уютно. Но размеры откровенно поражают. Боюсь даже предположить квадратуру.

– У вас... очень мило, Галина... простите, не знаю вашего отчества, – решаю первой начать разговор.

– Галина Юрьевна. Спасибо, – улыбка трогает тонкие губы. – Максим не так давно закончил здесь ремонт. Я... очень долго мечтала о такой кухне.

Она заботливо протирает губкой и без того чистую плиту, а потом таким восхищённым взглядом окидывает эту комнатушку, что становится несколько не по себе.

Мне кажется, или её глаза подозрительно заблестели? Вот ведь каким мелочам умеют радоваться люди...

Очень кстати вспоминается моё нытьё на тему «недостаточно широкой гардеробной» в апартаментах Москва-Сити.

Место жительства моих шмоток раза в три больше, чем эта кухня.

– Ох, что ж это я! Ни кофе, ни чай Вам не предложила. Вот ведь горе-хозяйка! – причитает, доставая с полки причудливый пузатый сервиз с китайскими символами.

– Не стоит, благодарю.

– Ну уж нет, всё равно будем ждать, а за чашечкой имбирного чая время пролетит незаметно, – набирает воду в чайник и ставит его на плиту. – Ночью сын почти не спал, а тут укол поставили, так он и задремал. Вы присаживайтесь, Ариночка, не стойте на пороге.

Оставляю пакет справа от входа. Занимаю краешек дивана, ставлю сумку рядом с собой и складываю пальцы в замок. В спину будто кол осиновый вогнали. Потому что каждую минуту я со страхом ожидаю того самого момента, когда проснётся Громов.

– Вы бы на углу не сидели, – качает головой. – Дурная примета. Говорят, что девушке потом сложно выйти замуж.

– Глупости, – скептически улыбаюсь я. – В приметы я не верю, да и к тому же, у меня свадьба осенью. Так что мне это не грозит.

– Поздравляю, – колдуя у плиты, отзывается она. – Сейчас я вас угощу. Буквально только что приготовила яблочный пирог и ватрушки.

Собираюсь вежливо отказаться, сославшись на диету, но в нос внезапно ударяет чудесный запах свежей выпечки. И

этот аромат вынуждает меня закрыть рот. Есть я может и не стану, но отказать себе в том, чтобы порадовать обоняние, не могу.

– Так вы с Максимом вместе учились? – интересуется она, поднимая свистящий чайник.

Я несколько секунд соображаю, что к чему. Уже и забыла, какую чушь выдала, стоя там, на лестничной клетке.

– Как... он себя чувствует? – игнорируя её вопрос, спрашиваю я.

Разглядываю замысловато скрученные ватрушки, красующиеся на тарелке.

– Ох, – она ставит передо мной чашку с дымящимся имбирным чаем и присаживается на стул. – Да как, Ариночка...

В этот момент мне очень хочется услышать положительный ответ, который позволит вздохнуть свободно и избавиться от оков тяжкого чувства вины.

– Он сильно пострадал в результате ДТП? Идёт на поправку? – задаю вопросы пулемётной очередью.

Галина Юрьевна по-прежнему молчит, и я, глядя на её взволнованное лицо, начинаю нервничать всё больше.

– Сейчас с ним уже всё в порядке, верно? – и голос всё-таки предательски дрогнул.

Женщина тяжело вздыхает. Достает из кармана халата хлопковый носовой платок.

– Как вспомню ту ночь, – шмыгает носом, и её руки вдруг начинают трястись. – Чуть не умерла, когда мне позвонили

из больницы и сказали, что Максима... сбили на пешеходном переходе...

В груди неприятно колет. Только сейчас, сидя напротив замечаю, как проступили на бледной, сухой коже заломы глубоких морщин. Мать Громова выглядит гораздо старше, чем мне сперва показалось. Худая, измождённая, уставшая...

– Увидела его после реанимации... Поломанный весь, едва живой, – плачет она, с трудом сдерживая рыдания.

Я встаю и в один шаг добираюсь до раковины. На автомате открываю шкафчик, дрожащими пальцами откручиваю кран. Левой рукой смахиваю испарину, выступившую на лбу не то от духоты, не то от волнения.

Ставлю перед Галиной Юрьевной стакан с холодной водой и, продолжая стоять рядом. Молча рассматриваю тонкий профиль, очерченный завитушками тонких, седых волос.

– Мужа потеряла, а если бы вдруг и сына... Не пережила бы, – рванный выдох, судорожный всхлип.

Опустив голову, сверлю невидящим взглядом чёртовы подсолнухи и чувствую, как внутри медленно поднимается всё то, что я так упорно в себе подавляла...

Имбирный чай мы пьём в полной тишине. Галина Юрьевна постепенно успокаивается. Смотрит в одну точку, и то и дело вздыхает. Тихонько. Горестно и тяжело.

Я же чувствую себя настолько неловко, что впору провалиться под землю. Лишь бы только исчезнуть из этой квар-

тиры.

– Как вы с ребятами узнали про аварию?

Застываю с вымытой чашкой в руке, но тушуюсь всего секунду. Закрываю кран, ставлю перевернутую чашку на полотенце.

– Газета, – выдаю первое, что приходит в голову. – Не так давно вышла статья.

– Да-да, точно, – приговаривает она тихо. – Оленька приносила. Лучше б Максим не читал её... И так тяжко бедному, а тут на больную мозоль наступили.

– Это вы про олимпиаду? – догадываюсь я.

– Ой, про неё, – снова вздыхает. – Столько лет мечтал попасть в сборную... Ему разве объяснишь сейчас, что это не главное.

– Не главное, – соглашаюсь я.

Подхожу к окну. Оно выходит во внутренний двор. Отсюда хорошо видно ту самую арку, в которой я встретила изрядно напугавшего меня пропойцу.

– Ваша соседка сказала, что сюда приезжают журналисты...

– Да, с недавних пор зачастили, – рассказывает она. – Подробности им подавай. Кто сбил, почему дело не предали огласке.

– И почему? – замираю. Даже дышать перестаю в ожидании её ответа.

– Куда нам связываться с такими людьми...

– Какими такими? – прищурившись, наблюдаю за детьми, играющими на детской площадке, аляпистые конструкции которой смотрятся нелепым ярким пятном на фоне серых, унылых зданий.

– Страшными людьми, Ариночка. Богатыми. Влиятельными, – отзывается она тихо. – Нет правосудия в наши дни, всё решают только деньги.

– Что вы имеете ввиду?

Не знаю, зачем я с таким нездоровым упорством продолжаю развивать эту тему, ведь каждая сказанная ею фраза неприятным чёрным осадком оседает внутри.

– Они могут позволить себе купить всех и всё, – отвечает она задумчиво. – Даже свободу для виновного.

Я через силу сглатываю шершавый комок, вставший в горле. С ужасом осознаю, что от моей решимости не осталось и следа.

Бежать отсюда, не оглядываясь. Вот чего я хочу сейчас. Только бы не слышать всего этого.

– Вон ведь как хитро всё обставили, мол и дочь-то его не причём. Слепая зона там какая-то. И плевать они хотели на то, что жизнь человеку сломали! – возмущается она.

Непроизвольно в защитном жесте обнимаю себя руками. Понимаю, что она просто хочет выговориться, но от этого не легче...

– Страшно-то что? Так ведь и будет его дочь дальше ездить пьяная за рулём, подвергая людей опасности.

– Может, она не была пьяной, – выходит довольно резко, но женщина, кажется, не обращает на это внимания.

– Безнаказанность как она есть, Ариночка.

Хочется кричать, оправдываться. Но я решаю выслушать всё до конца...

– А лечение? – голос предательски плывёт. – Лечение эти люди оплатили?

Кивает и отодвигает пустую чашку.

– Палату отдельную, врачей... организовали быстро. Сама понимаешь, заинтересованы были в том, чтобы Максима с того света вытащить.

Стою и не могу произнести ни слова. Ведь то, что она говорит, в какой-то степени правда. Жалящая, неудобная, неприглядная.

– Виктор этот, её отец, сразу пообещал все расходы по лечению взять на себя. Но Максим строго-настрого запретил брать у них деньги. Уже и адвокат их изворотливый к нему приходил, да только разозлил сына ещё больше.

– Почему вы не воспользовались их предложением? Это ведь глупо, – разворачиваюсь к ней.

– Я сперва сомневалась, но после того, как мне за молчание предложили конверт... а после отказа открыто пригрозили... – переходит на шёпот.

Осекается на полуслове. Боится, что взболтнула лишнего по глупости.

Открыто пригрозили.... Женщине.

Я прекрасно понимала, какими методами действовал Пронин и отец, но отчего-то именно сейчас всё это звучит особенно гадко и страшно.

– Операцию на ноге мы оплатили сбережениями Максима. Штифты, пластины поставили. Да только вот через некоторое время что-то пошло не так. Сына стали беспокоить сильные боли, нога опять отекла и распухла. Врач говорит мол осложнения какие-то и надобно опять лечь под нож.

Вот значит как... Отец, разумеется, смолчал о том, что Громы от его помощи отказались. И про осложнения ни слова... Уверял меня, что всё хорошо. Не знает? Или скрывает?

Галина Юрьевна снова плачет, утирая слёзы платком.

Понимаю, что не могу больше здесь находиться. Просто не могу. Слишком тяжело. Меня наша с ней беседа словно наизнанку вывернула.

– Прости, детонька, что я, дура старая, разоткровенничалась, – начинает извиняться она.

– Там продукты, – киваю в сторону бумажного пакета. – Надо в холодильник выложить, пропадёт.

Поднимаю свою сумку и направляюсь к выходу.

– Ой, куда же вы, Ариночка! – Галина Юрьевна семенит следом.

– Мне пора...

– Но как же так, – растерянно наблюдает за тем, как я ски-

дываю тапочки с дурацкими подсолнухами.

Так спешила, что чуть в них не ушла. Идиотка...

– До свиданья, Галина Юрьевна.

– Может, дождались бы уже... – суетливо топчется возле меня она.

– Не могу.

Разворачиваюсь и обхватываю пальцами ручку из холодного металла.

– Мам...

Застываю на месте. Дыхание вмиг перехватывает, а липкий, колющий страх стремительно ползёт вдоль позвоночника к шее. Смыкает невидимые пальцы на моём горле. Душит.

– Ты с кем там? – доносится из-за двери мужской голос.

Не успела... Или...

– Ой, ты проснулся родной?

Скрип дешёвой межкомнатной двери.

Идеальная возможность, чтобы уйти. Этим вечером я услышала достаточно, разве нет?

– Максим, к тебе девочка пришла из института, – слышу, как тараторит в соседней комнате Галина Юрьевна. – Староста группы вроде как.

Какая чушь...

– Я же сказал тебе, что не хочу никого видеть, – недовольно отвечает ей он.

– Максим, ну нельзя так, – она понижает голос. – Неудобно перед девочкой...

Ставлю сумку около допотопного телефонного аппарата и прямо в туфлях отправляюсь туда, где мне точно будут не рады.

Но в конце концов, не ради этого ли я сюда ехала?

Каждый шаг даётся с трудом. Ноги словно в зыбучем песке тонут.

Пuls стремительно учащается. Сердце трепыхается, колотится неистово. Стучит барабанной дробью о рёбра и кажется вот-вот выпрыгнет из груди.

Зажмуриваюсь, ощущая как дрожат от волнения даже ресницы. Приоткрываю дверь шире. Захожу.

Паника к этому моменту пробирается в каждую клеточку моего тела.

Запах больницы. Слова Галины Юрьевны фоном. Окидываю взглядом небольшую комнату. Многочисленные кубки. Медали. Какие-то грамоты. Фотографии в рамках, и все они так или иначе связаны с Его спортивной карьерой.

Маленький мальчик у бассейна. Подросток, с улыбкой демонстрирующий награду. Рядом мужчина. Рука на плече в знак поддержки. Отец?

– А вот и наша гостья...

Поворачиваю голову влево.

Галина Юрьевна хлопчет у постели, взбивая подушку. Отходит.

– Однокурсники помнят о тебе, хотят поддержать.

Весь этот месяц мне казалось, что нет ничего страшнее, чем явиться к человеку, которого ты едва не лишил жизни.

Что ж, я ошибалась... Посмотреть этому человеку в глаза. Вот где истинное испытание.

Тот самый парень. Всего один взгляд. И да, он прекрасно понимает: никакая я не однокурсница. Сперва на его лице отражается недоумение. Ему на смену приходит удивление, но затем... не знаю как, но он будто вдруг понимает.... Понимает, кто стоит перед ним. Даже учитывая тот факт, что прежде мы не встречались.

– Ребята гостинцы тебе передали, – его мать с улыбкой на лице продолжает нести выдуманный мной же бред. – Ты хоть спасибо скажи, приятно ведь как!

Несколько долгих секунд мы смотрим друг другу прямо в глаза. Даже не могу передать, что чувствую. По ощущениям всё это время на мои внутренности будто серную кислоту льют.

Громов медленно склоняет голову чуть влево.

– Ей? Спасибо? – переспрашивает мрачно, забывая тем самым гвозди в моём гробу.

Очевидно, что и мать начинает замечать то искрящее опасное напряжение, что повисло между нами. Она переводит потерянный взгляд с меня на него. Обратно.

Лёгкие сдавило, и в глотке будто крошево из осколков, но я всё же нахожу в себе силы на то, чтобы произнести эти страшные слова.

– Здравствуй, Максим, – разрезает звенящую тишину мой голос.

Он в ответ молчит. Лишь вскидывает бровь и продолжает сверлить меня тяжёлым взглядом.

– Галина Юрьевна...

Пауза. В попытке успокоиться непроизвольно делаю судорожный рваный вдох. Зрительный контакт с Громовым нерываю, даже в тот момент, когда горячий стыд заливает щёки, а острое чувство вины сотнями иголочек пронзает тело.

– Меня зовут Арина Барских. Это я сбила вашего сына...

Глава 18 Максим

Даже в страшном сне я никогда не видел себя в инвалидной коляске. И ни разу за свои двадцать шесть лет не думал о том, что однажды в ней окажусь. Вот уж чего представить не мог совсем, так это то, что домой я отправлюсь именно так.

Ощущение собственной беспомощности – отвратительное чувство. Принимать некоторые вещи морально тяжело. Понимать, что ты даже не в состоянии самостоятельно добраться до машины. Видеть с какой жалостью смотрят на тебя твои близкие и друзья. Осознавать, что в твоей жизни одним моментом всё изменилось.

Это ли не кошмар наяву? Да, можно конечно слепо утешать себя тем, что вообще жив остался после такого ДТП, но, честно говоря, помогает это слабо. Мысли всё равно крутятся совершенно в другой плоскости. Ведь вместо того, чтобы отлечиваться в больнице и собирать себя по частям, я должен бы сейчас собирать сумку и настраиваться на олимпиаду.

Но жизнь порой вносит свои коррективы...

– Давай за меня держись, Макс, – Лёха ловко закидывает мою руку себе на плечо, и я, сжав челюсти, поднимаюсь с этой чудовищной железной конструкции.

С глаз долой бы её...

Ощущения в теле самые что ни на есть дерьмовые. Голова

кружится. Под рёбрами до сих пор ноет, болит спина, с ногой – вообще ад. Несколько дней назад мне сделали операцию – погружной интрамедуллярный остеосинтез. Вроде так называется. Проще говоря, сопоставили костные отломки и зафиксировали их на весь период сращивания. Теперь там внутри металлические штифты и винты.

Железный человек, твою мать.

– Осторожнее, Лёш, – взволнованно просит сестра.

Хорошо хоть мать уговорили остаться дома. Иначе охов, вздохов и слёз было бы не избежать.

– Оппа, отлично, – комментирует друг, когда мне всё-таки удаётся кое-как сесть в его автомобиль.

Надеюсь, эта колымага не развалится где-нибудь по дороге. Старая тойота не раз подводила Бондарева в самое неподходящее для этого время.

– Уже сюда бежит, коза. Поехали! – оповещает нас Женька, громко хлопая пассажирской дверью.

Поворачиваю голову и замечаю знакомую женщину в нелепом розовом платье. Она стоит, уперев руки в бока, с досадой смотрит нам вслед и, судя по часто вздымающейся груди, пытается отдышаться. Реально спешила нас догнать, но не успела.

Эта дамочка работает на какой-то телеканал. Репортёрша. Вчера пыталась добраться до моей палаты с целью взять интервью. Её разумеется не пустили. И не только потому что я был против. Дело в том, что у моей палаты двадцать четыре

на семь посменно дежурили люди Виктора Барских, папаши той умалишённой, которая меня сбила. Нетрудно догадаться зачем так усиленно охранялся мой покой. Адвокат Барских не раз говорил о том, что привлекать внимание общественности к этому делу не стоит. Зря распинался, каждый раз придумывая всё новые аргументы. Контактировать с представителями СМИ в мои планы не входило. Я не из тех, кому охота направо и налево вещать о собственной драме. Так себе хайп, если честно. Понимаю, что рано или поздно пресса всё равно узнает о моей ситуации, но форсировать события не хочу. Мне сейчас точно не до этого.

– Ну ты как?

– Жень, хватит задавать один и тот же вопрос каждые пять минут, – прошу я, пытаюсь принять ту позу, при которой перестанет болеть хоть что-нибудь.

Всё-таки зря я сегодня отказался от обеденной дозы обезболивающего. Чересчур в себя поверил...

– Я же переживаю, братиш, – произносит она тихо.

– А где Оля? – интересуюсь, глядя в окно.

Погода, как назло, отличная. На небе ни единого облака, солнце повсюду раскинуло свои лучи. И жители Текстильщиков, изнывая от духоты и жара, спешат укрыться в тени зелёных деревьев.

Автомобиль немного подпрыгивает на кочке, и у меня из глаз аж искры летят. Быстрее бы уже оказаться дома. Казалось бы, простая поездка на машине, а сколько доставляет

неудобств.

– Сейчас заберём её. Она уже должна быть на остановке, – отвечает сестра, доставая из сумки телефон. – Могла бы и отпроситься, между прочим, – бормочет себе под нос, но я всё равно слышу.

– Работа, — по привычке защищаю Олю.

– Ой тоже мне, можно подумать! Прямо не обошлись бы без неё полдня в этом МФЦ.

– Жень...

– А чё Жень? Это же выписка.

– Тоже мне праздник, – мрачно отзываюсь я.

– Кому как, а мне праздник. У меня и подарок для тебя есть, – весело лепечет она.

– Даже страшно предположить какой.

– Вон она Ржевская, – тычет пальцем в стекло, как маленький ребёнок. – Лёх, притормозишь? Ток подальше от остановки! Вон там стань. Не хватало ещё пять косарей штрафа заплатить.

Друг сигналит, подавая знак девушке, и мы паркуемся неподалёку у аллеи.

Оля неспеша идёт к машине. Как всегда, строгая, деловая и серьёзная. В этом своём костюме она всегда напоминает мне учительницу начальных классов. И не случайно. Образование у Оли педагогическое, правда после практики в школе желание работать со спиногрызами сошло на нет.

– Привет, ребята, – она осторожно присаживается рядом.

– Ну как ты, родной?

Снимает солнцезащитные очки, коротко целует меня в щетинистую щёку и напряжённо вглядывается в моё лицо.

– Нормально.

– Бледный такой, – качает головой.

– Не на Канарах загорал, – острит с переднего сиденья Женька.

– Ты врача внимательно слушал? Все рекомендации запомнил? – учительским тоном интересуется Оля. – Это очень важно для твоей реабилитации, Максим!

– Да всё там на бумажке написано, – беззаботно отмахиваюсь и непроизвольно кладу руку на ногу.

Болит, собака.

– Дайте глянуть.

Сестра отдаёт ей листок и тянется прикрутить звук, чтобы та ерунда, которую крутят по радио, играла потише.

– А тебе зачем? – хмыкает она попутно.

– Я должна всё знать, – хмурит брови Оля, с умным видом читая каракули моего лечащего врача.

– Там ни слова не понятно, – ворчу, боковым зрением разглядывая закорючки. – Я сначала решил, что врач мне море прописал.

– Море прописал! – повторяет Женька и хохочет в голос.

– Ей богу, такое ощущение, что в мединститутах их нарочно учат писать так, чтобы никто ничего не понимал.

– Они таким способом хранят врачебную тайну! – выдаёт

интересную версию Женька.

Лёха смеётся, а я замечаю, что мы тем временем проехали нужную нам улицу.

– Проехали поворот, – смотрю по сторонам.

– Женечка, а ты что ничего не сказала? – Оля, наконец, отрывает взгляд от дурацкого листка.

– Ну как бы логичнее, чтобы это сказала ты, – поворачивается к нам сестра и вскидывает бровь.

– Сказала что? – сразу напрягаюсь я.

В салоне повисает неуютная пауза. Оля поджимает губы и привычным жестом убирает за ухо прядь волос. Выражение её лица говорит о том, что ничего хорошего я не услышу.

– Максим, мы с твоей мамой посовещались и решили, что будет лучше, если ты пока поживёшь у неё, – заявляет мне моя невеста. – Я на работе целыми днями, должного ухода всё равно не смогу тебе обеспечить.

– Я что, немощный по-твоему? – начинаю заводиться.

– Да нет, что ты! Но давай посмотрим правде в глаза...

Этот её жалостливый взгляд напрягает неимоверно.

– Галина Юрьевна – пенсионерка, и она целыми днями находится дома.

– Так-то у неё тоже ученики, – вклинивается в наш разговор Женя.

– Ну они же к ней домой приходят, – невозмутимо парирует Оля.

– Правильно, пусть Макс чокнется, каждодневно насла-

ждаясь корявым исполнением Баха или Шопена, – язвит сестра.

– Зато он будет под присмотром!

Я молча слушаю их препирания. Могли бы заранее меня предупредить. Что одна, что вторая! Я как бы не рассчитывал на то, что мне придётся вернуться в квартиру матери. Мы с Олей уже год как живём отдельно на съёмной квартире...

Лёха молча наблюдает за нами.

– Максим, – Оля берёт меня за руку. – Ты же не против? Мне просто именно сейчас в отпуск ну никак нельзя. Чего же ты будешь один лежать в четырёх стенах с восьми до восьми?! А так, Галина Юрьевна почти всегда будет рядом. У тебя ж приём пищи и лекарств по времени, уколы, массаж, лфк, процедуры там всякие... За этим всем должен кто-то следить!

Она сжимает мои пальцы чуть сильнее и пытается заглянуть в глаза.

Что она хочет там увидеть? Я от таких новостей аж дар речи потерял. Без меня меня же выселили. Просто класс!

– Я к тебе каждый день приходить буду! И все выходные будем вместе проводить, – слёзно обещает мне Оля. – Пока так, а как полегче тебе станет, переберёшься ко мне.

– Им там с Женькой итак тесно, а тут ещё и я, – отвечаю, даже не поворачивая головы в её сторону.

Концентрируюсь на дороге. Ощушаю, как внутри подни-

мается какое-то мерзкое чувство.

– Так они ж как раз съехались! – огорошивает меня она.

– Что? – сморгнув, недоумевающе смотрю сначала на Олю, а потом на подозрительно притихшую Женьку.

– Ты и об этом не стала говорить? – обращается к ней Оля.

– Тебя так-то тоже никто не просил рассказывать, – возмущается та в ответ.

– Лёх, я не понял...

– Так это... – растерянно мямлит он, почёсывая макушку.

– Ты совсем охерел? – со всей дури толкаю его в плечо, не обращая внимания на дискомфорт, который ощущаю в своём ослабшем теле.

– Тише, Максим, я ж за рулём, а слева Камаз! – шипит, потирая ушибленное место.

– Ты моим состоянием решил воспользоваться, что ли? – интересуюсь гневно, продолжая сверлить взглядом его затылок.

– Максим, не начинай, – подаёт голос Женя.

– А ты вообще молчи! С тобой я дома поговорю.

Меня переполняет злость. Прямо чувствую, как она яростно разливается и стучит по венам. Я злюсь на Олю, которая не посоветовавшись со мной, решила без моего ведома меня переселить. Злюсь на младшую сестру, возомнившую себя взрослой, но больше всего на друга, очень вовремя воспользовавшегося ситуацией.

Едва машина останавливается во дворе, я спешу открыть

дверь тойоты. Сжимаю до хруста челюсти, одну ногу ставлю на землю.

– погоди, я помогу, – Бондарев уже стоит рядом и протягивает ко мне свои клешни.

– Я сам, – бросаю раздражённо.

– Да дай же помочь!

– Сказал же! Сам! – стреляю в него испепеляющим взглядом.

Отходит чуть в сторону, качая головой.

– Максим, – Женя, выпорхнувшая из машины, виновато потупив взгляд, протягивает мне костыли. – Прости, что сразу не сказала. Я просто заранее знала твою реакцию.

– Это и есть твой подарок? Уйди с глаз долой, – говорю сквозь зубы, забирая у неё костыли.

– Ну Максим...

– Сегодня же собираешь свои вещи и возвращаешься домой, поняла меня?

– Макс, да брось! – снова лезет ко мне Лёша. – Ты же знаешь, как я к ней отношусь.

– Я не с тобой сейчас разговариваю! – повышаю голос.

– Подумаешь съехались, что такого... Она не маленькая уже, – заявляет мне он, насупившись. – Не должна твоего разрешения спрашивать!

И тут меня накрывает.

Значит сперва пока я был в отъезде он за ней ухлёстывать принялся. Знаки внимания, комплименты, подарки, прогул-

ки. Потом какое-то время спустя они и вовсе начали открыто встречаться, несмотря на мои предостережения и запрет.

Разозлили меня оба. Вправить мозги сестре не получилось. Сопли-слюни, люблю-не-могу. Да и этот упрямо терпел мои «намёки» на протяжении месяца.

Ладно, скрипя зубами я решил не вмешиваться. Подумал, пусть встречаются, но Лёхе пригрозил, что если с моей сестрой он поступит так, как привык поступать со своими бывшими, то я его собственноручно сотру в порошок. И мы вроде как поняли друг друга.

Но вот это вот... То, что он её втихаря к себе перевёз... Перебор! Не маленькая? Да ей только-только исполнилось восемнадцать!

В общем, Алёша в очередной раз заслуженно получает пощам. Один из костылей валится на асфальт, другой хватается за морду и скулит, а я, опираясь на здоровую ногу, пытаюсь не потерять равновесие от резкой боли, пронзившей лёгкое. И несколько непечатных слов всё-таки слетают с языка.

– Эй, ну что ты сделал! – Женька кидается к своему Ромео, а я только сейчас замечаю, что у нас тут оказывается зрители сидят в первом ряду.

Старые перечницы, оккупировавшие лавку, прячутся на меня во все глаза.

– Ой...

– Здравсьте, – откашлявшись, здороваюсь мрачно.

Тупо пройти молча не позволяет воспитание.

– Держи, – перепуганная насмерть Оля поднимает мой костыль. – Зачем ты так, Громов? Да ещё прилюдно! – принимается отчитывать меня дрожащим шёпотом.

– А я вот тебя поддерживаю! – громко выступает Антонина Петровна, бойкая старушенция, которая живёт в третьей квартире. – Связалась не пойми с кем твоя Женька! Мне Бондарев никогда не нравился. Хулиган треклятый.

– Чё эт я хулиган? – обиженно гундосит Лёшка. – Подумаешь, листья когда-то в юности поджёг. Вы мне до гроба теперь вспоминать это будете?

– Чуть не погорели из-за тебя, гад! – кричит она.

Молча иду вперёд. Хотя «иду» это конечно громко сказано. Ползу как улитка.

– А что такое-то с тобой, родименький?

– Вай... это же что ж стряслось? – начинают наперебой кудахтать бабки.

– Максим, – из подъезда спешно выходит мама.

Глаза на мокром месте. Смотрит на мои жалкие попытки передвижения и морщится так, словно больно ей самой.

– Громов, ну дела! – заценивает моё состояние проходящий мимо неё сосед. – Сочувствую, пареньь.

– Иди... гланды заливай, Василич...

Передвигаю костыль, глядя себе под ноги. Настырно иду вперёд, преодолевая боль. Рядом трётся подбитый Лёша, который сейчас изрядно подбешивает. Слева Оля. Страхуют типа.

С трудом одолеваю несколько метров и понимаю, что вряд ли поднимусь наверх сам. Ступеньки мне пока не осилить точно.

И хоть ты взвой.

Вон и любопытные повылазили из окон.

Вот она потеха! Ещё вчера один из первых спортсменов страны, уже сегодня – инвалид. Пусть и временно. Меньше всего мне хотелось настолько эффектно здесь появиться.

– Бро, щас мы тебя поднимем, – из темноты подъезда показываются Гарик и Олег, ребята из моего спортклуба.

Они шустро отбирают у меня ненавистные палки и в прямом смысле слова на себе затаскивают наверх. Благо мой позор длится недолго. Спасибо, что нам нужен второй этаж, а не пятый.

– Ну вот, всё, – открывают двери и заводят меня в квартиру.

Помогают добраться до постели, на которую я обессиленно сажусь.

Вздыхаю с облегчением. Откидываюсь на подушки и слушаю болтовню, доносящуюся из коридора.

– Алёшенька, а что с тобой? – восклицает мать.

Приложил кулаком здоровой руки я его неслабо, несмотря на своё ущербное физическое состояние. Впрочем, сам виноват.

– Да всё нормально, Галина Юрьевна, – убеждает её Бон-

дарев.

– Руки все помойте, – громогласно командует Оля.

– Куда костыли? – басит Олег.

– Сюда поставь, – отвечает ему Лёша.

– Я сейчас супчик Максиму разогрею, – начинает по привычке суетиться мать.

– Кормите, а я пойду схожу в аптеку, куплю все необходимые лекарства, – проявляет заботу Оля. – Ребят, идите к нему. Приободрите немного...

Какофория звуков раздражает всё больше.

– А я, кстати, умею ставить уколы, если надобно... Своей Туське (собаке, чтоб вы понимали) делала не раз! – горделиво заявляет Антонина Петровна, которая, оказывается, тоже тут.

Прекрааасно...

Устало закрываю глаза. Как никогда жалея, что не могу встать и закрыть дверь.

Потому что сейчас я точно предпочёл бы остаться в одиночестве...

Глава 19 Максим

Все мои дни становятся похожи один на другой. Таблетки горстями, бесконечные уколы, от которых уже болит пятая точка, правильное дробное питание, сон и жалкие попытки двигаться. Все рекомендации врача я выполняю неукоснительно, потому что хочется как можно быстрее покончить с тем отвратительным состоянием, в котором я нахожусь. И сперва мне кажется, что прогресс налицо. Я всё больше бодрствую, рёбра и пострадавшее лёгкое уже беспокоят не так сильно, голова после сотрясения тоже приходит в норму.

Однако моя радость длится недолго. К концу недели я начинаю замечать странную регрессию. Прооперированная нога беспрестанно болит, она опухла и стала выглядеть неважно. Края раны подразошлись, образовался нехилый отёк. Хуже того, днём позднее у меня поднимается температура. Тут и врачом быть не нужно, чтобы понимать – что-то идёт не так. Когда очередная ночь проходит без сна, я в этом лишь убеждаюсь.

На дом Патрушев не выезжает, поэтому снова приходится тащиться в больницу. Только на этот раз мы с Олей едем туда на машине её отца. И пугает меня то, что эта поездка даётся мне тяжелее, чем предыдущая. Нехороший знак.

Битый час ожидаем в холле. Тошнотворный запах хлорки бьёт в ноздри. Справа от нас громко визжат дети, а мимо

постоянно туда-сюда бегают люди в белых халатах. Всё это до невозможного раздражает, хотя подозреваю, дело в том, что меня измучила адова боль в ноге. В прямом смысле слова хочется лезть на стенку.

Нас принимают ближе к двенадцати. К тому моменту Оля успевает дважды закатить скандал и поругаться с половиной медперсонала. Нервничает, что из-за меня опоздает на работу (отпроситься получилось только до обеда), но мы оба прекрасно понимаем, что её концерты ничего не решат. Здесь каждый божий день кто-то чем-то не доволен, и врачи на это уже просто не обращают внимания.

Беседа с Патрушевым, осмотр, МРТ. Всё это занимает ещё час. Пока жду расшифровку, думаю о том, что ситуация у меня явно не очень. По взгляду лечащего врача понял. Тот ещё и вздохнул как-то особенно безрадостно и тягостно. В общем, ничего хорошего не жди. Собственно, так и выходит по итогу.

Домой я возвращаюсь уже с матерью. Она сменила Олю ещё там в больнице. Опять в глазах стоят слёзы, хоть она и пытается изо всех сил их скрыть. Расстроилась. Впрочем, как и я. Прогноз-то неутешительный. Целый букет осложнений, самое неприятное из которых – развитие ранней острой инфекции. Причин её образования может быть несколько. Она могла развиваться как на фоне имеющегося травматического повреждения мягких тканей, так и вследствие реакции на внутрикостный имплант.

Патрушев сыпал терминами и долго вглядывался в снимки, а потом моя и без того несчастная нога подверглась очередной хирургической обработке. Штифты и винты оставили пока внутри, вроде как на ранних сроках развития инфекций их удаление не показано. Однако Иван Петрович предупредил: такого исхода событий он не исключает.

Очередной операции не хватало, честное слово... Только я настроился на восстановление, как на тебе!

– Давай, Максим, надо поесть, – отвлекает меня от беспокойных мыслей голос матери.

Ставит поднос на столик и двигает его до кровати.

– Зачем ты сюда принесла? Я бы до кухни не дошёл, что ли? – поднимаюсь с подушки.

– Уже итак сегодня переутомился. Не надо, – качает головой.

Равнодушно смотрю на борщ и рагу. Сейчас кусок в горло не лезет, но не хочется обижать мать.

– Я тебя оставляю на час, Оксана пришла, – говорит она виновато.

– Мам, я не настолько немогущий. Сидеть сутками у моей кровати нет никакой необходимости.

– Кушай, дорогой, – подходит ко мне, целует в лоб и ласково проводит рукой по волосам.

Жду пока она уйдёт, и только после этого, скорчив морду, придвигаюсь к краю постели. Задерживаю дыхание. Опускаю ногу. Шумно выдыхаю. Всегда считал, что у меня высо-

кий болевой порог, но тут... терпеть реально непросто. Пока по лестнице поднялись сегодня, думал скончаюсь.

Телефон звонит, и я кладу ложку на место, так и не успев, притронуться к борщу, аромат которого разносится по всей комнате.

– Алло.

– Родной, ну ты как? Что сказали? Ты где вообще? – Оля, подобно роботу-автомату выдаёт один вопрос за другим.

Фоном слышатся голоса, чей-то смех и нервующий звук, исходящий от работающего принтера.

– Дома уже, Оля, – прищуриваюсь. Чёртово солнце вылезло из-за тучи, а занавеска открыта. – Нормально всё.

– Нормально? – переспрашивает недоверчиво. – Что сказал Иван Петрович? Какие дал рекомендации?

– Антибиотики выписал. Капельницу надо ставить на дому. В больнице нет мест.

– Антибиотики? Там инфекция, да? – ужасается она. – Я же говорила тебе! Как раз читала вчера про это. Ой, ой, ой, они что-нибудь предприняли?

– Хирургическую чистку делали, дренаж.

– А железки достали? – спрашивает громко, пытаясь перекрыть недовольную клиентку.

– Нет. Патрушев сказал, что надо пока понаблюдать, – хмыкаю я.

– Бедный ты мой...

За стеной начинается возня, а уже через минуту до меня

доносятся звуки Лунной Сонаты Бетховена.

– Ты давай там не кисни, ладно? – пытается приободрить меня Оля. – Я вечером зайду. Принесу тебе что-нибудь вкусненькое. Пирог твой любимый испеку, хочешь?

– Давай, – без особого энтузиазма соглашаюсь я.

– Максим, я серьёзно, не отчаивайся! Ты же знаешь, как важно настроить себя на позитив. По статистике, выздоровление проходит эффективнее, если пациент сам верит в благоприятный исход.

Раздражающие голоса по ту сторону становятся громче, и я, сославшись на остывающий обед, торопливо сворачиваю беседу. Люблю Олю, понимаю, что она переживает за меня и старается поддержать, но сейчас слушать её мотивационные монологи нет ни сил, ни желания.

Только сбрасываю вызов, как на экране светится очередной входящий. Олег. Несколько секунд смотрю на знакомые цифры, но всё-таки решаю не отвечать. Очередное «как ты», полное сострадания, лишь сильнее разозлит меня.

Кладу телефон на стол, поддвигаю к себе тарелку с борщом и под аккомпанемент Лунной Сонаты принимаюсь за еду.

Ей богу, даже я, человек далёкий от музыки, понимаю, что эта Оксана играет просто отвратительно. У неё определённо есть только один талант – превращать игру на музыкальном инструменте в настоящую пытку...

В последующие пару дней ситуация усугубляется. Боли в ноге не проходят, а только усиливаются, отёк не спадает, температура держится на отметке тридцать восемь и пять. И это притом, что я принимаю антибиотики.

Пока лежу под капельницей, которую мне организовала матушкина знакомая из соседнего подъезда, Женька всюду развлекает меня. Жутко хочется спать, но я терпеливо слушаю болтовню сестры. Она рассказывает про очередные соседские войны.

Колька с пятого выкинул из окна гитару. В тот момент, там внизу под балконами, шлёлся местный алкоголик Василий. Его-то изгиб гитары стройной и настиг. Хорошо хоть живой остался. Верно говорят, «пьяному море по колено».

– Что с соревнованиями у тебя?

– А чего с ними? – пожимает плечами. – Не поеду в этот раз.

– Почему это? – интересуюсь хмуро.

– Не до того. Ну как я тебя брошу тут? – восклицает на всю квартиру.

– Тьфу, да перестаньте вы делать из меня обузу, – снова начинаю раздражаться. – Не вздумай даже отказываться! Всем там покажи, кто такая Женька Громова.

– Скажешь тоже, – отмахиваясь, заливается румянцем. – Это ты у нас чемпион, а я... так.

– Да ты посмотри на меня, чемпион! – фыркаю насмешливо я.

– Это временно, братиш, – успокаивает Женька. – Скоро бегать будем вместе, как раньше. Вот увидишь, время быстро пролетит. А насчёт поездки...

– Женя, – смотрю на неё сурово, – не надо глупостей. Я без тебя неделю уж как-нибудь обойдусь.

С минуту сражаемся взглядами.

– Ну ладно, уговорил, – вздыхает и мечтательно закатывает глаза. – Гущина лопнет от недовольства. Она ж небось мысленно все награды на шею себе повесила, открестившись от здоровой конкуренции!

Хохочет, и я, глядя на неё, улыбаюсь в ответ. Хорошая она у меня. Добрая, искренняя, светлая девочка. Выросла только как-то незаметно. Кажется, что ещё только вчера в школу ходила, и вот, полюбуйте, уже первый курс института позади.

Отчего-то память подбрасывает давнишнюю картинку. Один из будних вечеров. Я тогда задержался на тренировке и Женьку, на тот момент являющуюся ученицей первого класса, забрал из продлёнки поздно, около шести.

Как сейчас помню, захожу в класс, ищу её глазами, но нигде не нахожу. А потом вдруг вижу: Женька! В углу стоит. Банты растрепались, кудри взлохмачены, на строгом школьном сарафане оторвана лямка. Сама девчонка, насупившись, смотрит себе под ноги. Ноздри раздуваются как у огнедышащего дракона. Щёки красные, маленькие пальчики сжаты в кулаки.

Чуть в стороне учительница успокаивает белобрысого одноклассника Жени. Тот рыдает белугой, держится за мордаху, от натуги ставшую малиновой.

Два и два я сложил быстро. Этот паршивец не раз доставал Женьку, вот она, видимо, и не выдержала.

Марина Алексеевна долго возмущалась на тему беспричинной агрессии сестры. Я начал за неё заступаться, но достучаться до педагога было невозможно. Слушать мою версию она не стала. Без конца твердила про то, что у Данечки непростые родители, приговаривая всего одну фразу: «ой, что теперь будет, что будет!». Боялась проблем так сильно, что, кажется, готова была этого самого Данечку чуть ли не в зад поцеловать.

Я забрал Женьку, не проронившую за весь разговор ни слова, и мы поплелись к остановке, уже заранее зная, что перепуганный классный руководитель по любому вызовет мать в школу.

Чтобы хоть как-то поднять настроение младшей, купил ей облако сахарной ваты на палочке и убедил в том, что она всё сделала правильно. Никому и никогда нельзя давать себя в обиду. В этом я глубоко убеждён и по сей день.

Родители Данечки действительно подняли грандиозный скандал, когда заценили фингал под глазом. Орали, истерили, требовали исключения. Подмогу себе собрали даже. Женька-то у нас, оказывается, тумачами мальчишек кормила регулярно.

Благо, директриса в школе оказалась адекватной. Не стала принимать чью-либо сторону, обязала Марину Алексеевну наладить атмосферу в классе, родителям пострадавшего Данички продемонстрировала несколько докладных, отражающих его поведение в стенах школы, ну а нам... посоветовала отдать девочку в спортивную секцию.

Ну мы и отдали Женьку. На рукопашный бой. Чтобы и защищаться умела, и силу свою там, где надо применяла. К слову, тренер от мелкой пришёл в восторг, и уже пару месяцев спустя вцепился в неё намертво.

– О чём эт ты задумался? – Женька щёлкает пальцами у меня перед носом.

– Да так, вспомнил кое-что.

– Щас поменяю тебе капельницу. У нас ещё один бутылёк остался, – убирая пустую склянку, объявляет она. – Вон и мне практика! Уколы, капельница.

– Чтоб её... практику эту, – ворчу я, краснея.

– Та ладно тебе, Максим! – забавляется, когда видит мою реакцию. – Чё я твою ягодичную мышцу никогда не видела, что ли...

– Я и сам могу уколы ставить, – комментирую сердито.

– Это неудобно. А мне как раз руку набить не помешает, – рассуждает она вслух невозмутимо.

– Руку набить? – скидываю бровь. – Ты ж на ветеринара учишься, а не на медсестру...

– Да всё одно и тоже, – заявляет она, поправляя иглу, тор-

чащую из вены. — Только с людьми я работать не хочу. С животными куда приятнее...

Это да...

Глава 20 Максим

Днём случается кое-что неприятное.

В ванной неожиданно потёк кран, о чём взволнованно сообщает мама, показавшаяся в комнате со стопкой полотенец в руках.

Кое-как добираюсь туда на костылях и перекрываю воду. Соседи снизу тем временем уже вовсю насилуют звонок и тарбанят в дверь. Орут на весь дом как умалишённые. Стоит матери запустить их в прихожую, устраивают скандал. Правда, Григорович-старший, едва заприметив меня, как-то стихает. Уж не знаю из сочувствия или из жалости. Зато у его жены рот не закрывается. Сказки рассказывает про пострадавший евроремонт. Которого у этих пронирливых торгашей отродясь не было. Сам видел.

В общем делигирую Женьку в магазин сантехники. На обратном пути она пытается зайти к Григоровичам, дабы оценить материальный ущерб. Да только они её к себе не пускают. После чего становится понятно: больше шуму было.

Меняю кран и возвращаюсь к себе. Прошу Женьку поставить укол, потому что нога разболелась ни на шутку, и под воздействием лекарств меня как-то незаметно вырубает.

Дурацкие, беспокойные сны сменяют друг друга. Просыпаюсь, когда за окном уже сгущаются сумерки. Голова чугунная, от неудобного положения затекла спина. Сколько про-

валялся мешком непонятно. И пока глаза привыкают к темноте, я вслушиваюсь в голоса, которые звучат за стеной.

Мать с кем-то разговаривает. Это настораживает. Сколько раз просил никого в дом не впускать.

– До свидания, Галина Юрьевна, – звучит незнакомый женский голос совсем рядом.

– Может, дождались бы уже, – отвечает мать.

– Не могу.

Это ещё кто интересно...

– Мам, – зову громко. – Ты с кем там?

Открывается дверь, щёлкает выключатель, ослепляя вспышками ламп. Прикрываю глаза рукой и пытаюсь принять сидячее положение.

– Ой, ты проснулся родной?

Мать тут же спешит ко мне.

– Максим, к тебе девочка пришла из института, староста группы.

Мозг после сна соображает туго.

Староста группы. Только Ивановой мне для полной радости не хватало. Что она вообще тут забыла?

– Я же сказал тебе, что не хочу никого видеть, – говорю недовольно, разминая затёкшую шею.

– Максим, ну нельзя так, – понижает голос, чтобы нас не услышали. – Неудобно перед девочкой.

Неудобно перед девочкой.

Неудобно было мне, когда Иванова писала любовные

письма и приходила на соревнования, чтобы поддержать. Кричалки всякие сочиняла. Вопила их на весь бассейн, размахивая собственноручно изготовленным плакатом, изобилующим сердечками.

С меня тогда весь курс угорал, а я никак не мог избавиться от внимания навязчивой поклонницы. На неё ничего не действовало. Ни просьбы, ни наёмки. Грубо отшить не позволяло воспитание, над Ивановой итак издевались все, кому не лень. Но моё хорошее к ней отношение она истолковывала неверно, и ситуация лишь усугублялась.

В последний раз я видел Лизу лет пять назад. Она тогда заявила ко мне домой. Рыдая навзрыд, горестно сообщила, что нас разлучает судьба, поскольку её семья переезжает на север. Какое я испытал облегчение – не передать словами.

И вот на тебе... пришла. Как вообще реагировать на её появление?

Дверь приоткрывается шире, и в комнату заходит... нет, не Иванова точно. Навязчивую рыжеволосую зубрилу мне ни с кем не перепутать.

На пороге моей комнаты девушка. Брючный костюм насыщенного красного цвета. Тёмные волосы собраны в замысловатую причёску. На левой руке поблёскивают часы.

Стоит полубоком ко мне, рассматривает фотографии, которые висят на стенах.

– А вот и наша гостя...

Поворачивается.

– Однокурсники помнят о тебе, хотят поддержать, – продолжает тараторить под боком мать.

Сначала я вообще не понимаю, кто это. Лицо кажется мне знакомым, но я никак не могу вспомнить, где видел эту девушку. Правильные тонкие черты лица. Идеальный макияж, прямой взгляд. И вот в нём... есть то, из-за чего я впадаю в ступор. Чем дольше смотрю ей в глаза, тем отчётливее вижу страх, который в них плещется. Его не скрыть и не спрятать, как бы она не храбрилась. Он настолько явный и осязаемый, что сомнений не остаётся...

Ещё один внимательный взгляд. Контрольный. Теперь уже подмечаю все детали: от многочисленных украшений, красующихся на пальцах, до горделивой царской осанки. И да, осознание того, что ко мне в дом пришёл человек, которого я меньше всего хотел бы сейчас видеть, шарахнуло словно кирпичом по голове.

Кажется Женька показывала мне её фото. Только на моей памяти она была блондинкой.

– Ребята гостинцы тебе передали. Ты хоть спасибо скажи, приятно ведь как! – доносится до меня голос матери.

Мы с незнакомкой всё ещё смотрим друг на друга. Она – затравленно. Я – с плохо скрываемым изумлением.

– Ей? Спасибо? – уточняю у матери, склоняя голову вбок.

Гостья хмурится и на секунду недовольно поджимает алые губы. Помаду, видимо, подбирала в тон своему костюму.

– Здравствуй, Максим, – произносит тихо, но уверенно.

Обрела голос значит... Я уж думал так и будет стоять молча.

Вскидываю бровь и ухмыляюсь. К моему удивлению её щёки стремительно заливаются краской не то стыда, не то смущения.

Да уж, встреча так встреча! Вот уж чего не ждал.

– Галина Юрьевна...

Вскидывает вверх подбородок, не отводит взгляд. А руки-то дрожат, оттого и прячет их в карманы своего брендового костюма.

Делает глубокий вдох. Я его слышу. Едва заметный, рваный, судорожный.

Нервничает, хотя упорно продолжает строить из себя Жанну Д'Арк.

– Меня зовут Арина Барских... Это я сбила вашего сына.

В комнате повисает гробовая тишина. Потом мать издаёт какой-то странный звук и хватается за сердце.

– Мам, – на автомате встаю, но тут же оседаю, скривившись от боли.

– Где у вас сердечные капли? – обеспокоенно спрашивает нарушительница нашего спокойствия, бросившись в сторону двери.

– Кухня, верхняя полка, быстрее давай неси! – командую, с тревогой наблюдая за родительницей.

Брюнетка спешит туда, а я протягиваю руку матери и прошу её присесть на кровать.

– Мам, что такое? Сердце?

– Ой... – она то закрывает, то открывает глаза.

– Мам... Дыши-ка глубже.

– Как же так, Максим... – качает головой будто не верит.

– Это дочка того Виктора? Она?

Она появляется рядом с нами в ту же секунду.

– Вот, выпейте, – вкладывает в руку матери чашку, пахнущую валокордином, и приседает у её ног. – Извините, я не хотела...

– Не хотела, – повторяю раздражённо. – Какого чёрта ты вообще сюда заявила?

Она виновато опускает глаза.

– Сколько ты накапала? – интересуюсь мрачно.

– Я знаю, сколько капать!

– Клянусь, если из-за тебя с моей матерью что-нибудь случится...

– Галина Юрьевна, как вы? – перебивает меня она. – Ради бога простите... Но скажи я правду там на лестничной клетке, вы бы меня и на порог квартиры не впустили.

О, не сомневайся, так и было бы.

– Мам, – сжимаю её руку чуть сильнее. – Ты как?

Опускает пустую чашку на колени.

– Полегче стало, – шепчет она. – Сердце... что-то прихватило.

Я шумно выдыхаю.

– Точно всё в порядке? Может вызвать скорую? – сомне-

вается девчонка.

– Не надо, – произносит мать одними губами.

– Мам, может и правда...

– Нет, сынок, я в порядке. Разнервничалась просто, – достаёт из кармана платок и вытирает вспотевший лоб.

Барских встаёт и отходит к окну. Снова прячет руки в карманах широких брюк и вздыхает, опуская голову. Пялится на свои туфли.

В напряжённом молчании проходит несколько мучительно долгих минут. Мать поворачивается ко мне. В глазах немой вопрос. Думаю, она, как и я, в растерянности.

Кто ж знал, что дочь Барских заявится сюда спустя месяц. Вот только зачем пришла?

– Иди приляг, мам, – вглядываюсь в бледное, осунувшееся лицо.

Кивает. Осторожно поднимается с постели. Бросает в сторону «гостыи» ещё один взгляд и потихоньку выходит. Приотворяет дверь, оставляя нас наедине, и в комнате в этот момент становится нечем дышать. Будто весь воздух разом выкачали...

Барских начинает разговор первой.

– Максим...

Поворачиваю голову в её сторону. Ловит мой злой взгляд и тушует. Правда довольно-таки быстро берёт себя в руки.

– Я знаю, что ты и твоя семья не рады видеть меня здесь, но мне нужно было это сделать, – произносит на одном ды-

хании.

– Сделать что? Мать мою доконать? – интересуюсь гневно.
– У неё сердце больное, а тут ты со своими откровениями!

– Я не знала...

– Зачем ты сюда пришла? – задаю прямой вопрос в лоб.

– Я... – закусывает губу, отворачивается. Явно борется сама с собой и не хочет отвечать. – Говорю же, мне это нужно было.

– Для чего? – продолжаю сверлить её профиль недобрым взглядом.

Гипнотизирует стену напротив. Молчит...

– Совесть, что ли, проснулась? – кладу ногу на кровать. Вытягиваю её и морщусь от боли.

Сука, что ж такое. Принесите мне топор кто-нибудь...

– Называй это так, – слышу её тихий ответ.

– И как? Полегчало? – хмыкаю, поворачиваясь к ней.

Подловил. Наблюдала за мной исподтишка. Натывается на мой мрачный взгляд и корчит жалостливую мину.

– Максим, – сглатывает, облизывает искусанные на нервной почве губы. – Мне жаль...

– Мне твоя жалость не нужна! – перебиваю грубо.

– Да послушай ты! – явно злится.

Злится? Серьёзно?

– Мне жаль, что я не нашла в себе смелости прийти к тебе раньше, – теребит кольцо на пальце, но по-прежнему смотрит прямо в глаза, хотя кожей чувствую, что даётся ей это

непросто. – Я за рулём с двенадцати лет. И нет, я не пила в тот день. Ехала за подругой. Отвлеклась на телефон... Всего секунда...

Всего секунда – и моя жизнь разделилась на «до» и «после». Как бы прозаично это не звучало.

Она зажмуривается. Качает головой.

Вспоминает ту роковую ночь?

– Я не увидела тебя... Не заметила за припаркованной ладой. Не знаю, как так вышло... – делает неопределённый жест рукой.

– Неудивительно, – комментирую я сухо. – Ты неслась как ненормальная...

– Я очень... спешила, – зажимает пальцами переносицу.

– Знаю, что это меня не оправдывает.

Вообще не оправдывает. Учитывая, что в том месте находится пешеходный переход.

Снова тишина. Звенит в ушах.

Смотрю на девушку, которая меня сбила. Пытаюсь прислушаться к себе и понять, что чувствую. Ни черта не разобрать. Клубок неясных мыслей и противоречивых эмоций, перекрывающих друг друга.

– Я просто... не сплю нормально... – признаётся вдруг.

– Ну в этом мы похожи, – даже не пытаюсь скрыть сарказм.

– Да я не сравниваю ни в коем случае. Я лишь хотела объяснить... зачем пришла сюда. Не могла не прийти, понима-

ешь? – дрожит её голос. – Думала, что со временем всё забудется. Всё пойдёт своим чередом, ты же...

– Не умер, – помогаю закончить мысль.

– Я не это хотела сказать, – спешит заверить меня она.

– Ну разумеется...

Вздыхает. И опять между нами повисает гнетущее молчание. Комната сейчас напоминает газовую камеру. Чиркни спичкой и всё, взлетим к чертям...

– Отец хотел оплатить лечение. Почему ты отказался?

Так искренне удивляется, будто мой поступок – это что-то из ряда вон выходящее.

– Мне ничего от вас не нужно, – непроизвольно дёргаюсь от боли, острыми иглами атакующую мою голень.

– Это глупо... Я виновата перед тобой.

– Виновата ты, а откупается папаша. В ваших кругах так принято, что ли? – откровенно глумлюсь над ней.

Вижу, как меняется выражение лица. Сострадание уступает место недовольству. Очевидно, что я попал в яблочко.

– Я просто растерялась. Ясно?

– Давай называть вещи своими именами – ты трусила, – подсказываю я.

Её щёки вспыхивают весьма красноречиво. Так и есть. Трусила.

– Как сейчас обстоят дела с твоим здоровьем? – осведомляется, игнорируя мою реплику.

– Это тебя не касается! – хватаю с тумбочки блистер с

таблетками и бутылку с водой.

Хочется сразу оборвать все её дальнейшие попытки проявить участие.

Проснулась... Это не тот случай, когда «лучше поздно, чем никогда». Лучшие уж никогда.

– Касается, – спорит она упрямо. – Я могу помочь. Только позволь...

– Думаешь, бумажки могут решить все проблемы? – прищуриваюсь, прожигая в ней дыру взглядом, полным отчаяния и злости.

Да она же ни малейшего понятия не имеет о том, чего меня лишила!

Наш диалог неожиданно прерывает мать.

– Максим, тут...

– Это мы! – басит Олег, врываясь в комнату.

Вслед за ним появляются ещё четверо парней. Последним в мою спальню входит тренер.

Вот на хрена мать впустила их? Они все меня добить решили сегодня, что ли?

– Не дозвониться до него, не дописаться! – наигранно возмущается Глеб. – Добрый вечер, красавица.

– Добрый, – выдавливаю из себя Барских.

Куда уж лучше! Может хоть сейчас у неё хватит ума свалить. Глаза б мои её не видели!

– Макс, ну как ты, парень? – тренер пожимает мне руку.

– На поправку идёт, да, братишка? – Пашка хулиганским

жестом взъерошивает мои волосы.

– Чё там медсёстры в больнице? Как? Огонь? – интересуется Андрей.

Ага, огонь. Особенно Людмила Георгиевна. Сто двадцать килограммов любви и страсти.

– Нога выглядит паршиво, – высказывает свои опасения тренер. – Её бы врачу показать, Максим.

– Я был на приёме позавчера.

– И что говорят? – хмурится Никита Сергеевич.

– Есть осложнения...

– Инфекционный процесс? Неужто некачественно провели операцию?

– Да кто знает, – жму плечом.

– Жесть, – прищёлкивает языком Глеб, склонившись над моей распухшей ногой.

– Но в целом, ты вроде смотришься бодрячком, – Андрей наступает ему на ногу, и тот, спохватившись, принимается горячо поддакивать.

Бодрячком. Ага, как же...

– В больничке ты напугал нас. Весь поломаный лежал, много крови потерял, кома... – качает головой Олег. – Надеюсь та сука, что тебя сбила, получила по заслугам и уже гниёт где-нибудь на нарах...

– Расстрою, но нет, – отвечает ему Барских.

Все, как по команде, поворачиваются в её сторону. До Глеба смысл сказанного доходит не сразу. Остальные то и дело

переводят взгляд с меня на неё и обратно.

Какого чёрта она вообще открыла рот?

– Так это... ну... – мямлит Олег, зардевшись. – Кхм... Вы...

– Я что? Сбила его? Да, – подтверждает она, не моргнув и глазом.

Парни переглядываются между собой. Андрей толкает плечом Глеба.

– Мы вообще-то на минутку зашли, попрощаться, – пытаются заполнить неловкую паузу Юра.

– Ясно.

– Комитет помощь небольшую организовал, – тренер хлопает меня по плечу, но по-прежнему косится на «девушку в красном». – Поправляйся, парень.

Киваю.

– Клянусь, я привезу тебе медаль, о которой ты так мечтал, брат, – обещает Глеб.

В его глазах мелькает искреннее сочувствие. Он знает, насколько сильным было моё желание попасть в сборную.

– Давайте, удачи, – подмигиваю ребятам.

– Ты хоть болей за нас.

– Ну а как же! Само собой!

Пытаюсь искренне улыбаться, что-то говорю, а в горло будто песка насыпали.

– Пока, Макс!

Они прощаются со мной. Юра поднимает с пола спор-

тивную сумку, брошенную у стены, и я чувствую, как каждую клеточку моего тела стремительно наполняет чёрная зависть.

Жгучая, ядовитая, разрушительная.

Точит меня. Ломает.

Это ведь я должен уезжать сейчас. Я, а не он...

Под рёбрами болезненно ноет. И нет, это не лёгкое.

Пока мать провожает делегацию будущих олимпийцев, я думаю о том, как мне жить дальше. Взгляд тренера мне не понравился. Он будто крест на мне поставил. Как на спортсмене. Именно так это выглядело.

– Максим...

Твою мать, я и забыл, что источник моих бед всё ещё здесь.

– И всё-таки, возвращаясь к теме нашего разговора...

Молча сверлю невидящим взглядом дверь.

– Если я могу что-нибудь для тебя сделать...

Поворачиваю голову влево. Судя по её реакции, у меня тот ещё взгляд. Аж заткнулась на полуслове.

– Всё, что могла, Барских, ты уже сделала...

Глава 21 Захар

На плите закипает вода, и я как раз собираюсь бросить в кастрюлю спагетти, когда раздаётся звонок в дверь.

И кого там принесло на ночь глядя...

Откладываю пачку в сторону, закидываю на плечо вафельное полотенце и направляюсь в прихожую. Кто бы не стоял там, по ту сторону двери, он уже меня бесит.

Зачем так трезвонить, ей богу...

– Да иду я, иду! – ору недовольно.

Проворачиваю замок и открываю дверь.

– Какого дьявола так долго?

Ни приветствия тебе, ни хрена. В этом весь Ахметов.

– И тебе добрый вечер...

– Арина у тебя?

Вопросительно вскидываю бровь и молчу. Игнат щёлкает зубами и делает шаг вперёд, оттесняя меня с прохода.

– Э, алё, – смотрю ему вслед.

Прямо в обуви проходит по коридору, на мой возмущённый возглас – ноль реакции. Качаю головой, вздыхаю и закрываю дверь.

Его визиты уже поперёк горла, если честно.

– Куда собрался? В мою спальню? – только и успеваю поинтересоваться за секунду до того, как он туда заходит.

– Где она? – цедит сквозь зубы.

– Ты в моей кровати свою невесту решил поискать? Свали отсюда, девчонку разбудишь, – перехожу на шёпот, но Ксюха, судя по всему, итак уже проснулась.

Ахметов бесцеремонно щёлкает кнопкой ночника, и лишь убедившись в том, что перед ним не Барских, покидает комнату.

– Совсем обалдел? Врываешься сюда, как к себе домой, – бросаю ему в спину, пока иду следом на кухню.

– Где она? – ревёт на всю квартиру.

– Да без понятия, но как видишь, здесь её нет, – повышаю голос.

– Когда ты разговаривал с ней последний раз? Она куда-нибудь собиралась сегодня?

– Разуваться у порога тебя не учили? – игнорирую я его вопрос.

– Слушай ты, сёрфер, – разворачивается и хватает меня за фланелевую рубашку.

– Руки убери свои, – стреляю в него гневным взглядом.

– Ещё раз спрашиваю, ГДЕ АРИНА? – раздувая ноздри, вопрошает этот полоумный.

– Ты глухой или...

Дёргает за рубашку вверх, и меня переклинивает. Резко толкаю его в грудь, вынуждая разжать пальцы. Отшатнувшись, он отступает назад, но ненадолго.

– Значит слушай сюда, щенок, моему терпению пришёл конец: ещё раз увижу её здесь...

– Сделай одолжение, свали из моей квартиры, – отмахиваюсь от него как от назойливой мухи.

– Ты слышишь меня? – снова надвигается в мою сторону.
– ЕЩЁ РАЗ ОНА ОСТАНЕТСЯ В ЭТОЙ ТВОЕЙ БЕРЛОГЕ НА НОЧЬ И КЛЯНУСЬ... – его глаза опасно сверкают, – ЛЯЖЕШЬ РЯДОМ СО СВОИМ ПАПАШЕЙ!

– Что ты сказал? – прищуриваюсь и тоже делаю шаг навстречу.

Смотрим друг другу в глаза. Этот урод ухмыляется и пренебрежительно кривит губы.

– Ребятят, – замечаю испуганное лицо Ксюхи, наблюдающей за нами из коридора.

– Всё нормально, – успокаиваю её я. – Наш гость уже уходит. Всего хорошего, Игнат.

Ахметов ещё несколько секунд травит меня ядовитым взглядом. Поднимает палец и кивает. Наверное, этот жест означает тот факт, что он намеревается проследить за тем, насколько я понятливый.

– Провожать не буду, уж извини! – поворачиваюсь к нему спиной и подхожу к плите. – Выкипать начала уже...

Открываю кран, добавляю в кастрюлю немного воды и ставлю на огонь.

– Это что такое было? – тихо спрашивает Ксюха.

– Игнатушка невесту потерял, – жму плечом.

Не первый раз уже. Что там у них в отношениях происходит – непонятно.

– Я слышала, как он угрожал тебе, – понижает голос до взволнованного полужёпота.

– Ой, я тебя умоляю, – смеюсь и беру в руки упаковку со спагетти.

– Мне Ахметов никогда не нравился, – признаётся она, забираясь на высокий барный стул.

– Мало ли что нам не нравится, ей с ним жить, – открываю холодильник и достаю оттуда гранатовый сок ещё до того, как она успевает попросить меня об этом.

– О, спасибо, – удивлённо улыбается. – Ты прямо мои мысли читаешь.

Если бы...

– Какой-то он... неприятный человек, да? – продолжает она рассуждать вслух. – Грубый. Вечно угрюмый и недовольный.

– Арина у нас так-то тоже не подарок, – замечаю я, бросая макароны в кастрюлю.

– Он ревнует её к тебе, – хмыкает она.

– Дурак потому что, но я могу его понять. Мне бы тоже не понравилось, если бы моя невеста регулярно оставалась на ночь у какого-то сомнительного типа.

– Сомнительного типа? – фыркает она. – Это точно не про тебя! Ты же очень хороший...

Ухмыляюсь.

Жаль, что её слова не несут в себе никакого скрытого подтекста.

– Надо рассказать ей про его угрозы.

– Не надо, – пододвигаю на работающую конфорку сковороду с креветками, томящимися в соусе.

– Как это не надо? – изумлённо восклицает она. – Ахметов слишком много себе позволяет.

– Я сам поговорю с ней, ладно? Она должна понять, что ведёт себя неправильно.

– Как знаешь, – нехотя уступает и с минуту молчит. – Мне кажется, когда она выйдет за него замуж, он запретит ей с нами общаться.

– Арина – взрослый человек, он не может взять и запретить ей делать то, что она хочет, – в корне не согласен я.

– Такой, как он, запросто может, – спорит Ксюша. – У меня от одного его взгляда мурашки по коже ползут. Бррр...

Я смеюсь и ласково взъерошиваю волосы на её макушке. Она зевает и обнимает себя руками.

– Замёрзла? – снимаю с себя рубашку и накидываю её на плечи девчонки.

– Ой да не надо, – пищит, протестуя. – Там на улице такая страшная гроза и льёт как из ведра! Видел, как молния сверкает? – показывает пальчиком в окно.

Какая там гроза, когда я могу смотреть только на неё. Сонную, растрёпанную и такую хорошенькую. Она вдруг переводит взгляд прямо на меня, и мои внутренности будто тугим жгутом стягивают.

Ксюша так близко. Красивая до невозможного. Желан-

ная... Уже давно. Одно движение – и я мог бы поцеловать эти прекрасные губы.

Но нет... Жалкие сантиметры. Расстояние, которое нарушать нельзя. Хрупкое доверие треснет по швам. Она ведь тут же сбежит, а я так счастлив видеть её здесь. Сама пришла, и это много для меня значит.

Не знаю, что такого она увидела в моих глазах, но совершенно точно это её смутило.

– Паста, Захар, – выдёргивая меня из плена фантазий, произносит девчонка. Красочно краснеет и опускает голову.

Как же мучительно всё это, Ксюха...

Заставляю себя отойти от неё.

– Рената не в восторге от того, что я здесь, – зачем-то говорит она, в то время как я пытаюсь спасти наш ужин.

– Ренату это никоим образом касаться не должно, – беру дуршлаг в руки. – Давай-ка достань сливочное масло и помоги мне накрыть на стол.

– Хорошо, – спрыгивает со стула и спешит к холодильнику.

Затем открывает дверцу шкафчика, достаёт оттуда посуду и столовые приборы.

– Неловко вчера вышло, – всё-таки поднимает щекотливую тему, связанную с Корецкой.

– Неловко должно быть только ей.

Но на самом деле я и сам порядком обалдел. Рената появилась ко мне домой в полночь, и под тонким плащом она

была абсолютно голая. Что и продемонстрировала буквально с ходу. В этот момент в коридор на шум выглянула Ксюха.

– Она к тебе равнодушна, это все знают.

Я бы предпочёл, чтобы ко мне была равнодушна ты.

– Давай не будем про Ренату, – сворачиваю неудобный разговор.

– Ладно. Но блин, у тебя было такое комичное выражение лица! – она всё-таки хохочет надо мной.

– Ну всё, хватит, – теперь щёки становятся пунцовыми уже у меня.

Корецкая, чтоб её...

К счастью, дальше мы случившееся не обсуждаем. Пока Самойлова занята сервировкой, я, как полный придурок, извращаюсь по части оформления.

– Какая красота, Захар! Как в ресторане! – восторженно лепечет, хлопая в ладоши. – Про аромат вообще молчу!

Вот ради этой её искренней улыбки я и готов наизнанку вывернуться.

– Садись, я поухаживаю за тобой.

– Да не надо, ты чего, я сама!

Снова раздаётся трель звонка. Мы переглядываемся.

Да твою ж бабушку...

– Надеюсь, это не Игнат.

– Чё ж всем неймётся-то сегодня! – вздыхаю и отправляюсь в коридор. – Ешь, остынет.

Дверь, кстати, открыта. Баран. Так увлёкся Ксюхой, что

забыл закрыть её после того, как ушёл Ахметов.

Поворачиваю ручку. На лестничной клетке стоит Арина. Видок у неё тот ещё. Как будто с привидением встретилась, не иначе. В довесок ко всему, она ещё и мокрая до нитки. Попала под дождь, видимо.

– Привет, Захар, – здоровается со мной она. – Надо поговорить. Только это... я тут не одна. Прицепился, не могу от него отделаться. Заявил, что пойдёт со мной.

Выглядываю влево.

– Опять ты? – от злости стискиваю челюсти.

Явился. Снова.

Дорохов еле стоит на ногах. Ему сейчас даже дорогой костюм погоды не делает, настолько дерьмово он выглядит.

– Ксюха у тебя, что ли? – Арина косится на Егора, пьяного в хлам.

– КСЮХА!

– Проваливай отсюда, Егор! – выхожу на площадку, прикрывая за собой дверь.

Не хочу, чтобы Самойлова его услышала. Вчера она полночи из-за него рыдала. Приходил, только трезвый был.

– Дай мне... с ней... поговорить, – требует он заплетающимся языком.

– Тебя с лестницы спустить или сам найдёшь выход на улицу? – спрашиваю, глядя на его жалкие попытки удержать равновесие.

– КСЮЮЮЮШ! КСЮЮЮЮХА! – как заорёт истошно.

– Замолчи!

– Я ЩАС ПОЕДУ И РАЗОБЬЮСЬ, ЕСЛИ НЕ ВЫЙДЕШЬ! – угрожает он.

– Да заткнись ты, кретин! – хватаю его за костлявые плечи.

– Пошёл вон!

– Пусти... меня в квартиру. Почему... ик... она вообще с тобой?

Его лицо вдруг становится чересчур серьёзным. Он нервно дёргает галстук и стаскивает его с шеи.

– Вали восвояси, планктон офисный.

– Я замдиректора на минуточчку! – хорохорится, скорчив недовольную мину.

– Да начхать мне, кто ты!

Истеричное «Ксюш» снова раздаётся на весь подъезд.

Отвешиваю Егору звонкий подзатыльник и уже намереваюсь вышвырнуть его, как из квартиры выходит Самойлова. Одета в свои вещи. Сумка через плечо, в руках телефон.

– О... зай, – Дорохов расплывается в косой улыбке.

– Куда ты собралась? – не верю своим глазам.

– Отвезу его домой, пока у него не хватило ума сесть за руль, – смотрит на своего бывшего и достаёт из кармана ключи от машины. – Где ты так набрался, Егор?

– Выпил чуток, в баре... тут рядом... Ксюх. Ты прости меня, а? Я ж это... просто запутался, понимаешь?

Запутался... Такой формулировки, отражающей причину походов налево, я ещё не слышал.

– Давай не здесь, – она морщится будто от его слов ей физически больно. – Идём.

– Да ты серьёзно, что ли? – отпускаю Дорохова, и тот от неожиданности едва не валится на пол.

Вовремя успевает схватиться за Арину, молча наблюдающую эту сцену.

– Никуда ты не пойдёшь с ним, – пытаюсь затолкать девочку обратно в квартиру.

– Захар, ну перестань, мне надо с ним поговорить! – выныривает из-под моей руки.

– Да на кой он нужен! О чём можно говорить с этим ублюдком? – ору уже и я.

Соседка из двести тринадцатой высовывает любопытный нос на лестничную клетку.

– Идём, Егор, – Самойлова меня будто не слышит.

– Ксюх... – нагоняю её у лестницы и касаюсь плеча. – Не делай глупостей, на черта тебе сдался этот выродок?

– Ээээ, фильтруй... речь, – пытается что-то предъявить мне её недожених.

Стоит, вцепился в перила, лупится на меня ничего не соображая.

– Да скройся ты с моих глаз долой! – бросаю на него взгляд, полный плещущегося через край презрения и отвращения. — Морду бы тебе твою противную расквасить ещё разок! Не дошло, я смотрю...

– Не трогай его, не надо! – Ксюша торопится закрыть этот

кусок дерьма собой.

– Ксюх, вернись домой, – прошу спокойно, пытаюсь унять клочочущую в груди злость.

– Я тоже считаю, что тебе не надо никуда ехать, – присоединяется к моим словам Арина.

– Ребят, – качает головой. – Ну куда он в таком состоянии?

– Да плевать, пусть что хочет, то и делает! – хватаю её за руку. – Идём.

– Пусти.

– Не поедешь ты с ним!

– Захар, – упирается, вынуждая меня остановиться.

Хмурится, смотрит на меня во все глаза. Пытается выдернуть кисть из моей мёртвой хватки.

Непривычно ей видеть такого Захара. Ну извините, я тоже не железный!

– Захар... – этот её взгляд пробирает до самых костей. – Спасибо тебе за всё, но сейчас я хочу уйти...

Хочет уйти! И главное с кем! С ним!

Моему возмущения нет предела.

– Да не будь ты дурой! – раздражённо цокаю языком. – Не разочаровывай меня, Самойлова! Ну где твоя гордость?

Клянусь, я не хотел давить на больное, но она реально просто выбесила меня своим поведением.

– Отпусти. Мою. Руку, – обиженно чеканит по слогам.

– Прекрасно мать твою! – разжимаю пальцы, и она тут же спешит к ступенькам.

Довольный ситуацией Дорохов, который вызывает во мне только одно желание – придушить, плетётся за ней следом. Внизу ноги видать заплетаются, и он ничком падает на пол. Ксюша бросается к нему и помогает встать. Передать не могу, насколько тошно наблюдать за этой картиной.

Я просто не понимаю её. Никогда не понимал! Но конкретно сейчас вообще поражён. Этот человек втоптал её чувства в грязь, а она...

– Дура... – качаю головой.

– Шоу бесплатное вам тут, что ли? – слышу голос Арины за спиной.

– Шелупонь!

– Скройтесь за дверь, – громко советует соседке Барских.

– Устроили мне за стеной блядушник, – огрызается та в ответ. – То одна у него путана ночует, то другая... весь в папашу!

– Регина Львовна, закрыли бы вы свой рот! – не выдерживаю я.

Отец в гробу уже, наверное, перевернулся. Дважды за сегодня про него вспомнили.

– У ты хамло какое! – начинает кудахтать пуще прежнего, выползая на лестничную площадку.

– Пошли в квартиру, Арин, – закатываю глаза.

Барских с готовностью принимает моё предложение, и уже через несколько секунд хлопок толстой, железной двери

отделяет нас от взбунтовавшейся соседки.

Глава 22 Захар

– Грымза старая! Ты слышал, Захар, она путаной меня назвала! – возмущается Арина, присаживаясь на пуфик.

– А ты почаще здесь ночуй! – выдаю я зло.

– Чего? – удивлённо на меня таращится, замерев с туфлём в руке.

– Ничего, забей. Прости... – тут же извиняюсь я.

Тупо сорвался конечно. Вообще, вывести меня на эмоции довольно непросто. Обычно я сохраняю спокойствие до последнего, но сейчас у меня явно не то состояние.

– Вот скажи мне, Арин, что я делаю не так? Почему по итогу она всё равно уходит к нему? – всё-таки вырывается у меня.

– Потому что глупая, — озвучивает свой вердикт Барских.
– Влюблённые женщины – те ещё дуры. Логика и здравомыслие – вот вообще мимо.

– Дорохова интересуют только деньги её отца. Ему плевать на Ксюху...

– А зачем напрягаться, если она сама всю дорогу вешалась ему на шею. Не удивлюсь, если простит, – огорошивает Арина своим предположением.

– Ты бы такое простила? – спрашиваю в лоб.

– Нет, – отвечает, и секунды не раздумывая. – Но Самойлова у нас мягкотелая в том, что касается её жениха.

Да ну бред полный. Ксюша не опустится до такого.

– Кстати про жениха. Тебя искал Игнат. Какого чёрта ты динамишь своего Отелло?

– У меня были дела, – сообщает она важно.

– Дела о которых не знает будущий муж? – вопросительно выгибаю бровь.

Мне этого не понять, хоть убей.

– Никто не знает.

А вот это уже интересно...

Откидывает голову назад, прислоняется к стене и внимательно смотрит на своё отражение. Старое винтажное зеркало, доставшееся от бабушки, висит как раз напротив. Мать во время ремонта не позволила выбросить и заменить его на новое. Типа надо сохранить семейную реликвию.

Арина тяжело вздыхает и начинает вытаскивать из волос шпильки, выпуская на свободу чёрные локоны, влажные после дождя.

– Какая-то ты странная, – замечаю, что она сама не своя.

Слишком много действий, нервозность в каждом движении. Вон пуговицу чуть не оторвала на пиджаке, с такой силой дёрнула.

– Мне бы выпить...

– Воды? – предлагаю первое, что приходит в голову и направляюсь в сторону кухни.

– Нет. Хотелось бы чего-нибудь покрепче, – заявляет она.

– А что за повод?

– Я у Громовых была, Захар...

Сперва думаю, что мне слышалось, но когда она повторяет знакомую фамилию ещё раз, сомнений не остаётся: я не в бреду.

– Ты серьёзно? – резко притормаживаю и оборачиваюсь. Смотрю на неё и не верю.

Надо же, втихаря поехала, ни словом не обмолвившись.

– Ага, сама в шоке...

– Как решилась? – даже не пытаюсь скрыть изумление в голосе.

– Просто подумала, что должна, наконец, это сделать, – пожимает плечом. – Есть не могла, спать не могла. А после той статьи, которую ты показал... всё стало ещё хуже.

Да, помню я, как в тот вечер она сбежала из клуба. Только вот от себя не убежать. Пришло осознание значит...

– Громовы адекватно восприняли твой приход? – опираюсь локтем о стену.

Честно говоря, я не ожидал, что Арина наберётся смелости и отправится туда, тем более в одиночку. Слишком долго боролась сама с собой и слишком усердно закапывала совесть поглубже.

– Учитывая, что мне пришлось обманным путём проникнуть к ним в квартиру – точно не обрадовались. У его матери сердце прихватило в тот момент, когда я решила прекратить устроенный мной же спектакль.

– Блин, сердце – это плохие шутки, Арин.

– Да знаю, – складывает пальцы в замок. – Но что ещё оставалось делать? Мне надо было увидаться с ним.

– Ты мой герой, детка! – восхищаюсь её поступком.

Подхожу к ней и присаживаюсь на корточки. Она, о чём-то размышляя, по привычке неосознанно кусает нижнюю губу.

– Ну а сам Громов, Арин? Даже представить не могу его реакцию. Кричал? Ругался? Бросал в тебя костыли? – перечисляю возможные варианты.

– Лучше бы так, – отрицательно качает головой. – Он терпел моё присутствие как мог.

– Страшно тебе было? – накрываю её ладонь своей.

– Да передать тебе не могу как! – признаётся она честно. – Стою перед ним, руки трясутся, голос дрожит. Жуть просто! У него взгляд ещё такой тяжёлый...

Арина морщится, очевидно вспоминая тот самый момент.

– Ты умница, Ариш, и всё сделала правильно, – сжимаю её ледяные пальцы. – Тебе стало легче?

– Вот и он задал тот же самый вопрос, – хмыкает она.

– И каков ответ? – осторожно интересуюсь я.

– И да, и нет...

– Вы поговорили?

– О! Это был тот ещё диалог! Громов всю острит и сыпал язвительными комментариями, – делится со мной она.

– А чего ты ожидала? Парень злится. Его можно понять.

– Да знаю, – хмурится, снимая с себя мокрый пиджак.

– Громовы, оказывается, отказались от помощи отца. Сами оплатили операцию.

Я почему-то так и думал, хоть и не говорил об этом по-друге.

– Вот что за глупая позиция? Они явно с копейки на копейку перебиваются. Квартирка, размером со спичечный коробок, мать-пенсионерка. К чему эта дурацкая гордость, м? Что и кому хочет доказать?

– Что он сказал тебе?

– Взъерепенился, – недовольно отвечает она.

– А если дословно?

Подозреваю, что там прозвучало то, что серьёзно её задело.

– Мол думаешь, бумажки могут решить все проблемы? – цитирует она Громова, вскакивая с пуфика. Мечется туда-сюда по коридору, чересчур активно жестикулируя. – Могут конечно! Вон ему наделали уже по полису в городской больнице! Осложнения какие-то теперь.

– Осложнения – это плохо... – искренне сочувствую парню я.

– Крючит всего от боли, но нет, храбрится! Сидит с невозмутимым покер-фэйсом. От помощи отказывается. Говорит всё, что могла, ты уже сделала! Ничего от тебя и твоего папаши не нужно.

Что ж, этот парень мне уже заочно нравится. Явно с характером, не даром, что спортсмен.

Я иду вслед за Ариной на кухню. Замечаю на спинке барного стула свою рубашку. А ещё на глаза попадается оставленная Ксюхой тарелка...

Так и не притронулась, какого чёрта я вообще извращался!

Снова вспоминаю тот неприятный эпизод, который произошёл на лестничной клетке, и опять по новой накатывает злость.

– Его мать, Галина Юрьевна, разоткровенничалась со мной. Ну пока не знала, что я это я, – уточняет Арина, встретившись с моим скептическим взглядом. – Плакала. Никак не могла успокоиться. А я... стояла, смотрела, слушала и не знала куда себя деть. Такое чувство страшное захлестнуло! Я вдруг подумала о том, что Громов мог не выжить...

– Но он выжил, слава богу.

– А если бы нет? – открывает кран, моет руки и прикладывает их к шее. – Всё это время я думала только о себе. О своих страхах. Тюрьма, огласка... это разве сравнится с тем, что... человека могло не стать. Как бы я потом смотрела в глаза его матери?

Дышит часто. Руки трясутся, когда она достаёт с полки бутылку виски и наполняет стакан. Я знаю Арину со времён сопливого детства и в таком состоянии как сейчас видел её лишь пару раз.

– Галина Юрьевна сказала, что отец предлагал ей деньги за молчание, а когда она отказалась, начал угрожать. Мо-

жешь себе представить?

Могу естественно. Я про Виктора Сергеевича много чего знаю. Они с моим отцом вместе начинали строить бизнес. Не совсем легальный, если уж совсем откровенно. Арина в эти подробности никогда вникать не хотела. Девчонкам оно ведь как, особо и не надо... трать папины деньги беззаботно и не задавай лишних вопросов.

– Арин, давай успокаивайся. Сейчас-то ты чего разнервничалась? – подхожу к ней сзади, заключаю в кольцо рук.

Дрожит вся. Оно и понятно, всё-таки встреча с Громовым для неё – глубокий стресс. Рассматриваю её профиль и прямо чувствую, что сейчас происходит у неё внутри. Буря. Она сбита с толку. В смятении. Я тоже через это проходил.

– Когда я была там, к нему домой пришли парни и тренер. Попрощаться перед поездкой на олимпиаду, – рассказывает она, понуро опустив голову. – Пытались приободрить, шутили, желали скорейшего выздоровления... – делает паузу. – Но ты бы видел его лицо, Захар...

– Арин...

– Если бы не я, – поворачивается ко мне и прижимается щекой к моему плечу.

– Ариш, – обнимаю её покрепче и поглаживаю по волосам.

Сердечко стучит так гулко, тело напряжено до предела, а ещё она, кажется, плачет. Что вообще этому человеку несвойственно.

Тихо, почти беззвучно роняет слёзы на мою футболку. Мне жаль её... В ситуацию, подобную этой, мог попасть любой из нас.

– Ариш... Это просто стечение обстоятельств, слышишь?

– Захар... – шепчет, судорожно вдыхая носом воздух. – Пожалуйста... скажи, как мне всё исправить? Я очень хочу.

Исправить... Иногда обратного пути может и не быть. Но к счастью, выхода нет только с того света.

– Исправить вряд ли получится, Ариш, – целую её в макушку, – а вот помочь ему ты в силах...

Глава 23 Захар

Арина уезжает к Игнату, когда за окном уже полночь, и я остаюсь один на один со своими беспокойными мыслями. Они разъедают мозг и травят кислотой душу. Пишу и звоню Ксюхе, но тщетно... телефон вне зоны доступа, и всё, что мне остаётся – смиренно дожидаться утра.

К счастью, я не обременён работой. Доля акций, которую оставил мне отец, приносит постоянный ежемесячный доход, поэтому я свободен во всех смыслах этого слова. Мои будни не расписаны по минутам и нет никакой необходимости в том, чтобы «просыпаться с петухами». Однако сегодня уже в восемь утра мой мотоцикл мчится навстречу ветру.

Девчонка на связь так и не выходит, и я понимаю, что чёрная туча тревоги, нависшая надо мной, сама по себе никуда не денется. Мне нужно срочно убедиться в том, что с Ксюшей всё в порядке. Мало ли что могло с ней произойти? Я не доверяю этому олуху абсолютно.

Сперва еду домой к её родителям. Но, увы, Самойловой там нет. Её мать, Наталья Сергеевна рассказывает, что дочь не пришла ночевать, из-за чего накануне состоялся громкий скандал. Ксюша вроде как серьезно поругалась с отцом, заявила, что в свои двадцать два имеет право жить как хочет, после чего отключила телефон и больше не звонила.

Ксюша – домашняя девочка, и мне всегда казалось, что

семья для неё в приоритете. Подобное поведение – точно не норма, да и на моей памяти крупных ссор с родителями никогда не было. Во всяком случае, мне об этом ничего неизвестно.

Мысль о том, что Ксюша провела эту ночь у Дорохова отзывается колючей болью под рёбрами.

Не могла она остаться у него после всего, что произошло! Не могла! Просто не могла!

Однако после того, как выясняется, что в институте она тоже не появлялась, сомнения рассыпаются в пыль – девчонка у него. И её машина, припаркованная на стоянке элитного жилого комплекса – лишнее тому подтверждение.

Здоровуюсь с консьержкой и вызываю лифт. Пока еду на двенадцатый этаж, пытаюсь успокоить оголённые нервы. Её нахождение здесь – не укладывается в голове. Она ведь сама говорила, что ноги её здесь больше не будет.

Пару минут стою в холле и тупо смотрю в окно. Собираюсь с мыслями, наблюдая за тем, как вереница машин длинной змейкой движется по Ленинградке. Вдыхаю. Подхожу к дорогой дубовой двери. Стучу и отчего-то начинаю нервничать ещё больше. Наверное потому что дурацкая интуиция никогда меня не подводит.

Настырно мучаю звонок. Ещё вчера меня бесил Игнат, но уже сегодня я сам веду себя ровно также.

Когда дверь, наконец, открывается и на пороге показывается сонная Ксюша, я испытываю некоторое облегчение.

По крайней мере, с ней ничего не случилось, уже хорошо.

– Захар? – потирает кулачком глаза. – Ты чего здесь?

– А ты? – переспрашиваю, уже не пытаюсь изображать из себя всепонимающего друга.

– Я... – она теряется на секунду.

Открывает рот. Закрывает. А потом краснеет.

– Я войду? Этот твой кобель тоже тут? – наплевав на этикет, прохожу мимо неё.

– Нет, Егор уехал на работу, – тихо отвечает она, закрывая за мной дверь.

– Ты зачем выключила телефон, Ксюха? – качаю головой.

– Захотелось мне так, – мгновенно ощетинивается она.

– Я тебя везде искал. Дома! В институте! Друзей обзвонил! – высказываю недовольно.

– Не стоило так переживать! Я уже давно взрослая девочка, Захар!

Опять та же пластинка. *Взрослая девочка! Куда там! Дитё!*

– С родителями поругалась? Он того стоит, а? Скажи, – кладу руки на хрупкие плечи и заглядываю ей в глаза. – Зачем ты вообще здесь осталась? Это же та самая квартира, в которой он...

– Не надо, – плывёт её голос.

– Мне тут даже стоять противно, не говори, пожалуйста, что ты...

– Противно стоять – уходи! – перебивает Ксюша, и та

злость, с которой она это произносит, поражает до глубины души. – Я тебя сюда не звала. Чего вы все ко мне пристали?

– Ксюх, – делаю шаг ей навстречу. – Я же переживаю за тебя, не понимаешь?

– Вы допекли меня уже своей заботой! – убирает от себя мои руки, но я снова ловлю её, не позволяя отойти.

– Зачем ты здесь осталась, скажи? – только и могу выдавить из себя я.

Невольно замечаю, что она одета в мужскую рубашку. Не трудно догадаться, кому она принадлежит.

– Ксюх...

– Мы помирились, ясно? – вздёргивает подбородок и смотрит на меня с вызовом. – Ну давай, начинай! Ты же для этого сюда явился! Пришёл поиздеваться? Очередной раз ткнуть меня носом как несмышлёного котёнка?

– Ксюх, да чего ты, малыш, – не позволяю ей отойти. Только крепче цепляюсь за неё.

Мы помирились... стучит кипящей кровью в ушах.

В груди невыносимо печёт, дышать не могу, лёгкие скрутило. Будто нырнул и иду ко дну.

– Нельзя прощать такое, понимаешь ты или нет? – встряхиваю её, не в силах сдержать порыв затопившей меня ярости.

– Достали уже учить меня жизни! В своей бы сначала разобрались! Что ты, что Арина! – начинает кричать. – Оставьте меня в покое!

– Ксюх, – дёргаю девчонку на себя.

Обнимаю, не реагирую на её истерику и протест. Прижимаю к себе, не обращая внимания на то, как она спешит высвободиться из моих объятий.

– Он же не любит тебя, Ксюш, не любит! – повторяю громче.

Хочу, чтобы она пришла в себя. Опомнилась.

Помирились. Как же так...

– Отпусти, Захар! Ты делаешь мне больно! – отклоняется назад, предпринимая очередную попытку вырваться.

– Больно? – хватаю её за щёки. – Больно мне, Ксюш. Смотреть на то, как ты позволяешь вытирать о себя ноги! Он другую бабу трахал на протяжении полугода! Здесь! В Вашей постели! И ты готова закрыть на это глаза?

– ЗАМОЛЧИ! – мотыляет головой.

– Из-за него ты оказалась чёрт знает где! Тебя ведь могли убить!

– ОТПУСТИ МЕНЯ! – надрывно хрипит она.

Слёзы ручьём текут по лицу, а глаза полыхают ненавистью.

Вот то единственное, что мне уготовлено.

– Ксюх, – сглатываю через силу. В горле ком, и у самого постыдно жжёт веки. – Я ж люблю тебя, дура! Люблю, слышишь? А ты...

Пока до неё доходит смысл мною сказанного, я в порыве глухого отчаяния прижимаюсь своими губами к её, и тут же

ощущаю солёный привкус. Привкус боли и страданий. И от этого моё сердце рвётся на куски.

– М... – борется со мной, яростно сопротивляется.

Отталкивает, как и предполагал. Не отпускаю, сжимаю пальцами скулы, продолжаю целовать: напористо, горячо, исступлённо. Вот только такие поцелуи не приносят удовольствия... потому что нет ничего хуже, чем принуждение. И я прекрасно это понимаю.

Ксюха до крови прокусывает мою губу. Вынуждая отодвинуться, отпустить её.

– Сдурел совсем? – пятится к стене и обнимает себя за плечи.

– Прости меня, я просто...

– Да пошёл ты! – рыдает.

На лице проступают пятна смущения, и слёзы по новой бегут ручьём.

– Уходи, Захар, пожалуйста, уходи! – просит тихо, едва слышно. – Ты же для меня как брат! Зачем ты это делаешь!?

– Потому что люблю тебя! – отвечаю спокойно.

– Бред... глупости.

– Ксюш, – нерешительно подаюсь вперёд, но она тут же выставляет в защитном жесте руку. – Уходи, Захар! Уходи!

– Ксюха, ты очень дорога мне. Я не хочу, чтобы ты страдала. Он тебя не достоин.

– Перестань!

– Да приди ты в себя! Кто всегда был рядом, когда тебе

это нужно было? Скажи мне, кто? – повышаю голос. Хотя никогда не позволял себе этого.

Она качает головой.

– Теперь я понимаю, почему ты так ненавидишь Егора! – прищуривается. — Ты с самого начала был против него!

– Мои чувства к тебе не имеют к этому никакого отношения! – спорю я. – Твой Егор – ничтожество, вот и вся причина!

– Замолчи. Просто уходи. Пожалуйста!

– Самойлова, ты совершаешь большую ошибку! – стискиваю зубы и склоняю голову.

Почему-то есть ощущение, что сейчас происходит что-то очень нехорошее. То, что не позволит нам остаться прежними. То, что навсегда разобьёт на осколки тёплую, нежную дружбу, имевшую место быть между нами.

– Это моя жизнь, не лезь в неё, ясно? **ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!** Я хочу быть с Егором! **ХОЧУ БЫТЬ С НИМ!** – срывая голос, переходит на крик.

Я не могу это слушать. Хочется завывать, настолько мерзко звучит это её «хочу быть с ним».

Сползает по стене, роняет голову в колени.

– Уходи, Захар, – разрезает резонирующую тишину её просьба.

Сжимаю пальцы в кулаки, глядя на то, как подрагивают плечи девчонки.

Бессмысленно. Она меня не слышит.

Гашу в себе очередной неуместный порыв подойти к ней. Открываю дверь и ухожу прочь из этой квартиры.

Такой жизни она для себя хочет? Что ж, ладно. Я не стану мешать.

Холл. Нескончаемые ступеньки. Бегу вниз до тех пор пока не начинает кружиться голова. Нормально вдохнуть получается только на улице, да и то воздух кажется невероятно сухим и душным.

Складываюсь пополам и приседаю на тротуар.

Что я чувствую? Гнев. Злость. Обиду. Столько лет я был с ней рядом и теперь всему конец. Конец ведь?

Сердце под рёбрами страшно ноет, а на губах попеременно с металлическим привкусом крови до сих пор ощущается вкус её слёз. Слёз, которые принадлежат не мне. Как и вся она.

В кармане оживает телефон. Ненароком всё равно проskalзывает глупая надежда на то, что это Ксюха. Но это, разумеется, не она.

– Алло, Захар, минут через десять я буду у твоего дома. Всё в силе? – трясущиеся пальцы прижимают

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.